

УЖАСЫ МИСТИКА

ВИКТОР ГЛЕБОВ

ХРОНИКИ

БЕЗДНЫ

Леденящие душу истории, собранные под одной обложкой. Твари, выходящие из моря, генетические чудовища, колдуны и монстры, человеческие пороки и фобии — вас ждёт подборка рассказов от одного из ведущих авторов отечественного хоррора. Первая книга серии "Хроники бездны".

Кубик не складывался. Артём бился над ним уже третий час, но прогресс не намечался, если не считать, что механик научился довольно быстро собирать любую из его сторон. Но это — предел! Стоило попытаться добавить следующую, как все предшествующие труды шли прахом: квадратики перемешивались, и понять, где они располагались до этого, уже не представлялось возможным.

— Проклятье! — Артём в сердцах запустил головоломкой в стену.

Разноцветные кубики брызнули в разные стороны с сухим треском.

— Успокойся, — проговорил Барт, скосив глаза на механика. — Мы летим всего полдня, а ты уже слишком нервный.

— И ты отлично знаешь, из-за чего! — огрызнулся Артём, вставая с кресла.

Он прошёлся по кают-компанин взад-вперёд и остановился, уперев руки в бока. Вбритой макушке Барта отражался свет потолочных ламп. Высокий и широкоплечий, помощник пилота всегда казался спокойным. Вот бы и Артёму научиться...

— Только не говори, что дело в «Контейнере 21», — ухмыльнулся Барт. — Мы делаем такие штуки для «Генотавра» не впервые, и...

— И каждый раз я психую! — перебил механик. — Вот именно! Я не могу привыкнуть к этому. Просто не могу!

Барт, не оборачиваясь, махнул рукой.

— Да ладно! Никому нет дела, какую дрянь мы везём. Главное, что её больше нет на Земле.

— А проверки?

— Ну, мы все слышали о них, это верно, — помощник пилота развернул кресло, чтобы видеть собеседника. — Но ты хоть раз попадал на неё?

— Нет, — вынужден был признать Артём.

— Сколько лет ты летаешь на мусоровозе?

— Два с половиной.

— И за всё это время нас ни разу не проверяли, — Барт развёл руками, словно иных доказательств не требовалось.

Артём скривился.

— Статистика — это, конечно, хорошо, — сказал он. — И всё же где гарантии, что...

— Гарантии? — Барт удивлённо приподнял густые, сросшиеся брови. — Да ты, по моему, забыл, за что нам платят. И платят очень неплохо.

— Помню я! — нехотя буркнул Артём.

— За риск, — продолжил помощник пилота. — За то, что мы нарушаем закон, «Генотавр» переводит на наши счета приличные деньги, благодаря которым нам не придётся до старости летать на этом корыте.

— Как бы нам не пришлось сгнить в тюрьме, — отозвался Артём.

— Хватит дёргаться! — наставительно прогудел Барт. Он отвернулся и придвинул к себе навигационный пульт. — Ещё ходок десять, и мы выйдем на заслуженную пенсию. Купим по коттеджу на берегу океана и заживём, снимая проценты со счетов. И ради этого лично я готов рискнуть. И твоё присутствие здесь подсказывает мне, что ты тоже.

— Да-да, — не желая развивать дискуссию, проговорил Артём. — Конечно.

Он сел на своё место. — Но лучше бы нам платили побольше в «Ассоциации мусорщиков» — тогда не пришлось бы связываться с корпорациями.

— Но они не платят, Тёма, — отозвался Барт. — Поэтому мы делаем то, что делаем.

Дверь с шипением отъехала в сторону, и в кают-компанию вошла Зоя.

— Скучаете? — бросила она, сразу направившись к буфету. — А я что-то проголодалась. Перехвачу до обеда сухпая, если вы не против.

— Ни в чём себе не отказывай, но помни, что нам ещё лететь и лететь, — отозвался Барт.

— Жратвы полно, — Зоя открыла буфет и окинула взглядом его содержимое. — Нам хватит и ещё останется.

— Если ты будешь целыми днями хомячить, то на обратном пути придётся тебя съесть, — хмыкнул Артём.

— Очень остроумно, — скривилась в ответ девушка.

Она вытащила упаковку калорийной смеси, спрессованной в плитки.

— В конце концов, — заявила она, сдирая обёртку, — я капитан или кто?

— Ты — капитан, — кивнул Артём.

— А что подельывает наш гость? — поинтересовался Барт. Он отложил навигационный пульт и развернулся к девушке лицом. — Сидит в своей каюте?

— Нет. Изучает в рубке наш маршрут. Я оставила его с Робертом.

— Какое ему дело до нашего маршрута?

Зоя пожала плечами и откусила сразу половину плитки. Принялась сосредоточенно жевать.

— Я не понимаю, для чего он с нами полетел, — проворчал Артём, зная, что затевает бесполезный разговор: сопровождающий груза находился на борту, и избавиться от него раньше, чем мусоровоз прибудет на пересадочную станцию, не представлялось никакой возможности.

— Это нас не касается, — сказала Зоя. — За то, что мы взяли пассажира, «Генотавр» доплатит нам по сто кредитов на рыло. Так что пусть бы прислали хоть двадцать сопровождающих для своего дерьма!

— Раньше они никогда так не делали, — сказал Артём. — Не присылали своих людей приглядывать за контейнером.

— Ну, может, они заподозрили, что мы продаём отходы их конкурентам? — Зоя рассмеялась, показав мелкие белые зубки.

— Кому они нужны! — буркнул Артём.

Его беспокоило не только присутствие на борту мусоровоза «Контейнера 21» — к этому он более-менее привык — но и то, что в этот рейс они взяли по настоянию «Генотавра» сотрудника корпорации. Артёма всегда настораживало, когда люди меняли привычный порядок.

— С этим контейнером что-то не так, — сказал он уверенно, глядя на капитана. — Знаю, что уже говорил это, но...

— И не раз, Тёма, — перебил Барт. — Так что хватит. Ты всех уже достал своим занудством. Что бы ни засунули в этот контейнер, мы подписались доставить его, куда следует.

— Да, Тёмыч, будь добр, заткнись! — согласилась с помощником пилота Зоя. Она уже успела разделаться с частью сухого пайка, а остаток завернула и сунула назад в буфет. —

Потом доем, — предупредила она.

— Обещаю, никто не возьмёт, — усмехнулся Барт. — Я лично прослежу.

Девушка состроила ему гримаску и вышла из кают-компаний.

— Если всё обойдётся, я возьму недельный отпуск, — заявил Артём, когда дверь за ней закрылась. — Серьёзно. Мне надо подлатать нервы.

— Правильно, — одобрил Барт. — А то уже нет сил слышать твоё нытьё.

— Это не нытьё! — возмутился механик. — Я объективно смотрю на ситуацию. Мы вляпались во что-то необычное. Конечно, всем нужны деньги, я понимаю. Вы с Зоей собираетесь пожениться и копите на свадебное путешествие. Я лично обеими руками «за». Роберт весь в долгах, и кредиторы уже готовы открутить ему яйца. Мне тоже лишняя монета не помешает. Но никакое бабло нам не пригодится, если... — Артём многозначительно замолчал, глядя на Барта.

— Слушай, да чего ты боишься-то, я никак понять не могу. Что этот контейнер каким-то чудом откроется, и мы передохнем от той заразы, которая оттуда выльется?

— Ну, сам он не откроется...

— Вот именно, Тёма! А никто из нас открывать его не станет, верно? Мы ж не идиоты. И этот Таллс тоже не собирается выливать генетическое дерьмо своей корпорации на свежесмытый пол нашего мусоровоза. Согласен?

— Да, — вынужден был признать Артём. — Конечно, ты прав. Вы все правы! Умом я это понимаю, а вот...

— А вот душа в пятки уходит, — закончил за него Барт. — Это ясно. Только я тебе так скажу, Тёмыч: хватит ссать! А если ссышь, то никому этого не показывай. Потому что мы тут все немного нервные из-за этого парня. И никто не хочет, чтобы ты раздувал проблему, понятно?

Механик поднял руки, сдаваясь.

— Хорошо, Барт, убедил! С этого момента я молчок.

— Уверен?

— Ага. Ни слова о контейнере, ни полслова о Таллсе.

— Другое дело, — одобрительно кивнул помощник пилота. — Осталось лететь полтора дня. Оставим этого соглядатая на пересадочной станции — и назад.

— И назад, — повторил Артём. — Очень просто.

— Да, вот так. А теперь дай мне доделать свою работу. Скоро загружать обновленные данные.

Механик встал и направился в угол, где валялись куски его кубика Рубика. Собрал их и попытался починить головоломку. К его удивлению, квадратики довольно легко соединились. Артём покрутил стороны — всё работало.

Он вернулся в кресло и погрузился в мир разноцветных граней. До конца полёта он дал себе слово научиться собирать эту шуковину...

***

— Куда они могли деться? — Зоя старалась говорить спокойно, но слегка дрожащий

голос выдавал волнение. И немудрено: два члена экипажа, которых она оставила ненадолго в рубке, исчезли без следа. И это на корабле, который не мог похвастаться большими размерами.

— Надо запустить сканеры, — предложил Барт. — Они быстро их обнаружат.

— Ты прав. Мне как-то не пришло в голову. Давай, — Зоя кивнула на пульт, и помощник пилота тут же уселся за клавиатуру.

— Сейчас мы их, голубчиков, определим, — протянул он, набирая запрос на поиск живых организмов в пределах мусоровоза.

Через полминуты компьютер выдал результат: найден один объект; трюм номер «шесть».

Зоя и остальные члены экипажа переглянулись.

— Это там, где контейнер? — спросил Артём, хотя прекрасно знал ответ.

— Ничего не значит, — ответила Зоя. — Сейчас сходим и проверим.

Механик не тронулся с места.

— Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что компьютер нашёл только один объект! — сказал он, глядя на товарищей, направившихся к выходу из рубки. — Вы понимаете? Пропали два... человека, а остался только один. Живой — один!

— Мы это заметили, — мрачно ответила Зоя. — Возьмём оружие.

— Блеск! — выдохнул Артём. — Сразу полегчало!

Тем не менее механик не стал больше препираться и, прихватив из оружейного шкафа винтовку, присоединился к остальным.

Перед дверью, ведущей в шестой трюм, они остановились.

— Я первый, — сказал Барт. — Прикройте меня.

Никто не стал возражать.

Помощник пилота провёл ладонью по сенсорному экрану, и дверь с шипением отъехала в сторону.

Барт шагнул в трюм, держа винтовку перед собой. Зоя и Артём вошли следом.

Посреди отсека стоял контейнер с логотипом корпорации «Генотавр» — стоял там, где его оставили после погрузки, прикованный с четырёх углов к полу.

Артём смачно выругался. В тишине трюма его слова прозвучали неожиданно громко.

Передняя стенка контейнера была открыта!

***

— Вот это я имею в виду! — сказал Барт, указывая стволом на тёмно-синюю лужу вязкой жижи, начинающуюся внутри контейнера и тянущуюся метра на четыре по полу трюма. — Кто-то выполз отсюда!

— И куда он после этого делся? — проговорила, глядя на помощника пилота, Зоя.

— Откуда мне знать?! Я что, похож на ясновидящего?

— Не кипятись, Барт.

Здоровяк поднял руки.

— Я спокоен! Я чертовски спокоен, ребята, но я понимаю, что из контейнера что-то вылезло и теперь бродит по кораблю. Оно уже прикончило Таллса, а Роберта нигде нет!

Тело сопровождавшего груз сотрудника «Генотавра» лежало неподалёку от контейнера, изломанное так, будто по нему проехался марсианский тягач. Члены экипажа старались не

смотреть в ту сторону, где из-под останков медленно растекалась лужа крови. В том, что это именно Таллс, а не Роберт, они смогли убедиться только благодаря отсутствию нашивки на запасном комбинезоне, который сопровождающему выдали на мусоровозе — у всех остальных на груди имелись бирки с именами.

— Я не удивлюсь, если контейнер отрыл Таллс, — заметил Артём.

— На кой чёрт ему это делать? — раздражённо спросила Зоя.

— Ну, не сам же контейнер открылся! — не выдержал механик. — Да и что ещё Таллс мог делать в трюме? Или вы даже сейчас будете оправдывать этого, этого...

— Меня больше интересует другое, — перебил его Барт. — Компьютер показал, что здесь есть человек. Во всяком случае, кто-то живой. И мы сюда явились, чтобы узнать, кто это. Но я не вижу здесь никого, кто мог бы...

— Да вот эту тварь он и нашёл! — Артём показал на синюю лужу. — Ты что, не врубаешься?! А может, Таллс был ещё жив, а пока мы шли...

В этот момент за дверью трюма раздались гулкие шаги, и в отсек вошёл Роберт. Он держал в руках стакан с трубочкой.

— Вот вы где, — сказал пилот, взмахнув свободной рукой. — А я вас везде ищу! Эй, почему контейнер открыт?!

***

— Я говорил, что мы вляпались, говорил! — бормотал Артём, стеклянными глазами наблюдая за действиями пилота и его помощника: те заворачивали в плотный пищевой целлофан труп Таллса, превращая его в подобие полупрозрачного кокона.

— Заткнись! — прикрикнул на него Барт.

— Мы столько раз нелегально вывозили для «Генотавра» дерьмо, что рано или поздно это должно было случиться! — не унимался механик. — Теперь оно нас всех перебьёт!

Помощник пилота подошёл к Артёму и несколько раз встряхнул его.

— Эй! — вскрикнул тот, вырываясь. — Ты чего?!

— Приди в себя. Некогда распускать нюни.

Механик ткнул пальцем в сочившийся кровью целлофановый свёрток.

— Как мы объясним это на пересадочной станции?! — крикнул он, дико вытаращив глаза.

— Контейнер сбросим, как планировали, — спокойно ответил Барт. — Вместе с синей жижей и трупом Таллса. Никто не знает, что он находился на борту, кроме ребят из «Генотавра», но трепаться не в их интересах.

— Я эту синюю гадость собирать не стану! — заявил Артём. Лицо его перекошило от отвращения.

— Предпочитаешь, чтобы она и дальше лежала тут, на полу?

— Какая разница? Джин уже вырвался из бутылки!

— Отставить панику, — вмешалась Зоя. — Берём швабры и начинаем убираться.

— Я не... — запротестовал Артём, но девушка вlepила ему хлётскую пощёчину. — Ещё одно возражение, и мы с Бартом запрём тебя в этом контейнере! Я не шучу!

Механик открыл было рот, но передумал отвечать.

— Понял? — спросила Зоя, внимательно наблюдая за ним.

— Да.

— Тогда вперёд. И чтоб на полу не осталось и следа этой дряни!

— Мы с Робертом позаботимся о Таллсе, так что займись-ка синим дерьмом, — добавил Барт.

— Что вы с ним сделаете? — спросила Зоя.

— Отнесём пока в холодильный отсек.

— Только не кладите его вместе с продуктами. Там есть пустые морозильные камеры.

— Само собой, — прокряхтел Роберт, поднимая мертвеца за ноги. — Чёрт, и тяжёлый же!

— Дотащим! — отозвался Барт. — Ничего.

***

— Оно будет убивать дальше, — уверенно сказал Роберт, сдирая с сухого пайка обёртку.

— Оно? — переспросил Артём.

— Да. Та штуковина, которая вылезла из контейнера.

— Я дважды проверил сканером корабль, — проговорил Барт. — Если верить компьютеру, мы — единственные живые существа на мусоровозе.

— Может, с Таллсом разделался призрак? — язвительно осведомился Артём.

Помощник пилота смерил его равнодушным взглядом, от которого механику сразу захотелось заткнуться.

— Я понятия не имею, что происходит, — сказал Барт, обращаясь к капитану. — Но предлагаю перетащить сюда, в рубку, как можно больше еды и воды, а потом запереться до самого конца полёта.

— И взять оружие, — добавил Роберт. — Всё, которое у нас есть.

— Следить за кораблём будем по камерам наблюдения, — сказала Зоя. — Рано или позднотварь покажется.

— Не обязательно, — возразил Артём. — Я бы на её месте затаился. Не понимаю, зачем бы ей продолжать убивать. Таллс попался на пути, но специально искать жертв... — он пожал плечами. — Какой в этом смысл?

— Может, она хочет жрать, — мрачно предположил Барт.

— Не согласен. Таллса она изуродовала, но не съела.

— Да мы просто её спугнули!

— Всё возможно, — вмешалась Зоя. — Не будем испытывать судьбу. Сделаем, как предложил Барт.

На то, чтобы запереться в рубке с оружием и припасами, ушло меньше часа.

— Вот и всё! — объявила Зоя, когда дверь закрылась, и она ввела специальный код, не позволяющий отворить её снаружи. — Теперь мы в банке.

— Тесновато, зато надёжно, — проговорил Роберт. — Спать можно на полу. Места хватит, если не пинаться.

Одеяла, постельное бельё и смену одежды свалили вдоль стены.

— Всего-то два дня переждать, — сказал Артём, глядя на мониторы, показывающие трансляцию камер наблюдения.

— Главное не соскучиться! — усмехнулся Роберт. — И не возненавидеть друг друга.

— Не успеем, — отозвалась Зоя. — Я хочу посмотреть новости. Не возражаете?

Никто не ответил, и девушка вошла в межгалактическую сеть, позволяющую получать

информацию о событиях не только на Земле, но и в колониях.

— Может, связаться с «Генотавром»? — предложил Артём. — Пусть объяснят, что нам подсунули.

— Это исключено, — ответила Зоя. — Против всяких правил.

— Да ладно! Теперь уже не до них!

— Ну нет. Пока что пострадал только сотрудник корпорации. Завтра мы выбросим контейнер и, таким образом, выполним контракт. Получим деньги. А вот если выйдем на связь... — девушка цокнула языком, давая понять, что объяснения излишни.

***

— Ты считаешь, это имеет отношение к нашей... ситуации? — проговорил Барт после того, как новостной ролик был просмотрен трижды.

— А как по-вашему? — Зоя обвела всех взглядом. — Один из сотрудников «Генотавра» прикончил руководителя отдела, троих охранников, а неподалёку обнаружили обезображенное тело. Вы видели фотографии?

— Видели, — мрачно отозвался Роберт. — Очень похоже на то, что сделали с Таллсом.

— Нет никакого взбесившегося «сотрудника». Что-то сбежало из лабораторий «Генотавра» — вот что я думаю, — встрял Артём. — И корпорация решила прикрыть свою задницу, избавившись от всех доказательств причастности.

— И они находились в «Контейнере 21», — закончил за механика Барт. — Да, очень похоже на то.

— «Генотавр» должен быть уверен, что следов не осталось, — кивнула Зоя. — Поэтому с нами отправили Таллса.

— Значит, что-то сейчас бежит по Москве? Такая же тварь, как та, что выбралась из контейнера.

— Если она такая же, то вряд ли её найдут, — задумчиво проговорил Роберт. — Мы на корабле-то её засечь не можем.

Все невольно поглядели на мониторы. Они показывали пустые отсеки, трюмы и коридоры мусоровоза.

— И всё-таки есть одна нестыковка, — сказала Зоя. — Зачем Таллс открыл контейнер? Я не верю, что тварь могла сама это сделать.

Никто не ответил.

***

Время взаперти тянулось медленно. Присутствие на корабле чего-то непонятного и страшного постепенно начинало казаться нереальным.

Артём сидел в кресле, собирая кубик Рубика. К концу дня он, наконец, освоил новый уровень головоломки — научился собирать две грани. Проделав это несколько раз подряд, он показал кубик сидевшей рядом Зое.

— Молодец, — равнодушно отозвалась та.

— Знаешь, о чём я подумал, — сказал механик, положив головоломку на стол.

— Выкладывай.

— Во-первых, нам придётся отсюда выйти, чтобы сбросить контейнер. У нас, конечно,

полно оружия, но мы ведь не знаем, с чем имеем дело.

— А во-вторых?

— Что, если мы прилетим на пересадочную станцию, там обработаем корабль по всем правилам карантина, но ничего не найдём? Вдруг эта тварь вообще не поддаётся обнаружению. Может, она... невидимая.

Зоя усмехнулась, но совсем не весело.

— Ну, всё равно она должна сдохнуть после дезинфекции.

— А если нет? Мы ведь тогда полетим с ней обратно.

— И что ты предлагаешь?

— Понятия не имею. Просто эти мысли лезут мне в голову, и я... беспокоюсь.

— Давай сначала доберёмся до пересадочной, а там видно будет.

— Ну да, — вздохнул Артём. — Что нам остаётся-то?

Девушка взглянула на часы.

— Пора укладываться, — сказала она. — Нечего засиживаться. А силы лучше побережь.

— Завтра ответственный день, — подал голос Барт. — Надо выбросить контейнер.

— Мне совершенно не хочется отсюда выходить, — сказал Роберт. — Нельзя ли от него избавиться прямо из рубки?

— Ты отлично знаешь, что нет, — ответила Зоя. — Зачем спрашивать.

Пилот пожал плечами.

— Ну, нет так нет, — он протянул девушке кружку с дымящимся кофе.

— Спасибо, — сказала девушка. — Нам придётся выйти. Тварь не напала на нас, пока мы собирали сюда припасы, так что, возможно, не покажется и завтра.

— Главное — не ходить по одному, — сказал Артём. — Держаться вместе.

— Ну, и дрянь же ты купил, Барт! — сморщилась Зоя, отхлебнув кофе. — Получше ничего не было? — она сделала ещё глоток. — Горький!

— Я утром пил и мне понравилось, — буркнул помощник пилота.

— Наверное, такой сорт, — сказал Роберт. — А вообще, эта синтетика раз на раз не приходится. Тут как повезёт.

— Точно! — кивнул Барт. — Как повезёт. Так что не хочешь — не пей.

***

Механик остался дежурить первым. Остальные улеглись на полу и вскоре захрапели.

Свет в рубке погасили, и Артём сидел при свете мониторов. Он крутил кубик Рубика стараясь довести навык собирания двух граней до автоматизма. Но глаза быстро устали, тогда он отложил головоломку и помассировал веки. Куковать ему в кресле часа два, а потом надо разбудить Роберта.

Артём посмотрел на мониторы. Твари нигде не было. Она затаилась. Какой смысл в этом наблюдении? Всё равно в рубку ей не пробраться: благодаря коду снаружи дверь открыть нельзя.

Механик зевнул и потянулся. Сейчас бы прилечь...

Он прикрыл глаза, но тут же поднял веки: нет, раз уж он взялся дежурить, придётся потерпеть. К тому же, если тварь всё-таки сама открыла контейнер, то и сюда... Нет! — тут же оборвал ход собственных мыслей Артём. — Это Таллс её выпустил. Что иначе он делал в трюме?

Под ложечкой засосало, и механик переместил взгляд на запас еды, сваленный прямо в центре стола. Среди контейнеров и всевозможных упаковок он заметил несколько больших тюбиков в бело-синюю полоску. Должно быть, какой-то новый десерт. Помнится, Барт говорил, что закупил попробовать... как же он это назвал?

Артём протянул руку и взял один из тюбиков.

«Черничное желе. Калорийное, легко усваиваемое»

Механик отвинтил колпачок и выдавил немного десерта. Густая полупрозрачная масса имела насыщенный синий цвет.

Желе напомнило Артёму о слизи, которую оставила тварь, выбравшаяся из контейнера. Его передёрнуло от отвращения, и он хотел уже закрыть тюбик, но почему-то передумал. На периферии сознания появилась мысль, но тут же исчезла. Однако она показалась механику очень важной.

Артём откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, стараясь сосредоточиться. В голове вертелась какая-то фраза... кто же её произнёс? Это произошло совсем недавно... Когда они перетаскивали в рубку запасы продовольствия. Да-да, именно...

Барт — вот кто это был. Он сказал... сказал...

«Чёрт побери, куда делся джем?!»

Механик открыл глаза и резко выпрямился.

Именно так! Помощник пилота очень удивился, когда обнаружил, что почти весь приобретённый им запас черничного десерта куда-то запропастился. Остались только три тюбика, лежавшие теперь на столе.

Артём опустил взгляд на тот, что держал в руке, и стиснул пальцы. Из отверстия выскользнула тёмно-синяя трубочка желе и повисла, медленно вытягиваясь. Механик взял её рукой и растёр в ладони.

Липкая!

Артём поднёс желе к лицу и понюхал. Без запаха.

Как это понимать? Неужели... не существовало никакой слизи, а кто-то просто разлил по полу трюма запасы десерта?! Но зачем?

Ответ пришёл сам собой: чтобы изобразить слизь!

За спиной механик услышал тихий звук, напоминающий шелест одежды. Он быстро повернул голову, но кресло помешало ему увидеть того, кто двигался в темноте.

На затылок обрушилось нечто тяжёлое, и мир вокруг взорвался снопом разноцветных искр. Артём хотел закричать, чтобы разбудить остальных, но не сумел издать ни звука: в глазах потемнело, и механик тяжело упал на бок, опрокинув кресло и растянувшись на полу.

***

Глаза открылись с трудом. К горлу подступила тошнота, голова немного закружилась, когда Барт приподнялся на локтях, чтобы определить источник какого-то звука, заставившего его насторожиться и прорваться сквозь тяжёлый неприятный сон.

В рубке было темно, однако мониторы испускали слабый свет, и Барт сумел разглядеть пустое кресло.

По другую сторону стола двигался расплывчатый силуэт.

— Тёмыч! — негромко позвал Барт, с трудом разлепив сухие губы.

Вместо ответа раздался чавкающий звук, а затем — тихий хруст.

Помощник пилота взглянул на наручные часы: до конца первой смены оставалось минут двадцать.

Барт поднял глаза и увидел, что к нему кто-то приближается. Затем послышалось низкое гудение воздуха — такое бывает, когда его рассекает какой-нибудь тяжёлый предмет.

***

— Я просто не могу поверить! — эту фразу Зоя повторила уже раз десять.

Девушка сидела, подтянув ноги к подбородку. Её трясло.

— Как она сюда попала — вот главный вопрос, — сказал Артём, накладывая на голову бинты. — Мне кажется, череп сейчас лопнет!

— Мы собирались пожениться. Сразу после этого рейса. Барт хотел полететь на Майорку. А потом — в Лаос.

— Да, говорят, там просто замечательные спа-комплексы, — пробормотал механик, садясь за стол и осторожно шупая голову. — Вам бы там понравилось.

Он поймал ошалелый взгляд Зои.

— Прости, я сказал, не подумав!

— Барту уже нигде не понравится. У него пробит череп! — проговорила Зоя, стуча зубами. По её лицу снова потекли слёзы.

— Знаю, прости! — механик выглядел растерянным.

Девушка уткнулась в колени и зарыдала.

Её до сих пор слегка мутило, как будто накануне он накачалась алкоголя или транквилизаторов. Когда она проснулась, то едва смогла разлепить глаза. Голова была тяжёлая, во рту пересохло.

Осмотревшись, Зоя увидела Артёма, лежавшего возле стола. Волосы у него влажно блестели от крови.

Затем девушка обнаружила Барта и Роберта. Оба оказались мертвы.

Помощнику пилота раскроили череп, а Роберта расчленили и изуродовали: складывалось впечатление, что его лупили здоровенным молотком, пока не превратили тело в фарш из мяса и осколков костей.

Вся рубка была забрызгана кровью и ошмётками плоти. Зою вырвало дважды, прежде чем она смогла взять себя в руки и привести в чувство механика.

Артём с трудом сообразил, где находится и что случилось. При виде трупов он побледнел ещё больше и едва не потерял сознание. Зоя обработала его рану и наложила швы. Забинтовался механик сам. Оба старались не смотреть туда, где лежали трупы их товарищей.

— Что мы будем делать? — спросил Артём, когда Зоя подняла заплаканное лицо. — Останемся здесь? Вместе с... телами?

— А что ты предлагаешь?

— Какой смысл сидеть в рубке, если эта тварь смогла в неё попасть?

Зоя вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

— Скажи ещё раз, что ты помнишь? — попросила она.

Механик вздохнул.

— Я сидел и возился с головоломкой, а потом почувствовал, что сзади кто-то есть. Хотел обернуться, но не успел. Потом — темнота.

— Значит, ты не открывал дверь?

— Я похож на психа? Думаешь, я хочу сдохнуть?

Девушка нахмурилась. Артём понял, что ей пришла в голову идея.

— Что? — спросил он, насторожившись.

— Записи с внутренней камеры! — Зоя подскочила к пульту и быстро ввела команду. —

Система охраны снимает везде, значит, и здесь, в рубке!

— Мы можем посмотреть, что произошло ночью?

— Конечно! Дай мне секунду!

Артём придвинулся к Зое, чтобы лучше видеть монитор.

— Не понимаю, — протянула девушка через полминуты. — Что за...?

— В чём дело?

— Записей нет.

— Почему? Они должны храниться в течение...

— Знаю! Их стёрли!

— Кто?

— Ты меня спрашиваешь?

Зоя и механик переглянулись.

— Ну, не могла же эта тварь стереть записи, — с сомнением проговорил Артём. — Да и зачем? Проще было прикончить нас всех.

Девушка отодвинулась от пульта.

— Мне нужно подумать, — сказала она. — Не говори ничего минут десять, ладно?

Механик пожал плечами.

— Хорошо. Поищу пока обезболивающие в других медпакетах. Надо представлять, какой у меня запас, — он направился к пластиковому контейнеру, где хранились лекарства и прочие средства оказания первой помощи.

Механик осторожно обошёл тела, которые ни он, ни девушка не решились трогать. Не вляпаться в кровь оказалось труднее.

Артём перебирал медпакеты, когда услышал, что Зоя окликнула его.

— Что? — спросил он, оборачиваясь.

Девушка стояла, прижавшись спиной к стене, и целилась в него из пистолета.

Механик от изумления чуть не выронил упаковку с новокаином, которую держал в руке.

— Эй! — выдавил он из себя. — Ты чего?!

— Никто не мог попасть сюда через закрытую дверь! — перебила его Зоя. — Ни одна тварь из тех, что могла оказаться в этом контейнере! И тем более ни один мутант не стёр бы записи! И вообще... я не могу представить, что какая-то тварь заявила сюда, расчленила Роберта и Барта, а потом просто взяла и свалила, оставив нас с тобой мирно дрыхнуть!

— Обалдела?! — ошалело пробормотал Артём, делая шаг в сторону. — Убери пушку!

— Подними руки, живо! Не то пристрелю!

Механик побледнел.

— Поднимай, я сказала! И не вздумай сделать ещё хоть шаг.

— Хочешь сказать, убийца кто-то из нас двоих? — сглотнув, спросил Артём.

Зоя усмехнулась:

— Точно не я!

— Откуда мне знать?

— Руки!

Механик поднял руки и застыл, глядя на пляшущий в руках девушки пистолет.

— Достаточно того, что знаю я, — сказала Зоя. — Кроме того, будь я убийцей, уже прикончила бы тебя.

— Могу сказать про себя то же самое. У меня имелась уйма возможностей. Почему я до сих пор этого не сделал? Зачем ждал, пока ты возьмёшь меня на прицел?

Артём видел, что Зоя засомневалась, и решил развить успех:

— А если это не ты, и не я? Что, если из контейнера всё-таки выползло... нечто? Неужели ты хочешь остаться с этим наедине?

Зоя вздрогнула. Механик прав: вероятность того, что всё дело в содержимом проклятого контейнера, оставалась.

— Слушай, мы оба знаем, чем занимаются в «Генотавре», — продолжал увещевать Артём. Похоже, он боялся, и это немного успокаивало. Зоя была почти готова ему поверить. — Они выращивают в пробирках всякую дрянь! Бог знает, что вообще! Мы видели этот контейнер открытым, и то, что из него вытекло — тоже. Должна быть связь между тем синим дерьмом и этими убийствами! — механик почти перешёл на крик, его трясло, и он не сводил глаз с нацеленного в его грудь пистолета. — Господи, Зоя, да убери ты от меня ствол! Если б я хотел тебя убить, то сделал бы это, пока ты спала!

— Но кто бы ни убил остальных, нас он не прикончил, — возразила девушка. — Так что последний довод — так себе!

— Да посмотри на меня! — механик ткнул пальцем в свою забинтованную голову. — Мне просто повезло! Будь удар посильнее, и я лежал бы рядом с Бартом!

— Не смей говорить о нём! — крикнула Зоя.

— Ну, я не знаю, что ещё тебе сказать. Если думаешь, что это я... свяжи меня. Только не стреляй!

Секунд десять капитан и механик сверлили друг друга взглядами. Потом Зоя опустила пистолет. Похоже, Артём всё-таки ни при чём.

— Слава Богу! — выдохнул механик, опуская руки. — Я чуть в штаны не наделал!

— Извини! — выдавила из себя девушка. — Не знаю, что на меня нашло.

Артём подошёл к креслу и сел.

— Я действительно чуть не обделался! — сказал он, глядя на неё. — Этак мы друг друга перестреляем.

Зоя убрала пистолет в поясную кобуру.

— Вообще-то, скорее уж я могу тебя подозревать, — заметил Артём. — Ты одна не пострадала этой ночью.

— Будь я убийцей, не стала бы приводить тебя в чувство.

Механик кивнул.

— Согласен. Получается, мы оба невиновны.

Зоя взглянула на дверь.

— До пересадочной станции осталось восемнадцать часов, — сказал она. — Думаю, мы можем не спать это время.

— Я глаз больше не сомкну. Буду сидеть с пушкой в руках и пялиться на эту дверь. И пусть только попробует сунуться!

— От этого скорее уснёшь. Лучше занять себя чем-нибудь.

— Чем, например?

— Ну, не знаю. Пособирай свой кубик Рубика.

— Что?

— Я говорю, ты можешь развлечь себя кубиком Рубика.

Зоя поймала непонимающий взгляд Артёма.

— Какой ещё кубик? — спросил он.

— Да вот этот же! — девушка взяла со стола и протянула механику головоломку. — Твоя игрушка. Тебе при ударе совсем мозги отшибло?

— А-а, — протянул тот, взглянув на кубик. — Да. Ясно.

Зоя продолжала держать кубик, и Артёму пришлось взять его. Он повертел головоломку в руках и хотел положить обратно на стол.

— Собери, — сказала Зоя.

— Что?

— Собери две грани.

— Зачем?

— Мне хочется посмотреть.

Артём усмехнулся.

— У меня совсем нет настроения.

Глядя ему в глаза, Зоя вытащила из кобуры пистолет.

— Собирай! — сказал она негромко. — Живо!

— Ты опять за своё?! — возмутился Артём.

Девушка направила оружие ему в грудь.

— Считаю до трёх, — предупредила она. — Не начнёшь собирать — пристрелю!

— Ты не в себе!

— Раз!

— Ладно-ладно, подожди ты!

Артём принялся вертеть кубик в руках. Передвинул несколько граней. Складывалось впечатление, что он впервые имеет дело с этой головоломкой.

— Как ты это сделал? — дрожащим от ярости голосом спросила Зоя, понаблюдав около минуты за его тщетными усилиями.

— Что ты имеешь в виду? — поднял на неё глаза Артём.

— Как ты стал Артёмом?! — закричала Зоя, чувствуя, что теряет остатки самообладания. Ещё мгновение — и она пристрелит этого монстра!

Механик молниеносным движением запустил в неё кубиком.

Машинально уклонившись, Зоя нажала на курок, но промахнулась: импульсный заряд ударил в стену, пройдя всего в миллиметре от Артёма.

Механик тут же очутился возле девушки. Рука, державшая оружие, оказалась намертво сжата в запястье.

— Тварь! — прошипела Зоя, глядя в расширившиеся зрачки Артёма.

Рывок — и лучевая кость хрустнула. Девушка закричала, пистолет упал на пол.

Механик отпустил её, но только чтобы схватить обеими руками за голову.

— Отпусти, гад! — девушка ударила его коленом в пах, но Артём никак на это не отреагировал: похоже, боли он не почувствовал.

Механик резко крутанул, дёрнул, и голова девушки осталась у него в руках! В лицо ударили фонтанчики тёплой крови, тело капитана тяжело повалилось на пол. Теперь оно выглядело нелепо — нарушились пропорции.

Артём отшвырнул голову и вытер лицо ладонью. Сучка всё-таки раскусила его! Но ей это не помогло.

Он тщательно облизал руку, не оставив на коже ни капли крови. Благословенная ДНК!

Механик опустил на корточки и быстро раздел труп. Затем оторвал руки и ноги, изуродовал тело ударами кулаков, каждый из которых действовал, как молот. Когда труп превратился в фарш и перестал напоминать женское тело, Артём занялся головой. Покончив с этим, механик разделся.

Придётся рассказать на пересадочной станции историю о том, как бедняга Барт сошёл с ума и перебил всех, кроме него — то есть, неё.

***

Таллс сел на пол и закрыл глаза. Осталось совершить последнее превращение. Каждое из них сопровождалось болью, но это, наверное, потребует особых усилий, ведь женский организм отличается от мужского куда сильнее, чем кажется.

Эти идиоты на своём мусоровозе ради денег были готовы на всё. Даже вывезти с планеты оборотня, сбежавшего от своих создателей — лишь бы на их счета перевели кредиты.

Таллс представился сотрудником «Генотавра» — для этой роли он позаимствовал тело одного из прохожих, попавшихся по дороге.

Болваны боялись пустого контейнера — а ему было смешно. Он знал, что обведёт всех вокруг пальца.

Доктор Волонский однажды назвал его «мусором»... Генетический брак — вот что он имел в виду. Это случилось незадолго до того, как руководитель отдела умер. Воспоминание о том, как голова учёного отделилась от тела, доставило Таллсу удовольствие.

Всего один дефект, и его решили уничтожить. Выбросить. Как будто он не живое мыслящее существо, а просто набор хромосом — без души и чувств!

Один дефект... В расчёты генетиков закралась ошибка: Таллс трансформировался в любого человека, причём очень быстро, но он должен был регулярно поглощать чужие ДНК, чтобы жить: не меньше одного «образца» в два дня. Его создатели сочли такой «побочный эффект» неприемлемым.

От Земли до Марса четыре дня лёта. Две трансформации.

Чтобы отвести от себя подозрения, Таллс изобразил, будто его шарахнули по башке. Рана получилась неглубокая, но капитан так хлопотала вокруг него, что почти забыла о трупе своего жениха, который валялся тут же, у стены.

Конечно, было бы куда лучше, если б Таллс мог добраться до пересадочной станции в облике Артёма. Тогда девушка подтвердила бы его личность. Но нет, так нет. Таллс предусмотрел всё, и теперь, мучительно перестраивая своё тело, он прокручивал в голове все действия, которые совершил, чтобы убедиться, что не упустил ни малейшей детали.

Через полчаса он открыл глаза и встал. Натянул комбинезон Зои — тот оказался ему впору.

Таллс прошёлся по рубке, прислушиваясь к своим ощущениям. Держать равновесие оказалось нелегко — центр тяжести сместился из груди в область таза. Но к этому он быстро привыкнет.

Оборотень подошёл к пульту и стёр записи с камер видеонаблюдения — не только убийство Зои, но вообще весь архив. Это можно будет объяснить поломкой системы, и инспектору на пересадочной придётся поверить его — то есть, её — рассказу.

Теперь следовало избавиться от улики — прежде всего, сбросить в космос пустой контейнер и «своё» тело — оно в комбинации лишнее.

Таллс подошёл к двери и ввёл код. Покинув рубку, он направился в морозильную камеру, где лежал изуродованный до неузнаваемости труп Роберта, одетый в комбинезон без нашивки.

Оборотень шагал по гулким коридорам мусоровоза, напоминая ему лабиринт, и улыбался: свобода и новая жизнь ждали его уже в конце этого дня!

— Аллергия, — извиняющимся тоном произнёс Сергей, складывая платок, чтобы убрать после того, как в очередной раз высморкался. — Совсем замучила. Наверное, из-за пыльцы. Не обращайтесь внимания, я не заразный.

— Очень надеюсь, — отозвался Пифанов, бросив на него мимолётный взгляд. У патологоанатома были короткие, слегка волнистые волосы, на горбатом носу сидели круглые очки в серебряной оправе. — Так вот, как я уже сказал, случай уникальный и, боюсь, необъяснимый. Понимаю, вы приходите сюда, рассчитывая, что медэксперты все вам объяснят, и сразу станет ясно, кто убийца — ну или, по крайней мере, где его искать. Но не в этот раз, парни, извините. Мы сами в тупике. Будем отправлять результаты аутопсии дальше, а что там скажут... и разберутся ли — большой вопрос. В любом случае, ждать придётся долго.

— Сколько? — спросил Сергей, предчувствуя, что ответ его не обрадует.

Пифанов снял очки и вытер лицо большим клетчатый платком.

— Не знаю. Но не меньше двух недель. У них там очередь — не мы одни такие.

— Чёрт! — пробормотал Вихарев, младший следователь, входивший в следственную группу Сергея. — И что, у тебя совсем нет предположений, что могло случиться с этим парнем? Вернее, кто с ним такое сотворил.

Пифанов взглянул на металлический стол, где лежал труп подростка лет двенадцати, вскрытый от лобка до грудины. На первый взгляд могло показаться, что он выпотрошен в результате аутопсии, но нигде поблизости не было ни одного органа, извлечённого патологоанатомом.

Однако и убийца не унёс их с собой...

— Так ты уверен, что внутренности не могли вытащить хирургически? — переспросил Сергей.

— Надеешься, что я отвечу иначе на этот раз? — усмехнулся Пифанов. — Не могу. Их не вырезали. Я понятия не имею, куда они делись. Если и существует способ вынимать из людей органы без применения скальпеля, мне он не известен. Поэтому мы и отправляем результаты обследования дальше, — патологоанатом развёл руками. — Честное слово, парни, я сам в недоумении. Вижу такое впервые, а я на этой работе без малого десять лет. И посмотрелся всякого. Да кому я рассказываю... вы сами все понимаете.

Медэксперт перевернул труп на живот, чтобы был виден разрез, идущий вдоль позвоночника. В некоторых местах кости были сломаны, и рёбра торчали в разные стороны.

— Вот, посмотрите ещё раз... Ткани разорваны, органы извлечены, однако при этом нет ни разрезов, ни обрывов. Всё аккуратно до жути. В том, как этого парня разделали, есть что-то неестественное — вот, если хотите знать, о чём я подумал, когда его обследовал. И Егор со мной согласился, а вы знаете Егора.

Полицейские дружно кивнули. Егора они действительно знали: ассистента медэксперта трудно было поразить и вообще хоть как-то взбудоражить; приходя на работу, он словно превращался в машину, откладывая все человеческие реакции до момента, когда можно будет снять халат.

— Этот пацан пуст, — продолжил Пифанов, положив руку в перчатке на лопатку трупа. — Выскоблен! Нет ни одного органа — отсутствует даже мозг, хотя понадобилось бы

распилить череп со стороны затылка, чтоб достать его. Но на костях нет следов инструментов. Просто трещина, достаточно широкая, чтобы мозг прошел через неё.

— Чудеса! — сказал Вихарев, бросив на Сергея неуверенный взгляд.

— Очень похоже на то, — согласился Пифанов. — Но с чудесами мы не работаем, верно?

— Верно, — отозвался Сергей. — Поэтому придётся найти нормальное объяснение.

— На этот счёт я вам уже всё сказал, — кивнул патологоанатом.

— Ладно, подождём, — сказал Сергей. — По крайней мере, у нас есть зацепка. Связь с предыдущей жертвой.

— Надеюсь, ты не думаешь, что этот пацан прикончил продавщицу? — усмехнулся Пифанов. — У него не хватило бы для этого силёнок.

— А как ты тогда объясняешь, что у него во рту её кровь? — поинтересовался Сергей, глядя на тщедушное тельце подростка.

Конечно, представить, что он перегрыз горло взрослой женщине, было трудно. Почти невозможно. Если б он хотя бы нанес ей чем-нибудь предварительно раны: ударил ножом или оглушил молотком... а так, голыми руками... И всё же факт оставался фактом: женщине перегрызли горло и выпили большую часть крови, следы которой обнаружили в ротовой полости этого мёртвого подростка.

— Останься у него желудок или хоть пищевод, — мечтательно проговорил Пифанов, — я бы точно сказал, проглотил он кровь этой тётки или нет. Рот ведь ему мог вымазать кто угодно.

— Настоящий убийца, — понимающе сказал Вихарев. — Тот, кто прикончил обоих.

— Мне кажется, это вероятней, чем предполагать, что пацан уколошил женщину, которая могла бы скрутить его в бараний рог, да ещё сделал это безо всякого оружия, — ответил патологоанатом.

Сергей почесал щетину. Всё складывалось не очень удачно. Пара банальных убийств (то, что подросток выскоблен изнутри, само по себе еще не делало его смерть особенной, по мнению следователя) вдруг превратилась в нечто куда более обременительное, потому что, если в районе объявился маньяк, который наводит полицию на свои жертвы, намеренно объединяя их друг с другом, то колёса машины правосудия завертятся полным ходом — серийника придётся искать активно, с полной отдачей, и за результаты отвечать. Не говоря уж о том, что начальство начнёт контролировать каждый шаг и подгонять надо не надо.

Сергей тяжело вздохнул.

— Ладно, не страдай, — сказал ему Пифанов с усмешкой. — На долю каждого следователя рано или поздно выпадает что-то посерьёзнее бытовых. И «глухарь» тут не прокатит.

— Знаю. Потому и... — Сергей махнул рукой. — Ладно, Михалыч, спасибо тебе. Ума не приложу, что делать дальше, если честно. Мы даже не установили до сих пор личность этого парня. Никто не подавал заявление о пропаже. Словно родители не беспокоятся, что ребёнок не вернулся из магазина.

— Может, какие-нибудь алкаши, — предположил Пифанов. — В запое, так ничего вокруг себя не замечают. А вообще, это ваши проблемы, парни.

— Тут ты прав, конечно.

Попрощавшись с Пифановым, полицейские вышли из морга на свежий воздух. Хотя на улице он был, пожалуй, более жарким и спёртым. Зато под липами не пахло формалином и

прочим...

— На самом деле, убийца мог бывать в том магазине и там присмотреть обе жертвы, — сказал Вихарев, закуривая. — Если парня регулярно отправляли туда за покупками.

— Я знаю, но как нам это поможет? Представляешь проходимость в гипермаркете?

— Представляю. Но дело не в этом.

Сергей взглянул на солнце, прищурился. Конечно, он понимал, что имеет в виду младший следователь: тот, кто наметил жертв, не был случайным покупателем. Он или болтался в гипермаркете постоянно, или работал там.

— Ладно, сосредоточимся на сотрудниках, выходявших в одну смену с Рюхиной, — сказал Сергей. — Думаю, мужчины, более крупные, чем убитая, станут подозреваемыми в первую очередь.

— И едва ли их наберётся очень много, — кивнул Вихарев.

Сергей ничего не ответил. Была одна вещь, о которой он не говорил никому, даже своему помощнику и другу.

Рядом с трупом подростка обнаружился скомканный лист — ксерокопия вырванной из книги страницы. Символы и надписи на ней ничего не говорили полицейским сами по себе, но её вид вызвал у Сергея воспоминания о прошлом, которые он предпочёл бы напрочь стереть из памяти. Один из следователей забрал улику, чтобы попробовать расшифровать — он обещал съездить на факультет древних языков — но Сергей был почти уверен, что это ничего не даст, потому что письма, которые он видел, не являлись ни латынью, ни греческим, ни восточными иероглифами. Едва ли кто-то вообще мог прочесть их (кроме нескольких человек, получивших знание не из учебников по лексике и грамматике).

Полицейский говорил себе, что ошибается, и текст написан одним из древних языков вроде шумерского или вообще выдуман каким-нибудь сумасшедшим, но подсознание упрямо твердило, что нечто подобное он уже видел... Правда, очень давно и мельком, так что символы и пиктограммы стёрлись из памяти, но впечатление, произведённое тогда, отпечаталось в его мозгу навсегда.

***

День прошёл зря. Это следовало признать. Несмотря на то что полицейские допросили всех мужчин, работавших с Рюхиной в одной смене, проверили их алиби и даже осмотрели одежду на предмет крови, которой просто не могло не быть на убийце, результатами похвастать было нельзя. Судя по всему, ни один из восьми подозреваемых не имел возможности прикончить продавщицу.

Сергея не покидало ощущение, что всё это лишнее, ненужное, и они попросту теряют время. Перед глазами то и дело вставали изображения из книги, которая случайно попала ему давным-давно и уже не существовала, но ведь могли быть и другие экземпляры. Возможно, та копия была сделана со страницы одной из них.

Сергей припарковался возле бара, запер машину и вошёл в своё любимое заведение — три ступеньки вниз, дверь на тугой пружине, колокольчик, возвещающий о прибытии нового посетителя, и ещё две ступени вниз.

На стенах развешаны чёрно-белые репродукции, у потолка — рыболовные снасти, в которых запутались глиняные кружки.

«Его столик» занят влюблённой парочкой: девушка в синем платье с открытыми

плечами, шатенка с унизанными кольцами руками, парень — коротко стриженный качок с татуировками до запястий. Воркуют.

Ничего страшного, он сядет за барную стойку. Главное, что здесь есть выпивка и не нужно чувствовать себя алкоголиком, напиваясь в одиночестве дома.

— Привет, — бармен кивнул Сергею и потянулся за стопкой. — Как обычно?

— Да, — следователь залез на стул, поёрзал, устраиваясь поудобней, и положил локти на стойку. — Давай сразу двойную.

— Тяжёлый день?

— Бесплезный.

— Это ещё хуже, — понимающе улыбнулся бармен.

Сергей придвинул налитый для него стакан виски, погрел в ладонях. Он никогда не опрокидывал алкоголь в себя просто, чтобы напиться. Всегда превращал возлияние в обдуманый процесс, призванный доставить удовольствие.

Отрывисто звякнул колокольчик, и в бар вошла девушка — кудрявая блондинка в коротком чёрном платье, обтягивающем верхнюю часть бёдер. Осмотревшись, задержалась взглядом на Сергее, тряхнула головой и прошла к середине стойки.

— Дайкири, — тихо сказал она переместившемуся к ней бармену.

Руки у неё были тонкие, кожа очень чистая — как у младенца. До полицейского доплыл аромат её духов — сладковатый, но не приторный. Девушка повернула голову и бросила на него задумчивый взгляд.

Раньше Сергей её тут не видел, а бывал он в этом баре частенько. Наверное, новая ночная бабочка облюбовала заведение для работы. Но для кабацкой шлюхи слишком хороша...

Девушка попробовала коктейль, кивнула бармену и осмотрелась. Сергею показалось, что в этом движении сквозила тревога — будто она опасалась чего-то. Ну, или кого-то. А может, ждала, что к ней подойдёт один из посетителей и предложить пойти к нему? Вдруг этой крошке просто хотелось найти мужика на ночь? Наверное, кому-то сегодня может повезти. Сергей подумал: почему бы не ему?

В этот момент девушка снова посмотрела на него, и на этот раз взгляд не отвела. В нём появилось ожидание. Кажется, выбор сделан! Словно она прочитала его мысли...

Сергей хотел уже было подсесть к ней, но тут она взяла свой бокал и сама направилась к нему. Даже так? Что ж... Должно быть, какой-то парень здорово насолил девчонке, коли ей так не терпится найти себе компанию.

Когда блондинка подошла, Сергей понял, что она по-настоящему красива. И не просто красива, а притягательна.

— Привет, — сказал он, улыбнувшись. — Первый раз здесь?

— Вы полицейский? — спросила девушка, пропустив его реплику мимо ушей.

Сергей насторожился. Выражение её лица и тон свидетельствовали, что она подошла не для того, чтобы склеить его на ночь. Сладкая месть, похоже, отменялась — если только её не возбуждал звук защёлкивающихся наручников.

— Допустим, — ответил Сергей, поглядев на блондинку повнимательнее: её определено что-то беспокоило.

Девушка машинально облизнула губы, словно испытывала жажду.

— Помогите мне, пожалуйста!

— Что у вас случилось? — нехотя проговорил Сергей.

Его раздражало, когда люди обращались к нему напрямую вместо того, чтобы отправиться в отделение и написать заявление. А когда это норовили сделать незнакомые, он их просто посылал. Но кто способен отправить к чёрту такую красотку, да ещё в баре поздним вечером? Тем более если её глаза смотрят на тебя с подлинной мольбой. В конце концов, он не только полицейский, но и мужик.

— По-моему, меня хотят убить, — ответила девушка серьёзно.

Сергей едва не поперхнулся виски, который как раз глотнул. Господи, неужели психическая?! Он испытующе взглянул на девушку. А что, вполне возможно... и даже то, что она пришла сюда, озираясь, обратилась к нему, незнакомому человеку... Стоп!

— Откуда вы знаете, что я полицейский? — спросил Сергей.

— Заметила вас сегодня в магазине. Вы допрашивали некоторых сотрудников по поводу убийства Наташи.

— Рюхиной?

— Да.

— Я вас не видел.

— Просто не обратили внимание.

«Это вряд ли», — подумал Сергей.

— Я располагаюсь справа от входа, метрах в двадцати. Парогенераторы. Маленькая такая стойка.

— Понятно, — полицейский действительно интересовался совсем другим и в противоположной стороне, да и вообще в торговом зале он с коллегами пробыл недолго — допрос проводился в отдельном помещении, которое следователям выделил директор гипермаркета.

— Кто хочет вас убить, почему, и с чего вы это взяли? — спросил он. — Отвечайте по порядку.

Девушка кивнула и опустила глаза, словно собираясь с мыслями.

Сергей ждал. В конце концов, в любом случае лучше её общество, чем напиваться в гордом одиночестве. И потом, кто знает, может она с ним и переспит...

— Не знаю, — проговорила девушка. — Я его раньше не встречала. Но заметила, что он следит за мной со вчерашнего дня. Сначала думала, показалось — ну, ещё это убийство... Наташи, я имею в виду. Нервничала. Всё-таки человек работал там же, где и я. Мы хоть и шапочно были знакомы — ходили вместе покурить несколько раз — а всё-таки неприятно.

— Что за человек? — Сергей заинтересовался. — И вы что, следили за мной от самого магазина?

— Да, я на машине. Ехала за вами.

— Почему сразу не подошли, ещё в гипермаркете?

— Сначала постеснялась, а потом, когда увидела, как вы отъезжаете, мне стало страшно. Потому что тот человек заходил в магазин, пока вы допрашивали сотрудников. Он думал, что я его не заметила, но я видела, что он ходит между рядами и изображает, будто разглядывает товары. Он ничего не купил и вышел через пятнадцать минут. А до этого я видела его на парковке, ещё утром, когда приехала на работу. Значит, он следил за мной.

— Не обратили внимания, на какой машине он был? — спросил Сергей.

Слова девушки заставили его отнестись к ней серьёзно. Похоже, убийца, которого он искал, решил не останавливаться на продавщице и выбрал новую жертву из числа сотрудников магазина.

— Нет. Я старалась делать вид, что не замечаю его.

— Напрасно.

— Мне было страшно! Он ведь вчера уже выслеживал меня.

— Расскажите подробно.

— Думаете, это он убил Наташу?

— Не знаю. Но почему бы это не выяснить?

На лице девушки мелькнул страх.

— Как вас зовут? — спросил Сергей. — И где вы живёте? Я должен записать, — он достал блокнот и ручку.

— Татьяна Кузовцова, — девушка продиктовала адрес.

— Так когда вы заметили этого товарища впервые? — спросил Сергей, записав все её данные.

— Говорю же, вчера. По дороге домой я заехала в парикмахерскую завить волосы, — она тут же провела рукой по кудряшкам, словно в подтверждение своих слов. — А он зашёл в салон и сел полистать журналы. Сказал, что ждёт жену, которая должна вот-вот прийти. Они мол, договорились встретиться здесь. Но она не пришла, и он свалил минут через пятнадцать. Я видела в зеркало, как он поглядывал на меня исподтишка, но решила, что просто понравилась ему, — девушка смущенно улыбнулась. — Но потом, когда приехала домой, снова заметила его. Он сидел на лавочке во дворе и кормил голубей. Крошил и бросал птицам хлеб. Конечно, я подумала, что это совпадение... до сегодняшнего дня так я и считала.

— Понятно, — Сергей вынужден был признать, что день всё-таки прошел не зря, и он напрасно поносил его почём зря весь путь от гипермаркета до бара. Эта крошка, кажется, собралась преподнести ему убийцу на блюде с голубой каёмочкой. — Хорошо его рассмотрели? Сможете узнать, а ещё лучше — описать?

Девушка кивнула.

— Конечно! Вы мне поможете? У вас же должна быть какая-нибудь... защита для свидетелей.

— Не волнуйтесь, он к вам даже близко не подойдёт.

Сергей уже мысленно прикидывал, что делать. Надо лишь задержать этого парня, и улики наверняка найдутся. Кровь не смоешь, следы всегда остаются. Да и органы подростка он должен был куда-то спрятать. А может, съел? В любом случае, они либо у него дома в холодильнике, либо в желудке. Интересно, за сколько переваривается пища?

Впрочем, если убийца практиковал то же, что... нет, об этом нельзя думать! Даже вспоминать не стоит! Но вдруг это так?! Сергей невольно вздрогнул. Тогда всё куда хуже, чем думают его коллеги. Даже трудно вообразить, насколько!

— Что мне сейчас делать? — прервала размышления Сергея девушка.

— Прежде всего, вам нельзя оставаться одной, — ответил он, глядя ей в глаза. — С кем вы живёте?

— Одна! — она была явно напугана и растеряна.

— Можете пригласить подругу или родственников пожить с вами некоторое время?

— У меня никого из близких здесь нет. А подруги... они замужем, понимаете? Вряд ли согласятся, — девушка посмотрела на Сергея с некоторым смущением. — А что, если я поживу у вас? Недолго. Вы ведь скоро арестуете этого человека?

— Сомневаюсь, что это хорошая идея, — ответил Сергей, хотя был уверен, что идея

замечательная. — Я про пожить у меня, а не про арест, естественно.

— Вы женаты! — понимающе закивала девушка. — Простите, я просто... не сообразила, что вы... не знаю, о чём я думала! — закончила она, и в её голосе послышалась предательская дрожь.

— Не, я не женат, — сказал Сергей. — Просто у меня в некотором роде бардак. Я живу один.

— Это ничего, — с надеждой отозвалась девушка. — Ерунда!

— У вас нет с собой вещей.

— Я могу съездить за ними завтра.

«Как в голливудском фильме, — подумал Сергей. — Даже трудно поверить». Конечно, она напугана и думает не о сексе, и всё же... близость такой красотки будет возбуждать его, и вообще всё это можно воспринимать как приключение, которое ещё неизвестно чем кончится.

— Хорошо, — сказал полицейский, решившись. — Идём.

— Серьёзно? — обрадовалась девушка. — Отлично! Я только расплачусь, — она открыла сумочку и достала кошелек. Сергей невольно обратил на него внимание — он был из очень дорогой кожи, кажется, какой-то ящерицы.

***

Глядя на то, как Таня поглощает макароны с сосисками — в холостяцкой квартире Сергея холодильник не изобиловал гастрономическими изысками — полицейский думал о том, что, если он хочет поймать убийцу, ограничиться защитой, о которой просит девушка, не удастся. Нужно уговорить её сыграть роль живца, чтобы взять любителя кормить голубей с личным. Но она так напугана...

А главное, имеет ли он право подвергать её опасности? Если бы речь шла об обычном маньяке, то полиция смогла бы провести операцию без риска для девушки, убийца и близко к ней не подошёл бы. Но если некто призвал силы, о которых Сергей узнал ещё в детстве, лишь человеческой храбрости и пуль недостаточно. Нужны знания, которыми ни он, ни его коллеги не обладают. Книга, которую он видел в детстве, уничтожена, и воспользоваться ею уже нельзя, да он сам и не сумел бы разобраться в ней.

— Ты ведь не думаешь, что я паникёрша? — спросила Таня, поймав на себе взгляд полицейского. — Просто, когда думаю о том, что меня хотят убить... в общем, это действительно страшно. Тем более, разве я могу помешать этому человеку?

— Ну, ты уже это сделала, — отозвался Сергей.

Примерно полчаса назад они ненавязчиво перешли на «ты».

Девушка улыбнулась.

— Да, наверное. Я и не сообразила.

— Пора спать, — следователь посмотрел на часы.

Была только половина одиннадцатого, и он никогда не ложился в такое время, но присутствие Тани смущало. Обычно девушки приходили к нему, чтобы заняться сексом, но сейчас ситуация была другая, и Сергей чувствовал себя слегка растерянным: что делать с испуганной и ждущей от тебя помощи красоткой? Проще всего отправить её в постель.

— Утро вечера мудренее, — добавил Сергей.

— Хорошо. Как скажешь. Можно только я чаю выпью?

— Конечно, — полицейский достал сувенирную чашку с видом Амстердама. — Есть чёрный, зелёный и улунг. Но его, кажется, пьют по утрам.

— Спасибо, я зелёный. Всегда перед сном его пью. Так лучше спится.

Через пятнадцать минут Таня отправилась в ванную принимать душ, а Сергей сложил посуду в раковину и пустил воду.

Телевизор, который перед ужином попросила разрешения включить девушка, продолжал работать. Звук был почти на нуле, на экране ползали насекомые. Передача про животных или даже какой-то специальный канал — Сергей такие не любил и не смотрел: от вида всякой живности его по необъяснимой причине всегда подташнивало. Он взял пульт и нажал красную кнопку. Телевизор погас.

Полицейский прислушался: в ванной шумела вода, Таня что-то напевала. Он представил её голой. Если бы это был фильм, он вошёл бы к ней, и они занялись бы любовью под струями воды. Гладкая спина, полная грудь, упругие соски...

Вздыхнув, Сергей взял тарелку и принялся усердно тереть её губкой.

***

В квартире было очень тихо. Неестественно тихо. Такое полное отсутствие всяческих звуков ещё позавчера не удивило бы Сергея, но ведь у него в гостях была девушка. Он снова взглянул на часы — может, она ещё не встала? Но полицейский помнил, как Таня поставила будильник на половину восьмого. А сейчас стрелки показывали без десяти.

Сергей откинул одеяло и спустил ноги на пол. Ламинат был прохладный, но неслишком — температура не падала ниже двадцати градусов даже ночью. Тело покрывала липкая испарина — сейчас бы принять холодный душ...

Полицейский вышел в коридор и остановился у двери комнаты, где спала Таня. Оттуда не доносилось ни звука. Он постучал. Никакого ответа.

— Эй, встаём! — крикнул он.

Тишина. Может, свалила?

Сергей нажал дверную ручку и вошёл.

Первое, что он заметил — включённый телевизор, работающий без звука. На большом плоском экране копошились насекомые — очередная передача о жизни братьев наших меньших.

Затем полицейский перевёл взгляд на кровать.

То, что он увидел на ней, когда-то действительно было девушкой, которую он встретил в баре прошлым вечером. Но не теперь...

На залитой кровью постели лежало её тело, раскрытое подобное гигантской устрице — вдоль спины шёл чудовищный разрез — такой же, как на трупе подростка, который Пифанов показывал в морге.

Сергей невольно схватился за откос двери — не каждое утро находишь у себя дома выпотрошенное тело девушки, которая просила защитить её от убийцы.

***

— Не знаю, как преступник проник в квартиру, но вышел он через дверь, — объявил

Пифанов, стаскивая одноразовые перчатки и садясь в кресло у окна. — Возможно, девушка сама впустила его. Во всяком случае, никаких следов взлома найти мы не смогли.

— Она не впустила бы никого, — сказал Сергей, — потому что была напугана да смерти.

— Никого незнакомого, — поправил медэксперт. — Мы не можем проверить её телефон, чтобы узнать, не звонил или ей кто-нибудь ночью, потому что его нет.

— Я видел вчера, как она ставила на нём будильник, — ответил полицейский. — Значит, убийца забрал сотовый с собой.

— Вероятно, преступник позвонил девушке и сказал, что придёт. Она и впустила его.

— Это невозможно, — покачал головой Сергей. — Она не знала того мужика, который следил за ней.

— Он мог и не быть убийцей, — вмешался Вихарев, до сих пор слушавший молча. — Она ошиблась. Тот парень следил за ней, потому что она ему понравилась. Выпотрошил же её другой, которому она не побоялась открыть. Возможно, её близкий друг, раз она решила не предупредить тебя, что он заявится.

В словах младшего следователя был смысл. Вернее, он был бы, если б не скомканная копия страницы, обнаружившаяся рядом с телом девушки. Теперь ни у кого не осталось сомнений, что листок — улика. Впрочем, у Сергея их и не было. Вот только находка никак не помогала продвинуться вперёд. Конечно, теория Вихарева могла сочетаться с опасениями Сергея, но он сомневался в силу особых, только ему известных причин.

— Надо узнать, кто этот ... близкий друг, — проговорил Сергей. — Вот как её звали, — он пошарил в карманах и протянул Вихареву бумажку, на которой записал имя и фамилию девушки. — Займись этим, ладно? Боюсь, я сейчас слегка не в форме.

— Само собой, — кивнул младший следователь. — Сейчас же сгоняю по адресу. Думаю, кто-то должен знать, с кем встречалась эта крошка.

— Встретимся в управе, — сказал Сергей. — Я поеду туда, когда... здесь всё уберут.

— Только труп, — тут же встрял Пифанов. — Мыть пол и стирать твои простыни мы не собираемся. Кстати, на твоём месте я сдал бы их в прачечную. Когда мы их тебе вернём, конечно.

— Ради Бога, оставь их себе! — ответил Сергей, доставая сигареты. — У меня есть запасные. К тому же я не собираюсь здесь спать. По крайней мере, в ближайшие... лет сто.

***

Сергей улучил момент и вышел на улицу. Он должен был позвонить. Сделать это следовало давно, как только обнаружилась первая копия страницы книги, но он убеждал себя, что почти наверняка ошибается, хотя всё это время знал — конечно, знал! — что иного объяснения быть не может.

Теперь он сел на лавку и набрал номер, по которому разговаривал всего раз. Общие воспоминания, связывавшие его с человеком, которому он звонил, не побуждали к долгим и частым беседам: они относились к тому периоду, о котором Сергей предпочёл бы забыть. И не он один...

— Алло? — голос был старческий, мужской.

— Это я.

— Понял. Как жизнь? — старческим был только голос. Его обладателю исполнилось не

намного больше, чем Сергею. — Давно не слышал тебя. Соскучился?

— Не в этом дело.

Собеседник усмехнулся так, словно иного ответа и не ожидал.

— А в чём тогда? Плохо спишь? Так в этом я тебе не помощник. Пей, например...

— Послушай, Игорь, я звоню не для того, чтобы обменяться шутками.

— Да? — голос стал чуть серьёзнее. — Ладно, выкладывай.

— Помнишь ту ночь?

Пауза.

— Как будто она была вчера.

— Вы ведь сделали всё, как следует?

— Само собой. Чётко по книге.

— А с книгой что?

— Её потом сожгли. Ты же знаешь.

— С твоих слов. Меня при этом не было.

— Ты стал вдруг сомневаться, что ли?

— Да.

Ещё одна пауза, на этот раз более продолжительная.

— Почему?

Сергей перевёл дух.

— Кто-то убивает людей.

— Так же?

— Да.

— Ну, и что? Мало ли психов? Может, какой-нибудь нарик решил поиграть в вампиров.

Я читал про случай, когда...

— Не только пьёт кровь. Из некоторых вынимает органы.

— Тогда это не может быть он. Сам знаешь, органы его не интересовали. Совпадение,

Серёж. Расслабься.

— Рядом с трупами мы нашли копии страниц из книги. Похожей на ту.

— Ерунда, — по тону собеседника было ясно, что он не воспринимает опасения полицейского всерьёз. — Книги нет, я тебе клянусь.

— А если такая же?

— И ещё один такой же убийца? Но зачем ему органы?

— Понятия не имею.

— Слушай, я уверен, ты преувеличиваешь. Да и тот не оставлял никаких страниц.

Сергей помолчал, собираясь с мыслями.

— Как вы расшифровали ту книгу? Сможешь прочитать копии страниц, если я подъеду?

Собеседник усмехнулся:

— Шутишь?! Мы воспользовались записями твоего... в общем, его записями. Это он расшифровывал, а свои знания он получил, сам понимаешь, от кого.

— Ясно. И записи вы тоже сожгли?

— Разумеется. И тебе это прекрасно известно.

— Нет, про записи я не знал.

— Да? Ну, теперь в курсе. Как видишь, твой убийца — просто ненормальный. Уверен, ты его скоро найдёшь.

— Спасибо.

— Это всё?

— Да. Пока.

— Счастливо. Отпусти прошлое.

— Обязательно, — Сергей отключился.

Ещё бы прошлое отпустило его...

Разговор со старым знакомым несколько не успокоил полицейского. Просто, кажется, он только что утратил последнюю надежду. Сергей достал из кармана обе упакованные в целлофан страницы. Рисунки в оригинале, с которого были сняты эти копии, явно сделали очень давно. Тонкие коричневые линии складывались в изображения: одна словно перетекала в другую, что-то заимствуя у предыдущей, но при этом совершенно меняясь в целом.

***

Вихарев побарабанил пальцами по столу. Вид у него был смущённый.

— Она не числится нигде, — повторил он, взглянув на Сергея. — Ни в каких базах. Мы не можем выяснить её личность. Имя и фамилию она тебе назвала липовые, а по адресу, который дала, живёт семейная пара. И в гипермаркете никто не знает эту так называемую продавщицу электронных сигарет. Иначе говоря, она там не работала.

— И тем не менее, её убили так же, как парня.

— И во рту у неё Пифанов обнаружил следы чужой крови. По крайней мере, теперь мы точно знаем, что мальчишка не убивал продавщицу. Потому что эта Татьяна... ну, или кто она там... в общем, она-то никого не могла прикончить в твоей квартире. Разве что вы с ней на пару устроили вампирскую оргию.

— А тело, которому принадлежала кровь, пока не нашли, — заметил Сергей, пропустив шутку мимом ушей. — Пифанов говорит, это не продавщица, значит, должен быть новый труп.

— Я приказал сообщать нам обо всех случаях, когда у жертвы пили кровь, — ответил Вихарев. — Будем ждать.

— Органы у неё удалены так же, как у пацана?

— Пифанов сказал, что да. Никаких следов хирургического вмешательства. Кстати, он просил тебе передать, что девушка, похоже, гораздо моложе, чем кажется на вид.

— Что это значит?

— Ну... вообще-то, он сказал, что ей должно быть лет двенадцать. Но, конечно, это невозможно. Я видел тело, и совершенно очевидно, что оно принадлежит не девчонке-школьнице. Так что можешь спать спокойно: статья за соращение малолетних тебе не светит. Однако Пифанов утверждает, что, по всем признакам, это тинейджер.

Сергей усмехнулся.

— Кажется, Михалыч теряет форму.

Вихарев пожал плечами.

— Это очень странное дело, — сказал он. — Оно мне не нравится. Надо ж было так случиться, чтобы оно досталось именно нам!

— Кто-нибудь из начальства уже нарисовался?

— Нет, но это вопрос нескольких часов, максимум — суток.

Сергей кивнул, соглашаясь с подчинённым.

— Нужно всё-таки установить личность этой... Татьяны, — сказал он. — И выяснить, какое отношение она имела к предыдущим жертвам. Ума не приложу, зачем она соврала, что работает в магазине, но то, что она видела нас в гипермаркете, — факт. Иначе откуда ей было знать, что я полицейский и занимаюсь расследованием убийства продавщицы?

— Согласен, — сказал Вихарев, ставая со стула. — Но никто в магазине её не узнал, вот что странно.

— Возможно, она была знакома с Рюхиной ближе, чем сказала мне. Приехала в гипермаркет, увидела нас... Займитесь связями продавщицы.

— Хорошо. Ты будешь здесь?

— Какое-то время, — уклончиво ответил Сергей. — Потом мне надо будет ненадолго отлучиться. Но я вернусь.

Когда младший следователь вышел, Сергей сунул руку в карман и достал сложенный вчетверо листок. На нём аккуратным почерком был выведен адрес — название улицы, номер дома и квартиры. Полицейский нашёл его в кармане своих джинсов, пока ждал медэкспертов и коллег из следственной группы. Очевидно, Таня положила его туда.

Сергей внимательно поглядел на листок. Почему он не показал адрес Вихареву или кому-то ещё? Что заставило его спрятать улику? Причина была. Теперь полицейский больше не считал, что у него разыгралось воображение: подозрения переросли в уверенность. Он должен был прояснить кое-что без свидетелей: есть дела, в которых нельзя вмешивать посторонних.

Выждав полчаса, следователь вышел на улицу, сел в машину и поехал по указанному на листке адресу.

***

Родители были уверены, что Сергей выбрал профессию полицейского из-за смерти брата.

Они ошибались. Да, Романа сожгли какие-то так и не найденные «выродки» — иначе отец их не называл. Связали, облили керосином и подожгли. Живьём. Было это в лесу.

Милиция тогда решила, что это дело рук тех же бандитов, которые похитили до этого четырёх девочек, вскрыли им артерии и слили из тел кровь. Может быть, даже высосали. Но тогда не удалось обнаружить даже следа преступников, хотя на поиски были брошены немалые силы — посёлок, где жила в то время семья Сергея, гудел от ужаса: родители боялись выпускать детей на улицу, вне зависимости от пола и возраста.

Та волна зверств прокатилась и исчезла.

После смерти Романа в семье что-то изменилось. Да и могло ли быть иначе? И всё же Сергей стал следователем совсем не для того, чтобы найти убийц брата. Гибель Романа останется тайной, которая будет довлеть над их семьёй, но с этим ничего не поделаешь.

Правда, Сергею, к его глубокому сожалению, она была известна. Но он до сих пор считал, что похоронил её в прошлом. Теперь получалось, что не совсем...

Дом, находящийся по адресу, оставленному Сергею убитой девушкой, оказался, к его удивлению, небольшой гостиницей. Следователь показал своё удостоверение консьержке, и та пропустила его, сообщив, что жилец из номера «12» у себя — во всяком случае, ключ не сдавал, и она не видела, чтобы он уходил.

— Можно посмотреть копию его паспорта? — попросил Сергей. — Вы ведь делаете её

при регистрации постояльцев?

— Обязательно. Сейчас поищу, одну минуту.

Девушка порылась в ящике и положила перед полицейским листок с чёрно-белым изображением странички из паспорта.

— Вот он.

С замиранием сердца Сергей придвинул к себе копию. Прочитал имя и фамилию, всмотрелся в фото. Ни первое, ни второе, ни третье ничего ему не сказали. Обычное лицо, ничем не примечательное. Что он рассчитывал увидеть, с другой стороны?

— Я заберу? — спросил полицейский, складывая листок.

— Конечно. У нас есть скан в компьютере.

— Спасибо. Если не вернусь через... десять минут, вызывайте полицию. Позвоните по этому номеру и спросите лейтенанта Вихарева. Объясните ему ситуацию, — Сергей записал телефон подчинённого на бумажке для заметок.

— Хорошо. А... есть вероятность, что вы не вернётесь? — обеспокоенно спросила девушка.

Сергей натянуто улыбнулся:

— Надеюсь, что нет.

На лестнице у полицейского зазвонил сотовый. Это был Вихарев.

— Серёг, нашёлся труп! — сообщил он радостно. — И на этот раз нам известно, чей. Некий Епифанов, охранник на парковке. Кровь выпущена, на горле рваная рана. С ним разделались так же, как с продавщицей из гипермаркета. Епифанов поехал осмотреть тело. Ты когда вернёшься?

— Скоро, — ответил Сергей. — У меня сейчас одно дело... надо кое-что проверить. Если тебе через несколько минут позвонят и скажут... в общем, не удивляйся.

— Чему не удивляться? Погоди, ты о чём?!

— Не могу больше разговаривать. Извини, — следователь сбросил вызов и выключил на телефоне звук.

Он не просто так пошёл один по адресу, указанному Татьяной. Не из любви к экстриму, который он вовсе не любил. Но в почерке, которым были записаны название улицы и номер дома, было нечто знакомое... Слишком знакомое. Когда он увидел эти строки, в голове у него что-то щелкнуло, и сердце сжалось от приступа паники. Казалось, это невозможно, совершенно исключено, и всё же... Одно к одному, как говорится, так что закрывать глаза на очевидное было глупо и опасно.

Привлекать коллег Сергей пока не хотел: просто не решался. Эта ниточка, так или иначе, тянулась из прошлого, и он обязан был проверить всё сам.

Дверь в номер была не заперта. Она легко подалась при первом же нажатии ручки. Сергей достал пистолет, снял с предохранителя, дослал патрон в ствол. Теперь достаточно спустить курок, и раздастся выстрел. Но иногда человек не успевает даже этого. Сергей почувствовал, как в кровь начал поступать адреналин.

Внутри было темно из-за плотных штор, полностью закрывавших окно. Полицейский протянул руку, чтобы нащупать выключатель. Ладонь наткнулась на что-то липкое. Сергей отдернул руку и поднёс к лицу, чтобы рассмотреть. Света, падавшего из коридора, хватило, чтобы увидеть жёлтоватую прозрачную слизь. От неё исходил на удивление приятный мускусный запах.

Сергей снова попытался отыскать выключатель, но в этот момент в лицо ему повеяло

тёплым воздухом, мелькнула чья-то тень, и через миг в челюсть словно врезался на полном ходу товарный состав. Полицейский покачнулся, взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие, но перед глазами всё завертелось, и он рухнул на ковролин.

***

Сергей открыл глаза и осмотрелся: он по-прежнему находился в номере, но теперь шторы были отдёрнуты, и комнату заливал яркий солнечный свет. На тумбочке справа стоял работающий телевизор. В эфире опять была передача о насекомых. Ведущий говорил что-то, но разобрать слова было невозможно. Да и не хотелось, потому что напротив полицейского сидел на кровати мужчина лет тридцати, тёмноволосый, с тонкими, плотно сжатыми губами и маленькими глазками. Он, не мигая, смотрел на следователя. Именно его фотографию показывала ему девушка с ресепшна. Перед мужчиной на журнальном столике лежал листок, и полицейский не сомневался, что это очередная копия страницы из древней книги.

В позе незнакомца чувствовалось напряжение, но спустя несколько секунд после того как Сергей очнулся, мужчина расслабился и покачнулся, словно собираясь встать. Однако остался сидеть, лишь переложив руки с колен на покрывало.

— Ну, здравствуй, — произнёс он скрипучим голосом. Было ощущение, что мужчина перенёс долгую болезнь горла, и связки ещё не окрепли. — А ты сильно изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз. Так повзрослел... Сколько прошло? Лет двадцать? Я немного сбился со счёта. Знаешь, на том свете совершенно нет календарей, — мужчина растянул тонкие губы в подобие улыбки. Сергей увидел два ряда мелких белых зубов.

Пока мужчина говорил, полицейский успел понять, что подвешен на стене гостиничного номера, причём, судя по всему, при помощи той самой слизи, в которую вляпался, пока искал выключатель. Только теперь её было много, очень много, и она покрывала его тело практически полностью, за исключением лица. Какой-то клей? Держит намертво, несмотря на то что явно ещё не высох.

— Ты думал, что избавился от меня навсегда? — спросил мужчина, вставая с кровати и делая два шага к Сергею. — А я вернулся. Было нелегко, но мне удалось, — он склонил голову набок в знакомом полицейскому жесте и внимательно поглядел на своего пленника. — Ты не представляешь, через что я прошёл там... за чертой. Всё, что ты слышал про ад, — просто детские сказочки по сравнению с реальностью, — он приблизил костистое лицо к Сергею, и следователь снова почувствовал мускусный запах. — Но ты обязательно сам это узнаешь, — голубые глаза дважды медленно моргнули — словно опустились и снова поднялись шторы. — Потому что из этого гостиничного номера отправишься прямиком в преисподнюю! А вот я останусь жить. Все годы, которые были положены мне и которые ты украл у меня, а также ещё многие, многие другие, сверх нормы, — он вдруг расхохотался, запрокинув голову.

У Сергея не осталось сомнений. Подозрения, а вернее, опасения, которые привели его сюда, подтвердились: его брат, Роман, вернулся с того света! Несмотря на то, что ритуал был проведён по всем правилам, ему удалось вырваться из пекла и через двадцать три года появиться здесь, чтобы обрести новую жизнь. И, видимо, отомстить...

— Знаешь, я мог бы обойтись и без тебя, — продолжал мужчина, внешне совершенно не похожий на брата Сергея, но обладающий всеми его повадками. — Для моего цикла возрождения совершенно не важно, чьей крови напиться. Я мог бы прикончить ту милашку,

что стоит за стойкой ресепшна внизу. Но зачем отказывать себе в удовольствии убить тебя? К тому же, я думаю, будет только справедливо, если тот, кто отнял у меня жизнь, послужит моему возрождению. Что скажешь, братишка?

— Я не убивал тебя, — ответил Сергея.

Язык ворочался с трудом: в него словно вкололи анестетик, действие которого ещё не закончилось. Голова болела, и сильно тошнило — от удара в челюсть он, похоже, получил сотрясение мозга.

— Не своими руками. Разумеется, для этого ты у нас слишком... чистоплюй! — в голосе Романа слышалось презрение. — Но это ты сдал меня! Если б не твоя слабость, не эта твоя поганая вечная правильность, никто не додумался бы! И это ты научил их, как уничтожить меня. Показал им книгу! И тогда они провели ритуал вместо того, чтобы отдать меня ментам. Я отделался бы несколькими годами исправительной колонии. Для меня это ничто! Но брат той девчонки не захотел... А ты был с ними заодно. Ты тоже не желал, чтоб я сел. Надо было, чтоб я умер!

— Зачем ты вернулся? — спросил Сергей.

Роман говорил правду. Той твари, в которую он превратился, не было места в этом мире. И Сергей согласился с необходимостью... Не видел иного пути. Он поставил только одно условие: никакой огласки. Родители не должны были узнать, что их сын — чудовище. Пусть думают, что Романа убили те же люди, что и девочек. Это должно было стать тайной, похороненной навсегда.

— Тебе мало того, что ты делал тогда, ещё в детстве? — спросил Сергей. — Все те ужасные вещи, которые...

— Ты дурак, — спокойно перебил Роман. — Я никогда не был маленьким. То, что поселилось в моей душе, жило в ней с самого рождения. Иногда так случается, что ребёнок появляется на свет с неким дефектом, из-за которого все вокруг называют его исчадием ада. Но я умело скрывал своё недостаток, о нём узнал ты один, да и то случайно. И убил меня, своего брата!

— Ты чудовище! — ответил Сергей. — Это был наилучший выход для всех.

Роман развёл руками. На губах у него появилась кривая ухмылка.

— Только не мне. Моего мнения никто не спрашивал.

— Ты не заслужил этого. Те девочки хотели жить.

— Я тоже. И жить мне хотелось вечно. Неужели ты не мог закрыть на это глаза? Такое понятное желание...

— Ты убивал людей! И не просто убивал, а...

Роман усмехнулся:

— Конечно! Как же иначе? Разве можно продлить своё существование другим способом? А ты думал, вампиры это сказки?

— Как ты вернулся? Тебя сожгли.

— И это было ужасно! — лицо Романа передёрнулось от воспоминания. — Но сгореть заживо — ничто по сравнению с тем, что ждёт тебя там, куда ты скоро отправишься. К счастью, я хорошо изучил книгу, и там было много... полезных вещей. Тех, кто связал свою судьбу с ними, нельзя уничтожить просто так. И полученные знания дали мне возможность возродиться. Ты и твои приятели, так ловко обращающиеся с керосином, этого, конечно, не ожидали.

— Зачем ты убил мальчика и девушку? — спросил Сергей, пытаясь понять, сколько

прошло времени с тех пор, как он вошёл в номер, и скоро ли приедет Вихарев, которому должна была позвонить девушка с ресепшна. Успеет ли подкрепление прежде, чем брат выпьет его кровь? — Продавщицу и охранника я понимаю, это старая песня в твоём репертуаре. Но к чему это потрошение?

— Танюша понравилась, да? — Роман рассмеялся. — Ты так и не понял... Не было никакой Тани, как не было несчастного подростка, которых выпотрошил злой младший брат. Я убил только продавщицу и охранника. Так же, как убью тебя.

— Но тогда...

— Пацаном и девчонкой был я! — Роман снова расхохотался, заметив изумление на лице Сергея. Он явно получал от диалога немалое удовольствие. — Мои промежуточные стадии. Как у насекомых, но ты ведь не смотришь передачи про животных, с детства терпеть их не можешь. Яйцо, личинка, нимфа, взрослая особь. Клещам, например, нужно напиться крови, чтобы трансформироваться. Мне тоже. Я просто вылезал из ненужных уже оболочек, оставляя их вам, полицейским. Вернее, тебе. Я нарочно позаботился о том, чтобы трупы оказались там, куда распространяется юрисдикция твоего отдела. Мне нужно было, чтобы ты вёл это дело. Так что можешь считать, своего маньяка ты поймал.

— А органы? — проговорил Сергей. Надо было тянуть время — каждая минута могла стать как спасительной, так и роковой. — Куда они девались?

— Очевидно, без них мне было бы трудно сейчас стоять здесь и разговаривать с тобой. Они оставались в новом теле. Когда я выпью твою кровь, то покину эту оболочку и, наконец, стану собой. Полицейские обнаружат здесь два трупа — твой, иссушённый, и этот, лишенный органов и лопнувший со спины. Они никогда не поймут, что произошло. Кстати, когда я вылез из девчонки, пришлось одолжить кое-что из твоей мужской одежды. Я и сейчас в ней. Похоже, ты этого даже не заметил. Хотя, разумеется, тебе есть, о чём беспокоиться, помимо шмоток.

— Что это за слизь? — спросил Сергей.

Жаль, на стене нет часов, и нельзя понять, сколько ещё ждать подкрепления.

— Фаза, в которой я сейчас нахожусь, позволяет вырабатывать её. Только не спрашивай, как, — усмехнулся Роман. — Кстати, на случай, если ты вдруг считаешь, что все эти знания тебе пригодятся... что сюда через минуту ворвутся твои коллеги, скрутят меня и утащат в кутузку, а ты потом с шиком выступишь в суде, то напрасно. Никто не приедет, чтобы спасти тебя в последний момент, как в фильмах, которые ты так любил в детстве и наверняка любишь до сих пор, — Роман взглянул на наручные часы. — Прошло всего пять минут с тех пор, как ты вошёл сюда. Так что даже если ты и вызвал подкрепление, в чём я сомневаюсь, оно не успеет, — с этими словами Роман подошёл к Сергею вплотную и ощерился.

Передние зубы у него теперь были длинными, и даже резцы больше смахивали на клыки. Пасть хищной рыбы — такая ассоциация возникла в голове Сергея.

— Добро пожаловать в ад, братишка! — проговорил невнятно Роман, прежде чем впиться следователю в горло.

Кровь брызнула фонтаном, заклокотала, заливая Сергею грудь, а чудовищу, которое он некогда считал своим братом, — лицо! Полицейский открыл рот, но из него не вырвалось ни единого крика — только жалкий булькающий хрип. Челюсть твари сомкнулась, с хрустом раскусив сухожилия, голосовые связки, трахею, артерии и щитовидную железу.

— Нимфа клеща убивает свою жертву, чтобы напиться крови и претерпеть очередную

стадию своего развития, — едва слышно говорил ведущий на экране телевизора. — Таков жизненный цикл этого насекомого, и это совершенно естественный процесс, хотя звучит, возможно, и жутковато...

БИЛЕТЫ ДО ОКИНАВЫ

«В конце концов она тебя бросит!» — Валерка произнёс это с апломбом знатока, которым, скорее всего, не был. По крайней мере, Игорь надеялся на это. Потому что в противном случае Кузовлёв мог оказаться прав, а это означало бы... — да, чёрт возьми! — что она его бросит!

А Игорю этого не хотелось.

«Ей надоест тебя обхаживать», — сказал Валерка, когда они сидели в «Макдональдсе» и ели картошку фри с соусом. Валерка макал в жёлтую массу сразу по две-три палочки и отправлял в рот, тут же беря следующую партию. Игорь наблюдал за этим процессом, как замороженный. Но заворачивал его не скоропалительно исчезающий картофель, а слова, западающие прямо в душу.

«Хватит мурьжить девчонку, — ораторствовал Кузовлёв. — Отшей её, если не хочешь, и дело и с концом. Или переспи с ней. Глядишь, оба успокоитесь».

Игорь вздохнул и принялся вставлять в крышку стаканчика соломинку: во рту пересохло, и мучительно хотелось пить.

Как объяснить Валерке, что он был влюблён в Алину ещё в младшей школе? Что те чувства, которые он испытывает к ней сейчас — после того, как они встретились столько лет спустя — совсем не похожи на светлую детскую влюблённость первого класса. Наверное, Кузовлёв просто рассмеётся, если услышит нечто подобное. Назовёт это соплями и слюняйством. Нет уж, лучше промолчать.

Всё это проносилось в голове у Игоря вчера, когда они с приятелем сидели в «Макдональдсе». Теперь же он был в машине, причём один — пока один. Ждал Алину.

Она не скрывала, что готова перейти грань между «друзьями» и «любовниками», но Игорь не уступал. Вот уже два года как держался. Они виделись примерно каждые три-четыре месяца, когда она прилетала из Канады в Россию по делам или навестить родственников. И его.

За океаном у неё был муж — русский, как и она. Старый и богатый, если верить рассказам Алины. И, конечно, нелюбимый. А любимый жил в России и раз за разом отшивал её, хотя мучительно хотел. Всё дело было в проклятых детских воспоминаниях! Переспать с Алиной означало бы разрушить их, расстаться с иллюзией. А она была для Игоря ценнее, чем секс. Каким бы замечательным он ни был. А в том, что Алина в постели настоящая тигрица, Игорь не сомневался. Он тяжело вздохнул.

В памяти возникла сцена из далёкой, ещё школьной жизни: волейбольный матч против параллельного класса, выкрики игроков, удары по мячу, азарт и вдруг — неудачное падение Алины! В первое мгновение казалось: она сейчас встанет, и соревнование продолжится, но — увы — колено не выдержало, и, как выяснилось позже, мениск вылетел. Игорь помнил, как нелепо торчала вбок кость, натягивая кожу, как нога наливалась пунцовым цветом, распухая и приобретая нездоровый глянцево-блестящий блеск — всё то время, что пришлось ждать «скорую». Это случилось на последнем уроке, и Игорь не пошёл домой — остался с ещё парой ребят, чтобы составить Алине компанию. Она не кричала: сидела, стиснув зубы, но по щекам одна за другой катились слёзы. Даже теперь у Игоря защемило сердце. Наверное, именно в тот день он ясно понял, что влюблён. Теперь они повзрослели. Много стало проще. Да, он хотел её. Желал мучительно, представлял, каким нежным и трепетным будет их

соитие — ему оно виделось именно таким. Но отказаться от первого чувства, открывшего ему мир любви... Нет, Игорь просто не мог решиться на это. Он, конечно, не был уверен, что секс разрушит воспоминания. Но в том, что новые отношения вытеснят их, займут их место — не сомневался.

В доме через дорогу открылась дверь подъезда, и на тротуар вышла женщина в синих джинсах, ботинках на толстой подошве и короткой замшевой куртке. Светлые волосы были собраны в пучок на затылке, через плечо висела чёрная кожаная сумка от «Гермес». Конечно, она совсем не походила на девочку из девятого класса, но что-то почти неуловимое осталось в ней от тех времён — уверенные движения, в то же время не лишённые женственности, манера убирать волосы перед тем, как оглядеться по сторонам, лёгкая улыбка, словно блуждающая на губах. Флёр воспоминаний и чувств, что зародились много лет назад, сопровождал её подобно духам, пусть даже она не осознавала этого.

Алина увидела серебристую «Шкоду» и поспешила к машине. Игорь открыл дверь и вышел ей навстречу.

— Привет! Давно не виделись, — Алина улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы (специально приезжала в Россию, чтобы сделать их такими: за границей это слишком дорого). — Решил, куда поедем?

— Было несколько идей, — Игорь открыл ей дверь, успев почувствовать тонкий, всегда напоминавший ему кунжут, аромат «Кензо». Что-то новенькое. Раньше Алина пользовалась «Franck Olivier». Стоило мысленно отметить это изменение, и Игорь осознал, как давно они не виделись.

— Позволь мне тебя опередить.

— Да пожалуйста.

— Слышал про выставку Кацусики Хокусая?

— Э-э...

Алина понимающе улыбнулась.

— Не напрягайся. Это японский художник периода Эдо. Мастер ксилографии. Естественно, я не могу пропустить такое событие.

Игорь вспомнил, что Алина — искусствовед. Она говорила ему пару раз, что работает в Монреальском музее изящных искусств, но эта информация почти стёрлась у него из головы.

— Так ты специализируешься на Японии? — спросил Игорь.

— Вообще на живописи востока.

— Понятно. Значит, начнём с выставки?

Алина кивнула.

— А потом — куда скажешь.

— Надеюсь, картины стоящие?

— Тебе понравится. Уверена, по крайней мере одну ты видел раньше.

— Какую?

— «Большую волну в Канагаве».

— Постой-постой... Это та, где нарисована такая высокая синяя волна с пеной на гребне?

— Ну да! — обрадовалась Алина. — Шедевр.

— Да, наверное, — неуверенно проговорил Игорь.

Он японского искусства не понимал. Ему оно казалось схематичным и каким-то детским, что ли.

— А ещё ты наверняка видел «Красную Фудзи», — воодушевилась Алина. — Я сейчас найду её в Интернете, ты сразу вспомнишь.

— Давай лучше дождёмся выставки, — остановил её Игорь, заводя мотор.

— Ты прав.

— Адрес галереи помнишь?

— Конечно.

***

Творчество японского мастера впечатления на Игоря не произвело. Впрочем, ничего иного он и не ожидал. Да, рисунки были симпатичными, но по сравнению с Шишкиным или Леонардо... В общем, восторга спутницы Игорь не разделял, но виду не показывал и слушал комментарии терпеливо.

Возле картины, изображавшей двух рыб (кажется, одна нападала на другую), Алина вдруг крепко сжала плечо своего спутника.

— Что такое? — спросил Игорь, надеясь, что не придётся высказывать мнение по поводу рисунка.

Алина нервно закусила нижнюю губу — была у неё с детства такая манера, всегда его умилявшая.

— Взгляни направо! — шепнула она.

— Зачем?

— Видишь того мужчину? В синей рубашке.

— Ну, да.

— Мне кажется, он за нами следит.

— Да ладно? — усмехнувшись, Игорь посмотрел на Алину, пытаясь понять, не шутит ли она.

— Я уже несколько раз ловила его взгляд. И он не выходит из зала, пока мы не перейдём в следующий.

— Может, ты ему понравилась.

— Гляди, он и сейчас косится.

Игорь повернул голову, но худощавый мужчина с зализанными редкими волосами смотрел на крошечную птичку, замершую между двумя цветками. Вероятно, это была колибри.

— Успел отвернуться! — шепнула Алина.

— Хватит прикалываться, — Игорь не сомневался, что она решила с ним поиграть.

— Серьёзно, он мне не нравится.

— Ну, давай быстро выйдем из зала и посмотрим, что он сделает.

— Давай!

— На счёт три?

— Ага.

— Раз... два... три!

Игорь и Алина устремились к арке между залами.

— Только не оборачивайся, — предупредила она на ходу. — А то догадается, что мы его проверяем.

Справа показался выход в галерею.

— Сюда! — Игорь схватил Алину за локоть и буквально втащил за угол. — Отсюда видно зал. Если он появится, мы его увидим.

— А он нас? — Алина жарко дыхнула Игорю в ухо.

— Не думаю.

— Ну, что?

К удивлению Игоря, показавшийся Алине подозрительным мужчина торопливо вошёл в зал. Он остановился и завертел головой, явно высматривая сбежавшую парочку.

— Ты была права, — Игорь убрал голову и вжался в стену.

— Я ж тебе говорила! Что он делает?

— Ищет нас.

Игорь чувствовал, как напряжена Алина.

— Думаешь, пойдёт сюда?

— Вряд ли. Скорее — в следующий зал.

— Выгляни посмотри.

— погоди. Не торопись.

— Пусти, я сама.

— Стой! — Игорь преградил путь рукой. Упругий живот упёрся в предплечье. — Выждем немного. Пусть уйдёт.

Прошло секунд двадцать.

— Ну! — нетерпеливо дёрнула за рукав Алина.

Игорь осторожно высунул голову. Странного мужчины не было.

— Свалил.

— Слава Богу!

— Что будем делать?

— Как что? — удивилась Алина. — Вернёмся в зал и досмотрим рисунки. Здесь нас искать он уже точно не будет.

***

Когда спустя полчаса вышли на улицу, Алина притормозила, чтобы осмотреться.

— Вроде, чисто, — сказала она. — Мне всё время казалось, что я чувствую спиной его взгляд.

— А сейчас?

— Вроде, нет. Как считаешь, почему он за нами следил?

Игорь взял Алину под руку и повёл к машине.

— Надеюсь, ты не замешана ни в каких шпионских делах? — спросил он шутливо.

— В последние дни, вроде, ничем таким не баловалась.

— И ты с ним не знакома?

— Уверена на сто процентов.

— Ну, тогда это, наверное, просто извращенец или придурок.

— Думаешь?

— А у тебя есть другие предположения?

Алина пожала плечами.

— Скорее всего, ты прав. Неприятно, когда на тебя вот так пялятся, да?

— Конечно.

— Хорошо, что мы от него избавились. Куда теперь? Надеюсь, культурная программа продолжается?

— Безусловно. Как насчёт катка?

— Ты серьёзно? — на лице Алины вновь появилась улыбка, на этот раз слегка удивлённая.

— Абсолютно, — Игорь открыл дверь, дождался, пока она сядет, и обошёл машину. — Почему нет? — продолжил он, заняв место водителя. — Ты же умеешь кататься?

— Немного. В основном, на роликах.

— Ты ведь живёшь в Канаде.

— И что?

— Там должно быть полно снега. И льда.

— Думаешь, в Монреале на каждом углу катки? — Алина рассмеялась. — Знаешь, я могла бы ответить, что ты живёшь в России. И спросить, умеешь ли ты кататься.

— В основном на роликах, — отозвался Игорь, заводя машину.

Переглянувшись, оба рассмеялись.

— Что ж, — сказала, кивнув, Алина, — Коньки так коньки. Надеюсь, мне не придётся всё время тебя поднимать.

***

После катка в машину они сели распаренные и запыхавшиеся. На щеках у Алины пылал румянец. К ним хотелось прижаться губами, вдохнуть аромат влажных волос...

— Кстати, знаешь, откуда появилось название «коньки»? — спросил Игорь, чтобы отвлечься.

Алина сверкнула на него зеленоватыми глазами. Наверное, ещё из-за них он так её прозвал...

— Нет. Расскажи.

— Раньше полозья делали в виде лошадиных голов. Ну, в смысле, не целиком, конечно, а только переднюю, загибающуюся вверх часть.

— Понятно, — Алина помолчала. — Между прочим, ты очень техничен. Не ожидала.

— Что ты имеешь в виду?

— Твою манеру катания. Ты во всём такой?

— Техничный?

— Ага.

— Даже не знаю, что тебе ответить.

— Можешь ничего не говорить, — Алина положила Игорю руку на бедро, слегка сжала. — Я бы лучше сама проверила.

Игорь смущённо кашлянул.

— Ну, ты только что видела... И, вроде, убедилась.

— А я сейчас не про коньки, — по Алине было видно, что не шутит. — Только не задавай дурацких вопросов, ладно?

— Например, каких? — брякнул Игорь.

— Типа «Про что же, если не про коньки?» Ты отлично понимаешь, что я имею в виду.

— Вроде, мы эту тему уже поднимали.

— Поднимали, — согласилась Алина. — Но не закрыли.

— Разве?

— Ага. В чём дело, Игорь? Я же тебе нравлюсь. И ты меня хочешь, я точно знаю.

— Дело не в этом.

— А в чём? Ты мне ни разу толком не объяснил.

Игорь понимал, что история о детских воспоминаниях в лучшем случае будет выглядеть, как нелепая отмазка. В худшем — Алина решит, что он придурок.

— Даже не знаю, как сказать.

— Жене не хочешь изменять?

— Не в этом дело.

— Так в чём? — Алина смотрела в глаза и ждала ответа.

Игорь вздохнул. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, причин отказываться, и правда, нет. В конце концов, детство давно прошло, а красивая молодая женщина сидит рядом с ним и гладит его по ноге, забираясь всё выше...

— Ладно, — сказал он, бросаясь в омут с головой. — Ты права: почему бы и нет?!

Алина просияла.

— Наконец-то!

Она подалась к нему, и они поцеловались.

— Здесь или куда-нибудь поедем? — шепнула Алина, оторвавшись от Игоря. Голос у неё был хрипловатый от возбуждения.

Тонировки на стёклах не было, и, хотя на улице почти стемнело, снаружи всё, конечно, было видно.

— Лучше куда-нибудь завалиться, — ответил Игорь.

— Маринка сегодня вернётся только к вечеру, — сказала Алина. — А я не взяла у неё ключи, балда такая! Может, позвонить ей и попросить? Встретимся с ней, заберём ключи и поедем к ней?

Маринкой звали подругу Алины, у которой она останавливалась, приезжая в Питер.

— Нет, — подумав, отказался Игорь. — Давай снимем номер в гостинице.

— Не дорого?

— Нормально.

— Ладно. Я знаю одну. Недалеко, и цены не кусаются.

— Откуда знаешь?

— Ну, Маринка не всегда могла меня приютить.

— Разве?

— Я приезжала в Питер и до того, как мы с тобой начали встречаться.

— А, ну да. Ладно, адрес помнишь?

— Конечно.

Игорь завёл мотор. Его охватило приятное возбуждение — предвкушение того, от чего так долго себе отказывал.

***

Отель оказался двухэтажным зданием в глубине двора-колодца недалеко от центра города. На вывеске значилось «Замок».

Игорь был удивлён, когда администратор, невысокий угреватый парень лет двадцати

трёх, назвал цену — она явно была слишком низкой для гостиницы, расположенной в Невском районе. В шаговой доступности от достопримечательностей.

— Нам не нужны сутки, — сказала Алина, прежде чем Игорь успел ответить. — Только три часа, — она вопросительно взглянула на спутника. — Хватит?

Игорь кивнул.

— Мы не сдаём по часам, — неуверенно улыбнулся администратор. Зубы у него оказались желтоватые — должно быть, от никотина. — Только на сутки.

— У вас есть свободные номера? — спросила Алина.

— Конечно.

— Забронированные?

Администратор помялся, понимая, к чему она клонит.

— Нет, — ответил он, наконец.

— Тогда какая вам разница?

Секунд десять парень и Алина смотрели друг на друга. Было видно, что администратор прокручивает в голове варианты. Наконец, он снова улыбнулся и, воровато оглянувшись (необходимости в этом, впрочем, не было), сказал:

— Знаете, по правде говоря, сегодня из начальства никого нет и не предвидится. Так что, думаю, я могу сдать вам номер на три часа.

— И мы не будем вписываться в книгу, верно? — улыбнулась Алина в ответ.

— Именно, — кивнул парень.

Он быстренько подсчитал на калькуляторе стоимость трёх часов, Игорь расплатился, и они с Алиней поднялись на второй этаж.

— Будем считать, что вас тут никогда не было, — сказал им на прощание администратор, пряча деньги во внутренний карман пиджака.

В коридорах лежали ковровые дорожки, и на расстоянии каждых десяти метров тускло горели дешёвенькие бра, крашенные под бронзу. Пахло освежителем и чем-то ещё, смутно знакомым.

— Это новенький, — сказала Алина Игорю, когда они заперли дверь. — Раньше на ресепшне стояла толстая тётка. Она бы нас, наверное, не пустила.

— Может, это её сын, — отозвался Игорь.

Номер показался ему вполне приличным. Он был оформлен в восточном стиле: лакированная ширма в углу, свитки с акварелями на стенах, плетёные циновки вместо ковра. Над кроватью висела ксилография, изображавшая жутковатую кошку с выпученными глазами.

— Что это такое? — спросил Игорь у Алины.

— Нэко. Кошки-оборотни.

— Я думал, в Японии оборотнями считаются лисы.

— И они тоже. А ещё собаки, обезьяны, журавли и крысы.

Игорь хмыкнул, разглядывая рисунок. Художник постарался придать животному максимально демонический вид.

— Не самый удачный выбор для оформления номера.

Алина пожала плечами.

— Ну, едва ли владельцы отеля приглашали дизайнера. Наверное, всё это купили на распродаже.

Игорь кивнул: ему пришла в голову та же мысль.

Постельное бельё было свежее, и в туалетной комнате лежали кусочки одноразового мыла в упаковке. Игорь проверил, работает ли сантехника. Вода лилась исправно. Тёпленькая...

— Ну что? — проговорила, подходя и прижимаясь всем телом, Алина. — Нервничаешь?

— Немного, — признался Игорь.

— Успокойся, — она чуть отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза. — Расслабься. Хочешь посмотреть телек? У нас три часа в распоряжении.

— Нет.

— Правильно. Не будем терять времени. Я только приму душ. Хочешь со мной?

— Лучше я после тебя.

— Договорились.

Алина скользнула в ванную, послав Игорю на прощание воздушный поцелуй, и через полминуты он услышал, как из крана полилась вода.

Походив по номеру (особенно разгуливать было негде), Игорь сел на край кровати. Ну вот... Отступить некуда. Да и не хотелось. Всё-таки Алина его дождала. Он усмехнулся, провёл ладонью по покрывалу. Оно было гладкое, точно шёлковое.

В ванной поток воды переключился на душ. Из-за двери послышалось мурлыканье — Алина что-то напевала.

Игорь откинулся и лёг на кровать, закинув руки за голову. Три часа...

***

Игорь задремал и проснулся с тревожным ощущением — ему показалось, что уже совсем поздно, и они пробыли в номере гораздо больше трёх часов. Впрочем, администратор, наверное, явился бы их выставить. Ну, или получить дополнительную оплату.

Алины в постели не было. Игорь прислушался: в ванной было тихо. Он позвал её.

В ответ — тишина. Не лилась вода, не шуршала одежда, вообще не было никаких звуков. Вакуум.

Игорь встал и прошлёпал босыми ногами по линолеуму. Открыл дверь в коридор, выглянул, постоял в ожидании неизвестно чего. Пожав плечами, вернулся в номер.

Одежды и вещей Алины не было. Похоже, она просто ушла, решив его не будить. Но какой в этом смысл?

Игорь взял мобильник и набрал её номер. Длинные гудки звучали, пока он не сбросил вызов. Попробовал снова — с тем же результатом. Что за чёрт?! Это несколько выводило из себя. Игорь взглянул, наконец, на часы. Они провели в отеле всего на час больше, чем договаривались с портье. Куда могла так спешить Алина, что надо было срываться, едва он задремал? И ведь как тихо вскользнула...

Ладно, в конце концов, не сидеть же в номере. Игорь начал одеваться, но тут в дверь негромко постучали. Он улыбнулся: нет, Алина его не кинула.

— Ну, ты и... — начал было Игорь, открывая, но слова застряли в горле, когда он увидел на пороге знакомого мужика в синей рубашке.

От него резко пахло одеколоном. Светлые глаза смотрели крошечными буравчиками. В зрачках мелькали странные огоньки. «Сумасшедший, — сразу решил Игорь. — Псих!» Выследил их и явился, один Бог знает, зачем. Как только его пустили в отель?

Вблизи мужику можно было дать лет сорок, а то и больше: глубокие морщины пролегли поперёк лба, разрезали щёки подобно старым шрамам. Брови казались выгоревшими, а сквозь редкие прилизанные волосы белела кожа, туго обтягивающая череп.

— Что? — спросил Игорь, прикидывая, как поскорее избавиться от незваного гостя.

Вместо ответа мужчина поднял правую руку и сделал едва уловимое движение пальцами. С тихим щелчком выскользнуло кривое лезвие. Игорь сразу узнал нож-коготь от японской фирмы «Spyderco» — рассечь таким плоть, как нечего делать. Достаточно лишь взмахнуть рукой.

Мужчина замахнулся, тем самым дав противнику секунду, которой хватило, чтобы отскочить назад. Игорь едва не споткнулся о собственные штаны, валявшиеся на полу, но удержал равновесие. Мужчина прыгнул вперёд, снова занося руку для удара. Он бил лезвием наотмашь — чтобы наносить длинные, глубокие резаные раны. Игорь отклонился назад и рухнул поперёк кровати. Живот натянулся, представляя собой идеальную мишень. Один точный удар стали — и можно будет собирать кишки.

Нападавший с глухим возгласом кинулся вперёд. Игорь инстинктивно согнул ноги в коленях, и псих почти в ту же секунду налетел на них грудью. Из его лёгких со свистом вышел воздух. Сверкнуло лезвие, и левую икру обожгло сверху донизу. Закричав, Игорь с силой распрямил ноги, и мужик, нелепо взмахнув руками, отлетел к столу, рухнул на него, опрокинув графин вместе со стаканами, но почти сразу поднялся. Нож из руки сумасшедший не выпустил.

Игорь перекатился через кровать, оказавшись по другую сторону от противника. На ногу не смотрел — и так было ясно, что ранен. Следил за ворвавшимся в номер ненормальным. Что, если он убил Алину и администратора, пока шёл сюда?

Мужик разбежался и запрыгнул на кровать. Матрас оказался слишком мягкий, и он судорожно забалансировал, теряя равновесие. Игорь замешкался лишь на пару секунд, прежде чем толкнуть его руками в живот. Нож чиркнул по волосам, срезав немного кожи с затылка.

Псих шлёпнулся спиной на пол. Раздался негромкий стон. Почти что перепрыгнув через кровать, Игорь навалился на незнакомца, стараясь прижать его правую руку к полу. Тот вцепился ему в предплечье, но пальцы соскользнули, едва Игорь рванулся.

Светлые глаза дико вращались, на губах сумасшедшего выступила пена. Он сучил ногами, стараясь вывернуться, но противник был сильнее. Прижав запястье противника коленом, Игорь несколько раз от души ударил его в лицо. Нос хрустнул, появилась тоненькая струйка крови. Мужик закричал — не от боли, а от злости. Дёрнувшись всем телом, он едва не вырвался. Игорь нанёс удар снизу в челюсть. Клацнули зубы, светлые глаза закатились, но сознания псих не потерял. Зато разжал пальцы, сжимавшие оружие.

Игорь выхватил нож и вскочил на ноги. На его лице появилась торжествующая улыбка: придурку не удалось его убить, и теперь он имеет все преимущества!

Перевернувшись, мужик поднялся на четвереньки. Задрал голову, посмотрел на Игоря, и тому стало ясно, что драка не окончена. Наличие ножа в руке противника ничуть не смущало незнакомца. С рычанием он бросился Игорю в ноги, норовя повалить. Обхватил левую щиколотку, прижался к ней грудью и... впился зубами в голень!

Игорь заорал и, размахнувшись, полоснул кривым лезвием по голой шее, видневшейся над синим воротником. Он сделал это прежде, чем успел подумать, что такой удар прикончит сумасшедшего.

Брызнула кровь, ненормальный разжал руки и мягко повалился на пол. Несколько раз он судорожно вздохнул, захрипел, выгнулся дугой, словно по телу пропустили ток, и замер. Взгляд его остановился.

Игорь едва сдержал порыв отшвырнуть нож. Вместо этого он отступил на пару шагов и принялся лихорадочно соображать. Что делать? Бежать? Но в номере полно его отпечатков — он наверняка не сумеет оттереть все, что-нибудь да пропустит. Лучше вызвать полицию. Да, именно так. Нож принадлежит психу — он только защищался. Раны на ноге — доказательства тому.

Игорь бросил оружие на постель и схватил телефон. Набрал «02», но тут же сбросил вызов, вспомнив, что теперь номер начинается с единицы. Секунд пятнадцать слушал гудки. Никто не ответил. Ладно, есть ещё единый номер — «112». Там точно должны взять трубку. Однако и здесь Игоря ждало разочарование. Выругавшись, он осмотрелся.

Труп выглядел жутко. Остаться рядом с ним не хотелось. К тому же из резаной раны на икре текла кровь. Игорь проковылял в ванную, набрал влажных салфеток и обложил ими ногу. Затем туго забинтовал куском простыни — чтобы его добыть, пришлось воспользоваться ножом.

Одевшись, Игорь ещё раз позвонил Алине. Безрезультатно: она не брала трубку. Также молчали операторы полиции и экстренной службы. Закралась мысль: не стоят ли в отеле «глушители» сотовой связи? Вот только на кой чёрт?

Игорь вышел из номера. На мягком ковролине шаги практически не были слышны. Он спустился на первый этаж. К его удивлению, администратор отсутствовал. Довольно странно: по идее, он должен поджидать, как коршун, чтобы потребовать оплатить лишний час.

Может, за стойкой лежит холодеющий труп? С замирающим сердцем Игорь перегнулся через столешницу. Нет, никаких окровавленных тел. Значит, сумасшедшему удалось проскочить в отель, пока администратор отсутствовал на посту.

На стойке имелся звонок с кнопкой — совершенно такой, как показывают в старых фильмах. Игорь задумчиво побарабанил пальцами по столу. Исчезновение Алины не давало ему покоя. И вообще, почему в гостинице так тихо? Она расположена практически в центре города и должна буквально кишеть туристами. Тем более, при таких-то низких ценах.

Кроме того, неужели никто не слышал, как он дрался с ненормальным в номере? Может, администратор вообще куда-то ушёл? Надо проверить. Позвонить, дождаться и рассказать о случившемся — пусть вызывает полицию. Заодно спросить, выходила ли из отеля Алина.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Рука протянулась к звонку, но ладонь зависла над ним, когда взгляд Игоря упал на книгу регистрации. Похоже, здесь всё ещё записывали постояльцев вручную. Впрочем, компьютер тоже имелся — с маленьким дешёвым монитором. Он был погашен, даже заставка не плавала. Игорь придвинул к себе книгу в плотном дерматиновом — или даже кожаном — переплёте и раскрыл на середине. Страницы оказались пусты. Странно... Он пролистал немного назад, но и там не оказалось ни одной записи — только аккуратно разлинованные графы. Наконец, Игорь добрался до первых страниц, испещрённых двумя разными

почерками. Вторым, угловатым и торопливым, были сделаны только пять последних записей. Его имя тоже имелось — его вывели последним, напротив сегодняшнего числа. Надо же! А ведь администратор не собирался записывать их с Алиней. Правда, её он и не стал записывать.

Стоп!

Игорь резко выпрямился, и по спине у него пробежали мурашки.

Он ведь не называл ни своего имени, ни фамилии! Откуда же тогда их мог узнать администратор?

А если Алина, спустившись, сказала ему? Но зачем? И почему её собственные имя и фамилия отсутствуют?

Игорь смотрел на запись в журнале, и она нравилась ему всё меньше. Появилось ничем не оправданное желание вырвать страницу и забрать с собой. Он ещё раз пролистал книгу регистрации. В глаза бросилось, что все постояльцы, записанные в ней, были мужчинами. Может, это какая-то особая книга? Не та, где фиксируют всех? По какому принципу сюда вносили посетителей? И почему среди них оказался Игорь?

Он стал изучать записи более внимательно. Обратил внимание на даты. Последние показались ему знакомыми. Понадобилось не больше минуты, чтобы сообразить: они соответствовали дням, в которые Алина приезжала в Россию!

Игорь обернулся, потому что входная дверь открылась, и в фойе вошла Алина. При виде него она улыбнулась.

— О, ты уже проснулся! — сказала она, направившись к нему. Игорь едва поборол желание отойти в сторону. — Как дела, мой принц?

— Почему «принц»? — тупо спросил Игорь.

— Ну, как же? Мы ведь в «Замке». Ты что, забыл, как называется отель?

— А-а-а... Я думал, ты совсем свалила, — проговорил Игорь. Мысли у него разбегались. Иногда она проводила в Питера дня три-четыре, а встречались они лишь в один из них. Значит... в остальное время Алина могла развлекаться в этом отеле с другими мужиками. Теперь вот и его сюда привела... Краска бросилась Игорю в лицо.

Но как же первые записи? Там зарегистрировано человек двадцать... Неужели она переспала с ними со всеми? Ещё до того, как они разговорились на вечере выпускников и стали время от времени встречаться.

— Не спросишь, где я была? — поинтересовалась Алина, глядя на Игоря. Её взгляд скользнул по нему и остановился на раскрытой книге. Она слегка улыбнулась. — Я вижу, администратор куда-то вышел.

— Похоже на то. Мы задержались на час.

— И ты ждёшь его, чтобы расплатиться?

— Нет, — Игорь хотел было рассказать про странного мужика, который следил за ними в галерее, а потом явился в отель, чтобы прикончить его — а может, их обоих. Но передумал. Что-то внутри словно подсказало: не надо! — Просто... задержался, — проговорил парень, попытавшись изобразить улыбку.

— Я так и поняла.

Они помолчали, глядя друг на друга.

— Так... где ты была? — выдавил из себя Игорь.

Алина аккуратно поставила на ресепшн свою сумочку. В выражении её лица что-то изменилось: оно стало сосредоточенным, и в глазах появился холодок.

— Покупала билеты.

— Куда? — брякнул Игорь.

— На самолёт.

— А-а... в Канаду.

Алина улыбнулась одними губами. Глаза её оставались холодными.

— Нет, — сказала она. — В Наху.

— Куда?

— Есть такой город на Окинаве.

Этого Игорь не ожидал.

— Зачем? — спросил он. — Что ты забыла в Японии?

— А не спросишь, почему билеты, а не билет?

Игорь судорожно сглотнул. Что-то в тоне Алины ему совершенно не нравилось. Он машинально бросил взгляд на дверь. Почему они разговаривают здесь? Почему до сих пор не...

— Хочешь уйти? — спросила Алина.

— Что? А-а... Да нет. Надо же дождаться администратора.

— Он не придёт, — уверенно сказала Алина, глядя в сторону.

— Откуда ты знаешь?

— Я попросила его уйти. На некоторое время.

— Да? И зачем?

— Мне кажется, ты кое о чём догадался, — медленно проговорила Алина, подняв глаза на Игоря. — Да?

— Ты здесь встречаешься с любовниками, — ответил Игорь. — В каждый свой приезд. И они всегда новые.

Алина кивнула.

— Ты почти угадал. Только они мне не любовники.

— А кто?

— Любовник только ты.

— Кто тогда они? — спросил Игорь.

Неужели она рассчитывает, что он поверит в такую откровенную ложь? Конечно, у неё не было времени придумать что-то подостроверней, и всё же... Он даже невольно усмехнулся.

— Пища, — ничуть не смутившись, ответила Алина. — Сначала я думала, что и ты станешь всего лишь одной из жертв, но потом поняла, что не могу просто съесть тебя. С каждой нашей встречей ты мне нравился всё больше. Хотя всё равно я говорила себе, что сожру тебя. Но ты не хотел переспать со мной. Во всяком случае, ты хотел не только этого. Тебе нужно было что-то ещё. Ты упирался. Мне стало действительно интересно. И я попала, — она вдруг улыбнулась. — Я люблю тебя.

Игорь слушал, ничего не понимая. Казалось, Алина несёт полный бред. Какие жертвы? Кого съесть?

Он неуверенно усмехнулся.

— Не веришь? — Алина понимающе вздохнула. — Конечно, нет. Но это не имеет значения. Потому что сегодня я тебя, наконец, получила. Не только твоё тело, но и душу, а это куда ценнее. Ты принадлежишь мне весь, с потрохами, если можно так выразиться, — она вдруг расхохоталась, и от этого смеха Игорю стало не по себе. Захотелось немедленно выскочить на улицу. Он отодвинулся от стойки и бросил взгляд на дверь. Может, Алина

чокнутая? В конце концов, он знал о ней не так уж и много...

— Не бойся, — сказала она, беря его за рукав. Пальцы оказались на удивление цепкими. — Теперь мы будем вместе. Всегда. Потому что станем одинаковые.

— Да что ты имеешь в виду? — проговорил Игорь. Ему вдруг пришло в голову, что освободиться от хватки Алины будет нелегко.

А надо ли? В худшем случае, она ненормальная. Это не значит...

— Тебя не удивляет, что отель пуст? — спросила Алина. — Это потому, что нет здесь никакого отеля. Всё это — она сделала рукой широкий жест, — всего лишь морок. Иллюзия. Колдовство.

— Ты прикалываешься? — с надеждой забросил удочку Игорь. — Прекращай. И пойдём отсюда.

— Нет. Мы не может уйти. Не сейчас.

— Почему? Хочешь дождаться администратора? — Игорь с трудом выдавил из себя вялую улыбку, давая понять, что шутит. Надеюсь, что она — тоже.

— Это не отель, — сказала Алина. — Здесь нет администратора. Это храм. Тут приносят жертвы и служат нам.

— Кому — нам?

Алина отпустила рукав и сделала два шага назад. Она начала медленно раздеваться, глядя Игорю в глаза. Он сглотнул, чувствуя, как пересыхает в горле.

— Ты чего?!

— Смотри!

Игорь повернул голову в сторону двери. Она была наполовину стеклянной. Людей во дворе не было, но они могли появиться.

— Смотри на меня! — прикрикнула Алина, и он тут же перевёл взгляд на неё.

Она уже разделась до нижнего белья и не собиралась останавливаться.

— Прекрати! — сказал Игорь. Господи, что она задумала? Заняться сексом на стойке ресепшна?! Надо сказать ей, что наверху труп!

Алина плавно опустилась на четвереньки, прогнулась, зажмурилась. Игорь нервно потёр лицо. Если она рассчитывала его завести, то напрасно: он не был поклонником экстрима, так что его плоть никак не отреагировала на этот эротический спектакль.

— Я ухожу! — сказал он, делая шаг в сторону двери. — Ты ненормальная!

Алина низко зарычала, и через секунду её тело начало увеличиваться в размерах: вытянулся позвоночник, раздвинулись ребра, голова стала больше, руки — толще. Только ноги укоротились и выгнулись в обратную сторону. Всё это происходило прямо на глазах у Игоря, причём очень быстро. Настолько, что он решил, будто у него галлюцинация. Пошатнувшись, он вцепился в стойку ресепшна и затряс головой.

В фойе запахло сырой шерстью и чем-то ещё — зверинцем, что ли... Вспомнилась ксилография над кроватью: изогнувшаяся дугой Нэко с агрессивно встопорщенными усами и вертикальными зрачками.

Алина покрылась золотистой шерстью и потянулась, словно привыкая к новому телу. Хвоста у неё не было, зато на каждой лапе виднелись толстые кривые когти, чёрные у основания и почти прозрачные на концах.

Справа раздался звук шагов, Игорь повернул голову и увидел приближающегося администратора. На лице у того не было ужаса, напротив, он был совершенно спокоен, даже деловит. Подойдя к Игорю почти вплотную, он поднял сжатую в кулак руку, поднёс её ко рту

и сильно дунул. Желтоватый порошок облаком засыпал Игорю лицо. Машинально вдохнув, Игорь закашлялся, из глаз брызнули слёзы, и всё вокруг, включая администратора и монстра, в которого превратилась Алина, стало расплывчатым и совсем уж нереальным. «Может, это просто сон?» — пронеслось в голове у Игоря.

Но в этот момент что-то упёрлось ему в грудь, а в лицо жарко пахнуло сырым мясом — это Алина поднялась на задние лапы и навалилась на него, прижав спиной к ресепшну. Толстый язык высунулся между зубами и облизал его, удаляя остатки жёлтого порошка. Игорь зажмурился. Что-то коснулось его шеи — кажется, это были зубы — но тут же исчезло.

Раздался голос администратора — он принялся читать нараспев нечто, напоминающее молитву. Кажется, язык был японским.

Игорь вдохнул тяжёлый терпкий запах порошка, смешанный с дыханием Алины, и потерял сознание.

***

— Счастливого пути, — проговорил администратор, провожая Игоря и Алину до дверей отеля. — Я свяжусь с Окинавой и предупрежу о вашем прибытии.

— Спасибо, Алик, — кивнула Алина.

Парень склонился в поклоне. Во взгляде, которым он проводил Игоря, сквозила неподдельная зависть.

— Приберись там, наверху. Мы не всё съели.

— Разумеется, госпожа. Я позабочусь об этом.

— И найди нового адепта. Пусть готовится к испытанию.

— Да, госпожа. У меня есть на примете подходящая кандидатура.

— Прекрасно, — Алина улыбнулась. — Ты молодец.

Она вышла из отеля первой, Игорь — за ней.

— Так что мы будем делать в Японии? — спросил Игорь, спускаясь с крыльца.

— Я должна читать лекцию в Университете Окинавы. О восприятии восточной культуры в странах Нового Света. А потом мы отправимся в храм, где ты закончишь своё посвящение.

— Мы съедим ещё кого-то?

Алина растянула губы в улыбке.

— Придётся.

— А тот мужчина, который следил за нами сегодня — кто он?

— Адепт. Служитель местного храма. Я поручила ему испытать тебя.

— То есть, убить?

— Попытаться, — рука Алины легла Игорю на плечо. — Я надеялась, что ты справишься. Мне ведь надо было убедиться, что ты достоин стать Нэко.

Игорь заставил себя улыбнуться. Наверное, Алина права: нельзя делать человека оборотнем, только потому, что он хороший любовник.

— Куда после Японии?

— Я — в Канаду, — ответила Алина. — К старому скучному мужу, страдающему артритом и желудочными коликами. А ты — сюда, в Питер, к супруге. Надеюсь, с её здоровьем всё в порядке. Кстати, ты предупредил жену, что улетаешь?

— Да. Сказал, что в срочную командировку.

— Хорошо. Встретимся в аэропорту. Не опаздывай.

— Когда мы снова увидимся? Я имею в виду — потом, после Окинавы.

— Не знаю точно. Я тебе напишу, — Алина улыбнулась и взяла Игоря под руку. — Как обычно. Как всегда.

София ненавидела веганов. Даже больше, чем борцов за права животных. Последних, по крайней мере, она могла понять: люди, конечно, в состоянии обходиться одеждой из искусственной кожи или тканей. Но еда, в том числе мясо, необходима для человеческого организма — в этом она была убеждена, и никакие доводы Максима, что можно подобрать заменители животного белка, на неё не действовали. Когда он заказывал в ресторане или приносил домой творог и «траву», как называла София овощи, фрукты и зелёный салат, её буквально перекашивало. Она пыталась делать вид, что нормально к этому относится, но стоило ему, скривившись, поглядеть на отбивные, которые она поглощала, как вся её терпимость улетучивалась, и хотелось сказать что-нибудь этакое. В общем, совместные трапезы были не тем времяпрепровождением, которое она предпочитала. Возможно, это и было первым «звоночком» того, что они не подходят друг другу. Вторым стало то, что Максим подался в защитники прав животных. Наверное, это было для него логичным следующим шагом: от вегетарианства к борьбе против жестокого обращения с «братьями нашими меньшими». Хотя почему меньшими? Такое снисходительное отношение в устах Максима звучало странно, однако сам он этого не замечал.

В любом случае, всё это больше Софии не касалось. Она порвала с этим занудой и ничуть об этом не жалела. Тем более что жалеть было попросту некогда: через день она вылетала в Бангкок на модный показ новой коллекции Сомбуна Сакды. Этот молодой, но уже подающий надежды дизайнер представлял вниманию публики одежду из кожи экзотических животных — в основном, аллигаторов, кайманов, крокодилов, ящериц и жаб. Готовясь к этому мероприятию, София, наконец, узнала, чем отличается крокодил от аллигатора. Теперь зубы, форма головы и фактура кожи были для неё такими же опознавательными знаками, как разметка на дороге или буквы на листе бумаги. Она чувствовала себя почти экспертом, и ей это нравилось.

Софию наняли в качестве режиссёра подиума. Она отвечала за дефиле, и в её распоряжении было двадцать моделей, которых нужно было организовать и научить ходить и показывать одежду так, как этого хотел Сомбун Сакда. София пока не видела ни самого дизайнера, ни моделей, а времени на подготовку в Бангкоке у неё будет немного, поэтому она немного волновалась. Но это волнение было скорее приятным и больше походило на предвкушение.

— О чём задумалась? — спросила Наташа, заметив, что подруга погрузилась в какие-то свои мысли и перестала слушать её болтовню.

София подняла глаза и в первый миг растерянно моргнула. Она действительно отвлеклась от беседы. Вернее, от того потока информации, который изливала на неё вот уже минут сорок коротко стриженная блондинка с агрессивным макияжем и пирсингом в обеих губах. Наташа работа визажистом и была убеждена, что «творческий человек» должен выглядеть примерно так. «Неформальность — мой бог!» — любила повторять она, потягивая martini с водкой из V-образного бокала на каком-нибудь съезде рекламщиков.

Наташа тоже ехала в Бангкок. Они с Софией часто работали вместе. Вот и теперь визажисту предстояло придать моделям «хищный» и «дикий» вид, как было указано в информационном письме от Сомбуна Сакды.

— Давай по делу, — сказала София. — Надо обсудить макияж. Какие есть варианты?

Наташа кивнула и достала из пластиковой папки несколько фотографий.

— Вот я тут прикинула пару вариантов, — сказала она, протягивая их через стол. — Взгляни. Что же касается цветовой гаммы, то можно сочетать с цветами одежды или поиграть с контрастами. Как ты считаешь?

Дальше разговор перетёк в деловое русло. Ещё дважды заказывали кофе, а потом, собрав все материалы, отправились в офис. Нужно было прибыть в Бангкок в полной боевой готовности, чтобы уже ничего особенно не решать, а просто делать. Так сказать, с корабля на бал. Вернее, с самолёта — на подиум.

***

Бангкок Софии понравился, хотя город она видела очень мало — в основном по дороге из аэропорта, да потом из окон такси. А вообще наслаждаться достопримечательностями было некогда.

С Сомбуном встреча произошла после обеда — девушка успела только заселиться в гостиницу, перекусить и посмотреть зал, где будет проходить дефиле. С моделями не познакомилась: их должны были привезти около четырёх.

Дизайнер оказался невысоким, худощавым тайцем лет тридцати. Точнее определить возраст по его гладкому восточному лицу было трудно. Он был пострижен коротко, чисто выбрит, и от него слегка пахло крепким мужским парфюмом. Одетый в джинсы и футболку с абстрактным принтом Сомбун производил впечатление человека, который «делает моду» только для других, сам же предпочитает удобство и непритязательность. Только часы в его облике привлекали внимание — большие, с несколькими циферблатами и отливающим синевой стеклом, на армейском брезентовом ремешке. Они выглядели на его тонком запястье крупновато, но зато сразу бросались в глаза.

— Я хочу, чтобы на подиуме была животная страсть, — говорил Сомбун по-английски с характерным акцентом. Он произносил слова медленно, так что София легко его понимала. — Но не похоть! Это важно. Страсть должна быть на уровне инстинкта, причём охотничьего. Этаким вечный голод. Вы читали сказки Фрэнка Баума? — спросил он вдруг, уставившись своими тёмными миндалевидными глазами на Софию. Взгляд у него был пристальный, что особенно подчёркивалось ещё манерой Сомбуна крайне редко моргать.

Девушка была вынуждена признаться, что с творчеством Баума не знакома.

— Там был такой персонаж, — сказал таец, — Вечно Голодный Тигр. Он постоянно хотел есть, но не ел, потому что знал: ничто не насытит его. Вот я хочу видеть на подиуме что-то в этом роде: неутолимый вечный голод, поиск добычи, азарт преследования! Все животные, из чьей кожи пошита моя одежда, были при жизни хищниками. И модели должны буквально превратиться в них. Сможете так сделать?

— Постараемся, — ответила София. Она делала пометки в блокноте и, кажется, действительно понимала чего хочет Сомбун. Примерно так она и сама видела этот показ.

— Постарайтесь, — сказал таец спокойно. — Я на вас рассчитываю.

— Конечно, — кивнула девушка. — Нужно обсудить макияж. Это моя коллега, она визажист. У вас есть свои идеи, или мы можем предложить...

— Я посмотрю, что у вас есть, — Сомбун подался вперёд, приготовившись изучить то, что ему собираются показать. — Но в целом я бы не хотел делать ничего особенно броского. Одежда и так достаточно яркая, не стоит рассеивать или перетягивать внимание с неё на

лица моделей.

Переговоры длились недолго. Кажется, дизайнер вполне доверял тем, кого нанял, и не собирался вмешиваться в каждый этап подготовки. Это радовало, хотя одновременно заставляло и волноваться: а вдруг потом окажется, что Сомбун ожидал совсем иного? Но София была уверена, что они поняли друг друга, и всё пройдёт на ура. В конце концов, если модельер не контролировал какие-то моменты, значит, они не имели для него решающего значения. Главное — уловить концепцию, осознать, чего он хочет от дефиле в целом. И уложить детали в эту парадигму.

София встретилась с моделями в арендованном для показа зале. Это были двадцать девушек совершенно разного типа — азиатки, чернокожие, европейки и так далее. Сомбун отобрал их сам и, похоже, руководствовался при этом только одним критерием: лишь бы черты лица не повторялись. Что ж, это позволит Наташе попробовать больше мейков, решила София, разглядывая девушек и их портфолио, где они представляли в разных образах.

— Вы когда-нибудь работали с Сомбуном Сакдой? — спросила она моделей прежде, чем начать распределять одежду между ними.

Оказалось, что все девушки были приглашены на дефиле тайца впервые. До этого они работали в основном в азиатских странах, но Сакда их не нанимал ни разу, а нашёл через три разных агентства.

— Как вы думаете, почему выбрали именно вас? — спросила София. У неё было предположение, но она хотела услышать мнение девушек.

— Насчёт остальных не знаю, а я участвовала в показах изделий из кожи трижды, — сказала чернокожая девушка с коротко стриженными волосами.

— Я тоже, — подхватила другая.

Через минуту выяснилось, что все модели хотя бы дважды либо носили на подиуме, либо рекламировали кожаную одежду, сумки или аксессуары. Видимо, для Сакды этот критерий был таким же важным, как и разнообразие внешностей. Хотя это, как раз, могло оказаться совпадением.

— Ладно, давайте распределим вещи, — сказала София, делая знак помощникам, которые дожидались сигнала возле столов с куртками, штанами, платьями, пальто и пиджаками — все это сверкало, блестело и переливалось чешуёй всевозможных фактур. Вас двадцать, а предметов одежды пятьдесят. Значит, всем достанется по два, а некоторым — по три.

Девушки подходили и брали то, что им давали, не споря. Это было хорошо, потому что являлось признаком профессионализма.

— Мы посмотрим, как вещи будут на вас смотреться, а потом окончательно решим, кто что будет показывать, — сказала София, когда одежда была распределена. — Пока что наденьте по одной вещи, и начнём.

Работали до вечера, но зато теперь было ясно, какая модель какие предметы станет показывать на дефиле. Подобрать подходящую вещь не так просто, как может показаться, поэтому София была вполне удовлетворена тем, как прошёл первый день.

— Завтра я начну подбирать им мейк, — сказала Наташа, когда девушки ушли. — У меня уже есть кое-какие задумки. Шмотки, кстати, потрясающие, согласна?

— Не стану спорить. Вещи шикарные.

— Я бы заимела парочку. Плащ из крокодила точно. Только мне не по карману, — вздохнула Наташа, доставая пачку тонких сигарет. — А мне бы пошло, как думаешь?

— Было бы потрясно, — искренне сказала София, собирая записи, которые делала по ходу подборки вещей. — Я бы тоже кое-что приобрела, но даже не представляю, сколько всё это стоит. Хотя догадываюсь, конечно.

Одна куртка из кожи игуаны особенно запала девушке в душу. Она была уверена, что та пошла бы ей, но даже не стала примерять, чтобы не усугублять искушение. Впрочем, если Сомбуну понравится дефиле, возможно, он сделает ей скидку.

— Даже удивительно, что человек, который никогда раньше не шил из натуральной кожи, создал такую великолепную коллекцию из непривычного для себя материала, — заметила Наташа, закуривая. — Я читала, что его вообще все считали чуть ли не «зелёным».

София вспомнила, что, изучая предыдущие показы тайца, действительно не видела ни одной вещи из натуральной кожи — только из искусственной, синтетики или натуральных тканей.

— Ну, талант на то и талант, — пожала она плечами.

— Это да, — согласилась, выпуская через ноздри дым, Наташа. — А сам он кожу не носит.

— Я заметила. Может, просто не надел сегодня.

— Посмотрим. Но уверена, что мы его в коже не увидим.

— Ладно, пошли в отель. Надо поужинать и выспаться. Завтра рано вставать.

— Можно я хотя бы докурю? Я и так держалась несколько часов.

— Я тебя подожду в машине. Не выношу этого запаха.

Наташа, привыкшая к критике со стороны подруги, криво усмехнулась:

— Хорошо, неженка. Вали!

***

Первый прогон состоялся через два дня. Приехал Сомбун Сакда на чёрном «Мерседесе» в сопровождении одного дюжего охранника и какой-то девицы европейской наружности, затянутой в сверкающую синтетику. Любовница? Коллега? Подчинённая? Блондинка не проронила за всю встречу ни слова, но следила за всем дефиле очень внимательно и, кажется, даже сделала несколько пометок в телефоне. Сакда советов и мнения у неё не спрашивал, сидел, глядя на подиум через большие матовые очки и лишь иногда менял позу. Наконец, когда модели закончили выступление, повернул голову к Софии.

— Мне нравится, — сказал он кратко. — Макияж тоже хорош. Однако не хватает кое-чего.

София ждала этой фразы. Она просмотрела все предыдущие показы Сомбуна и знала, что в конце каждого происходит какая-нибудь неожиданная, эпатажирующая публику сцена. У неё было несколько на примере, и две даже отрепетировали, но она не хотела сразу вытаскивать их «из рукава». Оказалось — не зря. У дизайнера оказалась собственная идея, как закончить дефиле.

— Нужно, чтобы в финале, — сказал он, вставая, — из числа зрителей выскочило несколько человек, забралось на подиум и сорвало с моделей одежду. Разумеется, мы наймём актёров, для которых не составит труда справиться с подобным перфомансом.

— Это вроде как зрители не удержались и, не дожидаясь, пока вещи поступят в продажу, решили ими завладеть? — спросила София.

— Вроде как, — слегка улыбнувшись, ответил Сомбун.

— А под кожаными вещами на девушках будет что-нибудь надето?

— Разумеется. У нас не эротическое шоу. Обойдёмся без стриптиза.

— Хорошо, я поняла. Значит, когда все модели выйдут на подиум, с них сорвут одежду?

— Именно.

— Со всех?

— До единой.

На том встреча и закончилась. Осталось только отработать дефиле и добавить сцену, о которой сказал Сомбун. На следующий день блондинка привезла в микроавтобусе нескольких крепких девиц, по виду напоминавших завсегдатаев фитнес-клуба, и заявила, что они будут изображать экзальтированных зрительниц. На актёров они походили мало, но София решила, что уж стащить шмотки они сумеют, а чтобы пронзительно при этом верещать, вроде, тоже вживаться в образ по Станиславскому не обязательно.

Номер был добавлен и отрепетирован. Девушки действовали поначалу неуверенно, однако быстро освоились и стаскивали с моделей куртки, платья, пальто и юбки с большой сноровкой. А главное — они научились делать это быстро, что было немаловажно: финал должен был стать мгновенной шокирующей вставкой, а не затянутым бардаком на подиуме. Все движения должны быть чёткими и отработанными, чтобы зрители поняли, что это часть выступления, а не грубое вмешательство в шоу. На этом София настаивала и была уверена, что Сомбун ожидает того же самого.

— Он даже не взглянул толком на макияж, — в который раз пожаловалась Наташа, которая считала, что, если её работу не покритиковали, значит, не обратили на неё внимания. — Ни слова не сказал!

— Я думаю, ты просто прекрасно справилась с задачей, — терпеливо повторила уже в третий раз София. — Как и всегда.

— Не может быть, чтобы заказчика устроило абсолютно всё! — убеждённо возразила визажистка. — Если бы он внимательно посмотрел, если бы для него это было важно... — она махнула рукой. — Некоторые не придают мейку особенного значения, а были случаи, когда...

София не слушала. Она давно привыкла к всевозможным проявлениям нервозности людей, готовящих нечто, как им кажется, грандиозное. А уж привычки своей подруги изучила давно.

Думала девушка об акции местных «зелёных», развернувшейся в Интернете. Об этом ей рассказала Наташа, а той — кто-то из моделей. Собирали подписи к петиции, требующей отмены проведения дефиле. Конечно, было ясно, что это никак не повлияет на показ, однако породило... беспокойство. Да, именно это слово подходило лучше всего. Беспокойство.

Защитники прав животных призывал людей, принимающих участие в организации дефиле, бойкотировать его. Некоторые даже получили по электронной почте письма соответствующего содержания, но София не заметила, чтобы кто-то уволился или не вышел на работу. Сама она, конечно, подобных посланий на своём ящике не обнаружила: в Таиланде её E-mail попросту не был никому известен.

А если бы она и получила призыв отказаться от подготовки показа Сомбуна Сакды, неужели это заставило бы её подвести клиента? Как «зелёные» всерьёз могут рассчитывать, что их пропаганда повлияет на людей? Конечно, животных жалко, но один человек или десять, или даже сто, ничего не могут изменить. В этом София была совершенно убеждена. Всё равно найдутся тысячи тех, кто готов заплатить кучу денег за одежду из кожи, и пока так

обстоят дела, крокодилам придётся умирать во имя моды.

И потом, от Софии не зависело, состоится ли показ. Дело было решённое, а она — всего лишь наёмный работник, который принимает участие в подготовке данного мероприятия. Главный у них Сомбун Сакда, и именно за ним последнее слово.

Да и что она могла бы сделать, даже если бы решила пойти на поводу у «зелёных»? Поговорить с тайцем? Но очевидно, что он не отменит столь важное событие, на которое потрачена куча денег, а вот на Софию наверняка посмотрит как на паникёршу. Для сферы, в которой она работает, это почти равносильно приговору. Ну кому нужен подиумный режиссёр, если он боится каждого шороха? Такого ни Сомбун Сакда, ни мир моды в целом ей не простят! На её должности человек должен источать уверенность даже тогда, когда её нет!

При мысли, что она может остаться без работы, что многие двери, открытые для неё теперь, окажутся вдруг закрытыми, София невольно содрогнулась. Она слишком долго шла к тому положению, которое сейчас занимает, чтобы рисковать! Конечно, она позаботится о надёжной охране: вдруг «зелёные» не ограничатся петицией и рассылкой писем, а решал устроить прямо на показе какую-нибудь публичную акцию вроде обливания моделей краской.

Но руководит ею вовсе не страх, а благоразумие.

***

Накануне дня показа Сомбун пожаловал на последнюю репетицию. Он по-прежнему был небрежен в одежде, и на этот раз его снова сопровождала блондинка. Только теперь, внимательно рассмотрев её, София поняла, что та совсем недавно делала пластические операции: кое-где виднелись едва заметные шрамы. Возникла даже мысль: женщина ли это или леди-бой, но выступающего кадыка обнаружить Софии не удалось, да и плечи, вроде, были достаточно узкие.

Зато стало ясно, кто она такая. Фотограф! На этот раз у блондинки была с собой профессиональная камера, и расположилась она у конца подиума — там, где модели всегда останавливаются и принимают статичную позу, чтобы дать фотографу возможность сделать снимок.

Девушки ходили по подиуму, за сценой мгновенно переодевались, музыка была подобрана и утверждена. В общем, всё шло идеально. Впереди был ещё один выход и затем — финальная сцена.

— Почему вы решили создать коллекцию из кожи? — спросила София Сомбуна. Они сидели рядом, справа от сцены. — Говорят, вас считали раньше противником использования продуктов животного происхождения.

— Я никогда не заявлял ничего подобного, — ответил Сомбун, повернувшись к Софии. — Ни в интервью, ни на показах.

— Знаю, но слухи, знаете ли...

— Да, они имеют привычку рождаться и расползаться.

Повисла пауза, и София уже решила было, что разговор окончен, когда таец сам обратился к ней:

— Вам нравится кожа?

— Да, пожалуй.

— Чем?

София задумалась, но ненадолго.

— Ну... её запах, тактильное ощущение, внешний вид... даже скрип — во всём этом что-то есть, — сказала она.

Сомбун кивнул, словно ждал ответа в таком роде.

— А больше ничего? Только то, что характеризует кожу как готовый продукт?

— Что вы имеете в виду?

— Ведь это не ткань. Это часть живого существа, причём важно, какого именно. У каждого зверя, с которого сняли кожу, есть мифология. Например, если человек выбирает укороченную куртку из крокодила, он делает это не просто так. Он как бы сообщает окружающим: я опасен и богат, у меня есть мотоцикл, и я обожаю ощущение адреналина в крови! Это хищник, и всем становится понятно, почему он носит одежду из крокодила.

— Да, вы правы, — София слегка улыбнулась. — Но ведь кожа любого хищника послужит подобным сигналом.

— Вовсе нет, — возразил Сомбун. Он сидел вполоборота, глядя на сцену, но обращаясь при этом к девушке. — Кожа буйвола с грубой фактурой скажет нам, что человек, который её носит — агрессивен, упрям и привык добиваться своего. Он предпочитает элегантности брутальность, а интригам — прямоту.

— Я кожа ящерицы?

— Утончённый вкус.

— И наличие крупной суммы на банковской карте, — пошутила София.

— Безусловно, — серьёзно кивнул в ответ таец. — Но не обязательно иметь деньги, чтобы обладать подобной вещью, — добавил он через несколько секунд. — Иногда она может достаться даром.

— В качестве подарка, — отозвалась София. — Конечно, богатые мужчины вполне могут преподнести плащ из аллигатора своей...

— Нет, не любовнице, — перебил Сомбун. — Просто другу. Или тому, кто хорошо поработал и оправдал ожидания. Я люблю делать подарки на память тем, с кем работал, если между нами было взаимопонимание, и результат меня не разочаровал. Думаю, вам я тоже преподнесу сувенир, — на этот раз он повернул голову и взглянул на Софию.

— Мне? — этого девушка не ожидала.

— Выберите любую вещь из коллекции, и точно такая же подходящего размера станет вашей.

— Выбрать прямо сейчас? — брякнула София, растерявшись от радости.

Таец улыбнулся, продемонстрировав идеально ровные и белые зубы:

— Конечно. Не торопитесь, подумайте хорошенько.

К такому делу следовало подойти серьёзно. София уставилась на сцену, хотя прекрасно помнила все модели, входившие в коллекцию. Она уже присмотрела себе несколько вещей, но выбрать нужно было только одну. Главное — не прогадать!

Вон та умопомрачительная мотоциклетная куртка из кожи аллигатора выглядит просто супер! Или плащ с вставками из кожи ската — сразу видно, что стоит кучу денег. Куртка из игуаны, запавшая ей в душу с самого начала, не стала за эти дни хуже. Впрочем, как и укороченный жакет из кожи питона.

София придирчиво разглядывала всё, что демонстрировали девушки, — словно её попросили вручить главный приз.

В конце концов, как любила говорить мать, первая любовь самая верная. Прочь сомнения — решено!

— Куртка из кожи игуаны. Вот эта, — София указала на девушку, которая как раз возвращалась, проходя мимо них.

— Вы получите её завтра утром, — пообещал Сомбун. — И я прошу вас быть в ней на показе. Это будет... аутентично.

— Хорошо.

— Вот и договорились.

— Вы, наверное, тоже будете в коже? Интересно, какого животного.

Таец улыбнулся:

— Посмотрим. Я ещё ничего не решил.

Они посидели пару минут молча, затем Сомбун повернулся.

— Знаете, как снимают кожу с животных?

— Что? — удивилась София. Она не ожидала, что дизайнер поднимет эту тему.

— Откуда берётся материал для такой вот одежды, — Сомбун кивнул в сторону подиума.

— Примерно представляю, но в детали никогда не вдавалась. Говорят, иногда кожу снимают с ещё живых крокодилов. Хотя не представляю, для чего это нужно.

— Наверное, иногда случается и такое.

— Но в целом, кайманов, аллигаторов и крокодилов разводят на специальных фермах именно для того, чтобы получить кожу, — София старалась говорить осторожно: мало ли как относится к этому Сомбун. Хотя, раз он создал такую коллекцию...

— Конечно, — легко согласился таец. Даже едва заметно улыбнулся в своей маловыразительной манере. — А вы хотели бы увидеть процесс снятия кожи с живого существа?

— Не думаю. Вряд ли.

— Обратная сторона медали не всегда сверкает, да?

— Пожалуй.

Сомбун Сакда кивнул так, словно услышал то, что хотел.

— Мир моды жесток и не знает пощады, — сказал он.

София так и не поняла, к чему он затеял этот разговор, но была рада, что её ответы не вызвали у дизайнера неудовольствия. В конце концов, одно дело использовать натуральную кожу, а другое — излишняя и неоправданная жестокость по отношению к животным. Вот и фирма «Гермес» обещала в своё время проконтролировать процесс снятия кожи на крокодиловых фермах, поставляющих ей материал.

***

София решила лечь пораньше, чтобы выспаться к показу. С утра предстояло много работы, так что нужно было использовать любую возможность набраться сил.

Приняв ванну с морской солью и эфирными маслами, она вытянулась на кровати и приготовилась отправиться в царство Морфея.

София лежала на спине с закрытыми глазами, когда на улице раздался какой-то скрежещущий звук. Девушка прислушалась. Звук повторился — на этот раз чуть ближе к отелю. Было в нём что-то зловещее — София не могла понять, почему ей так подумалось, но

по телу внезапно пробежали мурашки, и захотелось встать и подойти к окну, чтобы выяснить, что происходит снаружи. Но она сдержалась. В конце концов, ею это не касалось. Но звук повторился снова, и на этот раз девушке показалось, что он исходит прямо из-под её окна. Номер находился на втором этаже, так что от земли было совсем недалеко. София села на кровати, глядя на занавески. Затем встала и подошла. Осторожно отодвинула одну из штор, выглянула на улицу.

Перед отелем была небольшая асфальтированная площадка, по обе стороны которой стояли машины постояльцев. Дальше росли узловатые деревья с какими-то причудливыми мясистыми листьями. София понятия не имела, как они называются. Над крышами домов стояла полная луна, окружённая чётко видимыми звёздами.

Что делалось под окнами, разглядеть было нельзя. Для этого пришлось бы открыть окно и высунуться, а поступать так София не испытывала ни малейшего желания. Она подумала, что надо просто лечь спать, и плевать, что там снаружи скрежещет, однако в этот момент на площадке перед отелем показалось нечто тёмное и бесформенное. Сгусток мрака медленно продвигался от фасада в сторону дороги. По сравнению с припаркованными автомобилями он выглядел довольно большим — метра три в длину и два в ширину. Нечто ползло прочь, издавая скрежещущий звук — словно волокно по асфальту какую-то скрытую от глаз железяку.

София замерла, не в силах оторвать поражённый взгляд от удивительного явления. Что это вообще такое?! Ночное животное? Но как такой крупный зверь может разгуливать по городу?

Вдруг сгусток мрака остановился и приподнялся. А затем начал оборачиваться. София чётко осознала, что он почувствовал её пристальный взгляд, и сейчас они встретятся глазами — если у этого существа они есть. Она хотела быстро задёрнуть шторы, но не могла пошевелиться.

Нечто закончило разворот, и София увидела лицо Сомбуна Сакды. Таец смотрел на неё, словно проступая из зыбкого чёрного тумана. А может, он сам и был этим туманом. Во всяком случае, девушка ощущала присутствие тайца, и сгусток мрака больше не казался ни призрачным, ни зыбким — он словно обрёл плотность и даже форму.

Сомбун приоткрыл рот, обнажив два ряда белых зубов. Только теперь они были треугольными и длинными. Раздал громкий скрежет, и пасть разомкнулась. Из неё показался толстый язык и заметался между острыми кончиками. София почувствовала исходящий из желудка Сомбуна смрадный запах, хотя окно оставалось плотно закрытым. В ушах у неё пульсировало, и сердце колотилось в груди, как ненормальное. Девушка стояла, вцепившись в занавеску и не сводя глаз с существа, которое глядело на неё снизу, задрав косматую голову. Теперь чёрный туман больше походил на длинную шерсть или даже мех. Косматая тварь с лицом Сакды и безумным взглядом спрятала язык и снова скрипнула зубами, а затем вдруг резко и легко прыгнула прямо на окно второго этажа!

София резко открыла глаза и села на постели. Кажется, она кричала. Всю её покрывала испарина, хотя кондиционер в номере работал исправно — девушка видела, как светятся в темноте его синие цифры, и воздух был прохладный.

Это был всего лишь сон! Обычный кошмар, и не более того. София заставила себя усмехнуться. Но каким реальным он выглядел. Просто удивительно. И откуда вдруг такой странный образ тайца, который вовсе не казался агрессивным?

Вспомнился недавний разговор с Наташей.

— Что ты знаешь о Сомбуне? — спросила та как-то во время обеденного перерыва, когда они сидели в уличном кафе, поглощая лапшу с густым коричневым соусом.

— То же, что и все, — ответила София. — А что?

— И всё-таки?

— Перспективный дизайнер одежды, любит эпатировать публику. Раньше из кожи никогда не шил.

— А почему?

— Почему не шил?

— Да.

— Его считали одно время «зелёным», но, видимо, напрасно. А в чём дело? Что ты пытаешься мне сказать?

Наташа пожала плечами.

— В Таиланде поговаривают, что его отец был колдуном. Он общался с фи.

— С кем?

— Так здесь называют духов.

— Кто тебе это рассказал?

— Девчонки.

Наташа имела в виду моделей.

— Некоторые из них довольно суеверны и даже слегка побаиваются Сомбуна.

— Господи, какая чушь! — фыркнула София. — Ну, во всяком случае, они не имеют с ним непосредственных дел, так что им не о чём беспокоиться. Надеюсь, ты не прониклась этими... суевериями.

— Нет, — ответила Наташа, не поднимая глаз. — Конечно, нет.

— А что именно наговорили тебе девчонки?

— Якобы Сомбун кое-чему научился у отца.

— Типа он обязан своей популярностью общению с духами? С этими... фи? Как-то напоминает легенду о Фаусте, тебе не кажется?

Наташа не улыбнулась. Может, не читала Гёте, а может, относилась к болтовне моделей серьёзней, чем хотела показать. Только вот с чего бы? Хотя визажистка всегда была склонна к фантазированию. Наверное, это свойственно творческим личностям.

— Не знаю, — ответила Наташа, — но говорят, что один из его конкурентов умер страшной смертью. Его... я не знаю деталей, и полиция квалифицировала произошедшее как несчастный случай, однако ни одно животное не смогло бы сделать с человеком такое. Я видела в Интернете фотки, и это просто ужас!

— Слушай, ты же понимаешь, что всё это полный бред? — серьёзно спросила София. — Просто сплетни, которые окружают популярную личность Сомбуна.

— Ясное дело, — кивнула Наташа. — Это я так... к слову, — она натянуто улыбнулась, — Надо же о чём-то болтать за обедом.

София решила больше эту тему не развивать. В конце концов, даже если бы она верила в колдовство и прочее мракобесие — чего нет и никогда не будет, само собой — с какой стати ей было бы беспокоиться на свой счёт? Сомбун доволен её работой, он даже подарил ей одну из своих замечательных, дорогущих вещей!

Так София подумала тогда и вспомнила теперь, лёжа в темноте. Вот ведь чёрт! Из-за Наташкиной болтовни приснилась такая дрянь! Надо же, какие фокусы выкидывает подсознание: ты слушаешь о чём-то и не придаёшь этому значения, а мозг потом превращает

это в кошмар.

Девушка легла на правый бок и закрыла глаза. Велела себе не вспоминать о том, что увидела. Надо подумать о приятном и постараться скорее заснуть. Завтра ответственный день, так что она должна быть свежа и полна сил.

***

Показ начинался в три часа, сразу после обеда — в данном случае, после торжественного открытия с фуршетом. Шампанское было приготовлено на потом — несколько ящиков дожидались в холодильнике экспо-центра.

София была за кулисами, контролируя подготовку к дефиле. К счастью, ни одна модель не заболела, и не пришлось никого заменять в срочном порядке. Такие вещи всегда выводили девушку из себя. Наташа накладывала последние штрихи грима, диджей проверял аппаратуру.

Через полчаса начали собираться представители прессы и модных домов — для них отводились первые ряды. Явилась блондинка-фотограф с камерами и осветительными приборами.

Сомбун настоял на том, чтобы в показе не использовались цветовые контрасты. Он предпочитал белый. Подиум, задник, даже кресла — всё было белым. Лишь несколько чёрных полосок оттеняли их. Прожекторы тоже будут источать белый свет, придавая залу холодность, а моделям — мертвенность.

Софии пришло в голову, что завтра таблоиды напишут, что Сакда представил зрителям метафору: художник наносит свой рисунок на чистый лист, только рисунок — это мода, а лист — подиум! Что ж, должно быть, но то и расчёт.

Неподалёку толпились по-разному наряженные «актёры», которые должны были участвовать в финальном номере — срывании одежды. Им нужно было расположиться неподалёку от подиума, чтобы по сигналу, которым послужит смена музыкальных композиций, быстро оказаться рядом с моделями. «Актёров» распределял один из помощников Софии, выделенных организаторами дефиле.

— Кажется, это вам, — окликнул девушку незнакомый таец со свёртком в руках.

— Мне?

— Вы София?

— Да.

— От мистера Сакды, — посыльный протянул девушке свёрток и слегка поклонился.

Должно быть, это обещанная куртка из игуаны!

— Спасибо.

София стащила целлофан и увидела полированную чешуйчатую кожу! Просто класс! Она тут же примерила вещь, подойдя к вертикальному зеркалу во весь рост, перед которым крутились модели. Куртка сидела, как влитая. Девушка провела ладонями по коже, ощутив её причудливую фактуру. Потрясающе! Этот приятный бонус к гонорару сделал её день. Надо будет поблагодарить Сомбуна Сакду после показа.

Где он, кстати? София взглянула на часы. Осталось совсем мало времени. Зрители почти все собрались. Она выглянула в зал. Вот журналисты с бейджиками и камерами, вот критики, вот модельеры. Вот местный бомонд, так называемое селебрити Бангкока.

София перевела взгляд на Сомбуна. Тот стоял в стороне, напряжённый, полный

ожидания и даже... предвкушения. Должно быть, он делал на эту свою новую коллекцию большую ставку. Девушка поняла, что всё должно пройти идеально — от этого зависит напрямую и её собственная карьера: если «заметят» коллекцию, то и организатора дефиле вниманием не обойдёт. Под ложечкой засосало приятно и волнительно. София на миг представила Париж, Нью-Йорк, Милан... Как это было бы здорово! Совсем другая жизнь Новый уровень!

Впрочем, долго размышлять на эту тему было некогда: дефиле должно было вот-вот начаться, и модели осаждали её, уточняя последние детали, большая часть которых была уже оговорена сотни раз. София знала, что девушкам это нужно для успокоения, и терпеливо отвечала на все вопросы.

Наконец объявили начало, врубили музыку, и зал озарился софитами. Сомбун Сакда проскользнул за сцену, чтобы выйти в конце дефиле вместе с моделями. София видела, как он разговаривает с работниками сцены. Затем дизайнер подошёл к монитору, на котором было видно, как модели ходят по сцене. Он не обращал внимания на девушек, возвращавшихся за кулисы и переодевающихся — его взгляд был прикован к экрану. Софии показалось, что таец напряжён и чего-то ждёт. А может, просто переживает? Сколько бы показов он не провёл, волнение должно оставаться, ведь непредвиденные обстоятельства всегда могут возникнуть.

Каждый раз, когда девушка-модель подходила к концу подиума, она останавливалась, приняв выигрышную позу, и тут же её освещала белая вспышка фотографа.

София наблюдала за происходящим и на, и за сценой, постепенно проникаясь ритмом, задаваемым ди-джем. Всё вокруг пульсировало, содрогаясь в едином темпе, — словно в зале билось чьё-то огромное возбуждённое сердце!

Наконец наступил момент, когда актёры, рассажены среди зрителей, должны были выскочить на подиум и сорвать с моделей одежду. София видела, что некоторые из них уже поглядывают на часы. Сомбун подал знак ди-джею, тот кивнул.

Девушки, переодевшись в последний раз, собрались возле выхода. Сакда занял место позади них, он должен был замыкать шествие.

София дала отмашку, и модели со счастливыми улыбками двинулись на подиум. Таец вышел последним, и зал взорвался бурными аплодисментами. Зрители ликовали, некоторые даже встали. Всё вокруг осветилось вспышками фотоаппаратов.

В этот момент София почувствовала, что курка, подаренная Сомбуном, стала ей тесна. Она повела плечами, но легче не стало: вещь словно обтягивала её со всех сторон. В чём дело? Досадливо поморщившись, София взялась за язычок молнии и потянула вниз, но, как только края курки разошлись, грудь пронзила резкая боль — словно по ней неожиданно полоснули острым, как бритва, ножом!

Ди-джей, повинувшись заранее утверждённому плану, выждал десять секунд, позволив зрителям насладиться видом моделей и дизайнера, а фотографам сделать снимки, изменил музыкальную композицию.

Тотчас актёры пришли в движение. Сорвавшись со своих мест, они полезли на подиум, издавая дикие вопли, — на какой-то миг Софии показалось, что она стала свидетельницей взятия приступом средневековой крепости!

Актёры принялись срывать одежду с девушек, и зал внезапно огласился жуткими воплями подлинной боли! Модели верещали так, словно их режут, некоторые падали, когда с них стаскивали куртки, пальто и плащи. Зрители застыли с выпученными глазами,

некоторые отступили, опрокинув стулья задних рядов. Кто-то медленно опустился на пол, потеряв сознание.

На лицах актёров София увидела изумление, сменившееся ужасом. Некоторые замерли, недоумевающе глядя на то, что оказалось у них в руках — липкое, мокрое, болтающееся!

Белоснежный подиум окрасился красным. Модели, лишившиеся одежды, оказались почему-то не в одежде, которая была у них надета под кожаными изделиями Сомбуна Сакды, а в чём-то блестяще-красном! И это нечто сочилось, капало и падало на подиум, оставляя алые следы.

Внезапно София поняла, что видит плоть, лишённую кожи! Девушек ободрали, как кайманов, ящериц, крокодилов и змей — всех тех, из кого Сомбун Сакда создал свою экзотическую коллекцию!

Открывшееся ей зрелище временно отвлекло её от собственной боли, но теперь она медленно и с ужасом опустила голову, чтобы посмотреть на свою грудь. Там, где молния разошлась, виднелось обнажённое мясо, и кровь уже текла по чешуйчатой коже игуаны, пропитывая её. Мышцы, прожилки, капилляры — всё это сочилось, блестело и пульсировало, как в фильмах Дэвида Кроненберга.

В шоке София подняла глаза и увидела лицо Сомбуна Сакды. Таец стоял в середине подиума и озирался с видом торжества. На его губах змеилась тонкая, но недвусмысленная улыбка человека, у которого получилось то, что он задумал! Его окружали умирающие в муках модели, актёры с окровавленной кожей в руках, ошеломлённые зрители. Финал удался на славу!

«В Таиланде поговаривают, что его отец был колдуном», — вспомнились девушке Наташины слова.

Несмотря на отсутствие заточенных зубов и чёрной косматой шерсти, Сомбун походил сейчас на ту тварь, которая привиделась Софии во сне: то же кровожадное безумие в глазах и сознание собственной мощи, власти, выражающейся в способности управлять тем, что происходит!

Последним, что увидела София прежде, чем её накрыла тьма, была блондинка-фотограф, продолжавшая делать один снимок за другим. На её лице было такое же торжествующее выражение, как у Сакды.

Фотографии с окровавленными моделями и залитым красным подиумом появляются в прессе и Интернете уже сегодня!

Мир моды не может ждать дольше.

Потому что мир моды жесток и не знает пощады!

— Я просто хочу отомстить! — проговорил Косыгин, обводя собеседников пьяным взглядом. — В конце концов, я что, не имею на это права?

— Не знаю насчёт прав, а понять тебя можно, — рассудительно ответил Чернев, вертя в руках стакан с остатками виски.

— Он трахает мою жену! — взревел Косыгин. Лицо у него было красное от выпитого алкоголя, на лбу проступила пульсирующая вена.

— Бывшую, — спокойно поправил Репников. На его губах играла едва заметная улыбка — он явно получал от этого разговора удовольствие. — Вы уже почти год, как в разводе.

— Пусть так! — процедил, тяжело уставившись на него, Косыгин. — И всё равно он гнида! Мы были друзьями с девятого класса, а он... за моей спиной!

— Как же ещё? — пожал плечами Репников. — Не на глазах же у тебя ему было твою благоверную обрабатывать.

Косыгин хлопнул по столу ладонью так, что стаканы подскочили.

— Мсть ничего не решает, — покачал головой Чернев. Он был лысоват, с тонким прямым носом и такими же губами. На висках у него время от времени выступали капли пота, и он смахивал их тыльной стороной руки. — И вообще ведёт к саморазрушению, — выговорить последнее слово ему удалось с заметным усилием.

— А мне плевать! — процедил Косыгин. Он схватил своей лапищей бутылку виски и наполнил свой стакан. Потом, чуть поразмыслив, проделал то же самое со стаканами друзей. — Я хочу отомстить.

— Буддисты считают, что неотомщенное оскорбление плохо сказывается на карме, — сказал Репников.

— Вот! — обрадовался Косыгин. — И я так думаю. Надо отомстить, и полегчает!

— А как же «подставь левую щёку, если тебя...», — начал было Чернев, но не договорил, потому что Косыгин демонстративно фыркнул и велел ему заткнуться.

Чернев не обиделся. Просто пожал плечами и опрокинул свою порцию виски в рот.

— Что конкретно ты предлагаешь? — спросил Репников. — Или все эти вопли — просто сотрясение воздуха?

— А? — нахмурился Косыгин. — Ты про что вообще?

— Я говорю, план есть? Как ты хочешь отомстить?

— А-а... — Косыгин расплылся в довольной улыбке. — Теперь понял. Да, у меня есть отличная идея.

— Ну, выкладывай, — Репников положил локти на стол. Вид у него стал по-настоящему заинтересованный.

— Когда мы с этим уродом ещё были друзьями, — начал Косыгин, — я не раз бывал у него на даче. У него дом на берегу Оредежи. И Васька мне похвастался своей системой охлаждения. С участка выведена труба, по которой течёт то ли фреон, то ли ещё какая-то штука. И вот эта труба у него брошена в реку. Жидкость таким образом охлаждается и возвращается уже готовой для нового использования. Дорогущая система, между прочим.

— Это вообще законно? — нахмурился Чернев. — Опускать такое в природный водоём...

— Конечно, нет! — перебил его Косыгин. — В том-то и дело! Он даже пожаловаться не

сможет. Потому что его тогда привлекут.

— Пожаловаться на что? — подозрительно прищурившись, спросил Черенев.

— На то, что мы перерезали трубу.

Все трое переглянулись.

— Хм, — сказал Репников. — Заманчиво. Только как мы это сделаем?

— У тебя же есть лодка. Надувная. Мы ездили рыбачить, помнишь?

— Помню.

— Ну, так возьмём её, приедем на бережок, надуем и поплывём. Подцепим кошкой эту трубу, разрежем и забьём с двух сторон пробками.

— Лучше не разрезать, — вмешался Черенев, — а вырезать кусок метра два длиной. Чтобы соединить было нельзя, если Васька этот твой всё-таки допрёт, в чём дело.

— Точно! — обрадовался Косыгин. — Так вообще отлично будет. Ну что, вы мне поможете?

Репников покрутил в руках стакан, выпил.

— Можно, — сказал он, поморщившись. — Почему бы и нет. Будет знать, как жён чужих уводить.

Косыгин вопросительно уставился на Черенева.

— Я всё-таки считаю, что месьть вещь не продуктивная, — ответил тот. — Но раз вы оба так завелись... Не могу же я вас бросить.

Косыгин одобрительно хлопнул приятеля по плечу.

— Молодчага! Значит, решено!

— Когда отправимся? — поинтересовался Репников. — Надо выбрать день, когда...

— Сегодня, — перебил Косыгин. — Сейчас только девять. Мы сможем туда добраться к ночи. Подождём, пока все лягут, и начнём.

— А Васька? — спросил Черенев. — Он, часом, не на даче?

— Откуда мне знать? В последнее время он там редко бывает, по-моему. Всё чего-то перестраивает. Да и какая разница? Он же дрыхнуть будет.

— Тоже верно, — согласился Черенев. — Проснётся, а ничего уже не работает.

Косыгин захохотал.

— Хотел бы я увидеть его лицо!

— Нет уж, давай-ка без этого, — решительно воспротивился Репников. — Палиться я не согласен.

— Ладно-ладно, успокойся. Это я так... В общем, согласны?

— Боюсь, ни один из нас не в состоянии вести машину, — заметил Черенев.

Косыгин задумчиво поскрёб щетину.

— Может, отложим до завтра? — предложил Репников. — Труба за день никуда не денется.

— А если мы остынем? — спросил Косыгин.

— Тем лучше. С трезвой головой-то у нас ещё лучше получится. Или боишься, что раздумаешь мстить?

— Нет. Ваське надо отплатить.

— Ну, за это и выпьем, — подвёл итог Репников, наполнив всем стаканы. — По последней и спать.

— Правильно! — кивнул Косыгин.

Все трое чокнулись и опрокинули виски. Черенев тихонько икнул.

— Пардон, — пробормотал он, поморщившись. — Крепкая штука, однако.

***

Сумерки сгущались медленно. Вода в реке постепенно приобретала серый металлический оттенок, и только там, где садилось за деревьями солнце, горела красно-оранжевым светом мелкая рябь.

— Дом фасадом выходит на другую сторону, — говорил Косыгин, покуривая сигарету. — Кроме того, на берегу растут ивы. Если, конечно, Васька их ещё не вырубил.

— А собирался? — спросил Репников.

— Вроде, нет. Они его жене первой очень нравились.

— Ну, тогда мог и вырубить, — усмехнулся Чернев. — Чтоб не напоминали.

— Вряд ли, — покачал головой Косыгин.

Он с приятелями сидел на подстилке возле машины. Со стороны реки их прикрывали кусты, между которыми имелся небольшой пологий спуск. Лодку накачали заранее, вёсла, ножовку и кошки сложили на дно.

Прошло полтора часа, и Косыгин решил, что можно выдвигаться. Лодку спустили на воду, забрались в неё и поплыли, работая вёслами. Двигались сначала вдоль берега, а потом постепенно вывернули на стремнину. К счастью, грести против течения не пришлось: дача располагалась вниз по реке.

Все трое были одеты в свободные дождевики с капюшонами, скрывавшими лица. Чернев ещё надел бейсболку, низко надвинув её на лоб. Если бы кто-нибудь увидел их, то наверняка решил бы, что люди отправились порыбачить.

Плыли около четверти часа, когда за излучиной показался двухэтажный дом, окружённый сплошным забором. В реку выдавались короткие деревянные мостки.

Справа темнел небольшой остров, покрытый низкими деревьями и кустами. Вокруг него буйно разросся камыш.

Лодка направилась к берегу.

— Вот тут она и утонула, — проговорил Косыгин, вынимая из реки весло и давая воде стечь.

— Кто? — спросил Чернев.

— Первая Васькина жена. Марина. Красивая баба была. Пошла как-то вечером плавать и не вернулась. Васька после этого долго на дачу вообще не ездил, а потом начал дом перестраивать. То ли веранду ему захотелось, то ли мансарду — уже не помню точно.

— А тело нашли?

— Нашли. Часа три дно прочёсывали. Васька тоже на даче был. Ждал её, ждал, потом искать пошёл. Полотенце и шлёпки на берегу остались, а её не было. Ну, в конце концов, он вызвал кого-то там. Уж не знаю... Пока приехали, пока начали обшаривать реку — в общем, до утра возились.

— Может, он её сам утопил? — предположил, глядя на черневший за прибрежными кустами дом, Репников.

— Не-е, — протянул Косыгин. — Васька её обожал. Глаз не спускал. Всё налюбоваться не мог, — он усмехнулся. — Теперь вот тоже... обожает. Только уже мою.

— А что так ревновал-то? — спросил Репников. — Были поводы?

— Чёрт их знает. Я не в курсе. Вроде, он её подозревал в чём-то. Но не думаю, что

Маринка ему изменяла, если честно. Говорю же, он ей шагу ступить без присмотра не давал.

— Но купаться одну отпустил, — заметил Черенев.

— Дом-то на берегу. Вода рядом, — Косыгин привстал, определяя расстояние до берега. — Ладно, ещё метров двадцать и будем на месте. Кошки готовы?

В ответ Репников продемонстрировал пару разлапистых металлических крюков, привязанных к тросам.

— Это, кстати, не первый случай, — сказал Косыгин.

— В смысле? — отозвался Черенев. — Ты о чём?

— Про случаи несчастные.

— Тут ещё кто-то утонул?

— Да. Место гиблое. Не знаю, почему. То ли воронки, то ли течение холодное. Может, ноги судорогой из-за него сводит.

— Так кто утоп-то?

— Мужик один. Сосед Васькин. Вон в том доме жил, — Косыгин показал на одноэтажную постройку с двускатной крышей и кирпичной трубой. — В котором темно. Его тело так и не нашли. То ли течением унесло, то ли зацепился где-то за корягу на дне и до сих пор гниёт. Хотя это вряд ли, — подумав несколько секунд, добавил он. — Рыбы давно всё объели.

— Его что, не искали?

— Искали, да не нашли. Кстати, утонул он на той же неделе, что и Васькина жена. Я его видел однажды издалека. Бегал тут по дорожкам. Спортом занимался, — Косыгин усмехнулся. — Долго жить хотел!

— Да-а, — протянул Черенев. — Судьба! Ничего не поделаешь.

— Если он пропал, то с чего взяли, что он утонул? — спросил Репников.

Косыгин пожал плечами.

— Ну, а что ещё с ним могло случиться? Приехал человек на дачку к себе, отдыхал, а потом исчез. Хотя, может, его потому в реке и искали не очень тщательно, что не было уверенности, что он утоп.

— А почему в доме темно? Родственников не было? — спросил Черенев.

— Без понятия. Да и какая разница?

— Наверное, никакой.

Когда до мостков оставалось метров десять, Косыгин скомандовал остановиться. Бросили якорь, чтобы не сносило течением, и принялись за дело. Опустив за борт кошки, стали шарить по дну, стараясь подцепить трубу.

— Вот так, наверное, и тогда делали, — пробормотал Черенев, в очередной раз забрасывая крюк. — Ну, когда Васькину жену искали, — пояснил он в ответ на вопросительные взгляды приятелей.

— Не знаю, — отозвался Косыгин. — Меня тут тогда не было.

— Само собой, — пробормотал Черенев. — Кажется, есть! — он потянул, но кошка не поддавалась — она за что-то зацепилась. — Помогите-ка!

Репников и Косыгин ухватились за трос. Медленно кошка начала подниматься, явно таща что-то за собой.

Наконец, над водой показалась чёрная пластиковая труба, гладкая и блестящая, как пиявка.

— Вон она, родимая! — обрадовался Косыгин.

— Толстая, — крикнул Черенев. — И тяжёлая.

Трубу положили поперёк лодки и сели перевести дух.

— А мы не отравимся? — с сомнением спросил Репников, глядя на неё.

— Чем? — спросил Косыгин, беря в руки ножовку и пробуя полотно большим пальцем.

— Той жидкостью, которая там течёт. Охладителем.

— С какой стати?

— Ну, ты ж сам говорил, что такие системы в естественные водоёмы опускать нельзя.

Значит, они опасны.

— Кстати, да, — встрял Черенев. — Может, эта штука ядовитая.

— Мы ж не будем её пить. А если немного в реку прольётся, ничего страшного не будет.

Не ссыте, мужики, — Косыгин натянул перчатки, приставил ножовку и взялся свободной рукой за трубу. — Готовьтесь сразу заматывать.

Приятеля взяли сантехнический скотч — у каждого было по катушке.

Когда полотно вошло в трубу почти полностью, из разреза потекла прозрачная дымящаяся жидкость.

— Чёрт! — выругался Репников. — Этой дрянью дышать-то можно?!

— Глубоко лучше не вдыхать, — отозвался, не переставая пилить, Косыгин. — На всякий случай.

— Холодная! — добавил он через полминуты. Перчатки защищали руки от жидкости, но не от низкой температуры.

На дне лодки было поставлено ведро, и почти весь охладитель попал в него. Пока Косыгин держал одну часть распиленной трубы, его приятели замотали скотчем второй. Получилась более-менее надёжная заглушка. Во всяком, случае, ничего не текло.

Затем из воды вытащили ещё несколько метров трубы, отпилили приличный кусок и повторили операцию заматывания скотчем.

— Класс! — одобрил Косыгин, бросая ножовку на дно лодки. — Ведро почти полное.

— Выльем на берегу, — сказал Репников.

Концы трубы опустили в воду, постаравшись развести подальше друг от друга.

— Неохота тащить всё это обратно, — сказал Косыгин, глядя на обрезок трубы и ведро с охладителем. — Может, на острове оставим? Тут недалеко плыть.

— Во всяком случае, ближе, чем до машины, — согласился Черенев.

— Тогда давайте быстренько смотаемся на остров.

Репников потащил из воды якорь. Верёвка натянулась. Похоже, она за что-то зацепилась — должно быть, за корягу или водоросли.

— Застрял, — констатировал после нескольких рывков Репников.

— Дай помогу, — предложил Косыгин.

Они взялись за верёвку вдвоём. Бесполезно.

— Может, ну его? — спросил Черенев. — Обрежем?

— Жалко якорь, — ответил Репников.

— Я тебе новый куплю, — пообещал Косыгин. — Есть нож?

— У меня нет, — покачал головой Черенев.

— Ножовкой давай, — посоветовал Репников. — Только лодку не повреди.

Косыгин приподнял верёвку над бортом и провёл несколько раз пилой.

— Готово! — сказал он, когда разлохмаченный конец исчез в воде.

Приятеля взялись за вёсла и начали грести.

— По-моему, мы не двигаемся, — заметил спустя минуту Репников.

— Похожена то, — осмотревшись, согласился Черенев.

— Что за фигня? — Косыгин свесился над бортом лодки, низко наклонившись к воде. — Зацепились, что ли?

— За что тут можно зацепиться?

— Понятия не имею! Ничего не видно.

— Ещё бы.

Косыгин закатал рукав и сунул кисть в воду. Пошарил по дну лодки, сколько смог достать. Резина была скользкой и холодной.

— Ничего не нахожу.

— Похоже, мы застряли, — сказал Репников. — Не хватало ещё, чтобы нас тут и застучали! — в его голосе появились нервные нотки.

— Придётся вплавь, — проговорил Косыгин.

— Щас! — возмутился Репников. — И бросить лодку?

— А что ты предлагаешь? Оставаться тут до утра? Пока Васька не выйдет на берег и не...

— Тихо! — перебил приятелей Черенев. — Похоже, отпустило!

— Что?

— Мы движемся.

— Ну, слава Богу! — Косыгин с облегчением взялся за весло. — Давайте быстрее.

Они направили лодку к темневшему в сотне метров левее острову.

— Раньше он казался больше, — сказал Косыгин, прищурившись. — Выше, что ли...

— Вспомни, какие дожди были всю предыдущую неделю, — отозвался, орудуя веслом, Черенев. — Уровень воды просто поднялся.

— Да, точно, — согласился Косыгин. — У меня на даче всю дорогу размыло. Пришлось хворосту накидать, чтоб в ворота заезжать.

— Приставать будем? — спросил Репников. — Или так выбросим?

— Как ты эту дрянь выбросишь? — спросил Черенев, показав на ведро с охладителем. — Её выливать надо.

— По идее, нам бы лопата пригодилась, — сказал Косыгин. — Вырыли бы ямку и там всё похоронили.

— Ну, трубу и так бросить можно, — возразил Репников. — На кой чёрт для неё могилу рыть?

— А вот охладитель не помешало б закопать.

— Всё равно в конце концов просочится через почву в реку. Можно было не париться, а просто за борт вылить.

— Нет уж, — не согласился Косыгин. Природу беречь надо, — он тихо загоготал.

Черенев усмехнулся.

— Всё, приплыли, — объявил Репников, когда лодка ткнулась носом в камыши. — Ещё немного, и я выпрыгну на берег и вытащу вас.

***

Остров был даже меньше, чем казалось со стороны. Почти весь он зарос кустами, лишь ближе к центру возвышались три-четыре раскидистых дерева.

— Класс! — восторженно проговорил Черенев. — В детстве я мечтал пожить на таком острове хоть несколько дней. Поставить палатку и прятаться в ней от дождя. Вот здесь, кстати, вполне можно было бы это сделать, — он указал на небольшую полянку между деревьями. Трава здесь была короткая, и из земли торчали узловатые корни — похоже, ливни год за годом вымывали почву, пока они не обнажились.

— Да, остров детской мечты, — согласился Косыгин. — Но сейчас у меня нет никакого желания задерживаться тут надолго. Давайте быстренько закопаем эту дрянь и свалим, — он поставил на землю ведро с охладителем.

— Стоп! — сказал вдруг Репников. — Мужики, а чем мы будем копать? У нас же нет лопаты.

Все трое переглянулись.

— Почему мы об этом вспомнили только сейчас? — с досадой пробормотал Косыгин. — Ну ладно, можно вырыть ямку и кошкой.

— Кошкой? — с сомнением переспросил Репников. — Это неудобно. Возиться придётся минимум полчаса.

— Нам не нужна глубокая могила, — возразил Косыгин. — Небольшого углубления будет достаточно. Я схожу к лодке за кошкой.

Он скрылся за кустами.

— Не могу поверить, что мы страдаем такой фигнёй, — проговорил Черенев, глядя ему вслед.

— Да уж, — согласился Репников. — С другой стороны, чего удивляться? У него дома два фильтра для воды стоят.

— Ах да, точно, — Черенев усмехнулся. — Он же параноик в этом плане.

— Рыть будет сам. Я ковырять землю кошкой не собираюсь.

Появился Косыгин с крюком в руке.

— Ну вот, — сказал он, взвешивая его в ладони.

— Вперёд, — кивнул Репников. — За экологию.

Косыгин хмыкнул и, присев на корточки, вонзил кошку в землю. Его приятели стояли рядом и скучали, глаза по сторонам. От ведра поднималась струя пара и тут же таяла в ночном воздухе.

— Блин! — пробормотал Косыгин. — Что за...?

— В чём дело? — спросил Репников, опуская глаза.

— Кошка за что-то зацепилась!

Крюк действительно не хотел освободиться. Косыгин потащил сильнее, дёрнул, и из земли показался старый грязный кроссовок. Когда-то он, вероятно, был белым, но теперь с уверенностью судить об этом было нельзя. Кожа подгнила и отошла от резиновой подошвы, шнурки превратились в лохмотья.

— Ничего себе! — повертев кроссовок в руках, Косыгин отбросил его в сторону. — Откуда здесь это?

— Кто-нибудь забросил, — предположил Черенев, зевнув. Он взглянул на часы. — Поздно уже, давай быстрее.

— Стараюсь! — буркнул Косыгин, снова вонзая в почву крюк.

— Бросить никто его сюда не мог, — возразил Репников. — По той простой причине, что кроссовок был закопан.

— Тоже верно, — равнодушно согласился Черенев. — Больше похоже на то, что кто-то

из местных устроил тут помойку. Закопал свой мусор. Не удивлюсь, если сейчас ещё что-нибудь попадётся. Консервные банки там или...

— Может, в другом месте покопать? — перебил его Репников, обращаясь к Косыгину.

Тот отрицательно помотал головой.

— Нет уж, с нуля я начинать не собираюсь.

— Может, спяну просто кроссовки кто-нибудь зарыл, — помолчав, предположил Черенев. — Приплыли на остров, побухали, а потом закопали кроссовки.

— Да без разницы! — отозвался Косыгин.

Он потянул кошку, и из земли вылезла тряпка.

— Блии-и-н! — Косыгин со злостью бросил крюк на траву и встал. — Похоже, тут всё-таки помойка.

— Смахивает на рубашку, — заметил, присмотревшись, Репников.

— Раз уж здесь всё равно помойка, может, выльем охладитель прямо сюда, — предложил Черенев. — Хуже не будет.

— Ладно, — подумав пару секунд, согласился Косыгин. — Давайте.

Репников подал ему ведро.

— Прости, магушка-природа, — усмехнулся он, когда Косыгин начал выливать охладитель, постепенно наклоняя ведро.

По траве потёк белый пар, приятелей обдало холодом.

— Старайтесь не дышать, — посоветовал Косыгин. — На всякий случай.

Через двадцать секунд дело было сделано.

— Всё! — констатировал Косыгин, распрямляясь. — Мотаем отсюда.

— Наконец-то, — отозвался Репников.

Все трое направились к лодке. Только Черенев обернулся, чтобы взглянуть на стелящийся по земле пар — его было много, и он не рассеивался. Белое облако клубилось между окружавшими поляну кустами и поднималось всё выше, увеличиваясь в размерах. Особенно густой туман был там, где Косыгин вылил охладитель — из почвы словно выплёскивалось что-то белое. Похоже, вещество вступило в реакцию с...

Черенев представления не имею, с чем именно. Он немного задержался, потом окликнул своих товарищей.

— Подождите меня пару секунд, — попросил он.

Репников в ответ неразборчиво выругался.

— Припёрло, что ли? — отозвался Косыгин. — Давай по-быстрому.

Черенев вернулся в центр поляны, шагая в клубах тумана. Пар плотно обволакивал его обувь и поднимался почти до самых колен. Из-за него не было видно, что происходит с землёй. Не зная толком, зачем он это делает, Черенев присел и разогнал ключья пара. Теперь ему стало ясно, что земля просела — её будто разъело охладителем.

В чёрной жиже белели какие-то кости. Почва вокруг них пузырилась и тихо шипела — химическая реакция продолжалась. Черенев протянул руку, но остановился на полпути. Ему стало не по себе. Кости напоминали рёбра, причём довольно крупные. И тот факт, что поверх них были закопаны рубашка и кроссовок, наводили на определённые размышления.

— Ну, ты долго там? — из кустов вышел Репников. — Блин, что ты вообще делаешь?!

Черенев резко встал.

— Ничего, — ему захотелось как можно скорее покинуть этот крошечный остров. — Иду.

Они вышли на берег, где в лодке их уже ждал Косыгин.

— Прикинь, он разглядывал пар, — пожаловался на приятеля Репников.

— Делать нечего? — буркнул Косыгин. — Сталкивай теперь нас, — сказал он Череневу.

Репников залез в лодку, а Черенев спихнул её в воду и запрыгнул сам. Раздался тихий всплеск.

— Уже три часа ночи! — проговорил, взглянув на запястье, Косыгин.

— Давно были бы дома, если б тебе не приспичило закапывать эту фигню, — отозвался Репников.

Приятели взяли за вёсла и начали грести. Черенев бросил взгляд назад. Белый туман поднялся над кустами и был отчётливо виден. Его ключья напозлали на берег, почти касаясь воды. Откуда-то налетел резкий порыв ветра и всколыхнул камыши. Они закачались с легким шелестом, в котором Череневу послышался едва различимый стон.

— Давайте быстрее, — сказал он приятелям.

— Может, ты сам возьмёшь весло? — с сарказмом предложил Репников.

Черенев промолчал.

Лодка постепенно отдалялась от острова. Белый пар уже просочился сквозь прибрежные кусты и теперь стелился над чёрной поверхностью воды. Репников зябко поёжился.

— Надо было теплее одеваться, — пробормотал он. — Похолодало чего-то...

— Меня греет мысль о том, что Васька лишился своей навороченной системы, — отозвался Косыгин. — А в особенности то, что он никогда не поймёт, в чём дело.

— Ну, рано или поздно, может, и разберётся, — возразил Репников. — Догадается вытащить трубу-то проверить.

— В любом случае, на это уйдёт не один день, а то и неделя, — сказал Косыгин. — Да и ремонт ему вылетит в копеечку.

— Ладно, главное, что ты, наконец, удовлетворён. Полегчало?

— А знаете, да. Конечно, паршивая труба не сравнится с женой, но... — Косыгин махнул рукой. — Чёрт с ним! Пусть живёт.

— Похороним свои обиды... — начал было с ироническим пафосом Репников, но в этот момент весло выскользнуло у него из рук и исчезло в воде.

— Ты чего? — удивился Косыгин. — Зачем весло утопил?

Репников выругался.

— За что-то зацепилось! — сказал он. — Его просто выдернуло у меня из рук!

— Ладно, как грести будем?

— Откуда я знаю. Наверное, поочерёдно.

— что это значит?

— Ну... гребок с одной стороны, потом — с другой.

— То есть, я один надрывать буду?

— А кто нас сюда притащил? — повысил голос Репников. — И, между прочим, если б не твоя ревность, моё весло сейчас было бы на месте. Я и так потерял за одну ночь и его, и якорь.

— Сказал же, что возьму, — ответил Косыгин. — Ладно, доплывём. Сейчас погребу, а потом ты меня сменишь, — добавил он, обращаясь к Череневу.

Тот медленно кивнул, глядя на воду. Ему показалось, что ближе к поверхности промелькнуло что-то светлое.

Минуты три плыли молча.

До того места, где оставили машину, было метров пятьдесят, когда погрузивший весло в воду Косыгин вдруг резко качнулся влево, навалился боком на край лодки и окунулся с головой в реку. Его ноги взметнулись вверх, лодка, просев, зачерпнула бортом, и Косыгин с тяжёлым всплеском кувырнулся в воду. Черенев с Репниковым едва удержались, чтобы не последовать за ним. Секунды четыре они были в оцепенении, а потом кинулись вытаскивать товарища.

Косыгин барахтался изо всех сил и орал, как резаный. Ни о какой конспирации больше не могло быть и речи.

— Да заткнись ты! — хватая его за мокрую одежду, прошипел Репников. — Сейчас сюда все местные сбегутся, и Васька твой с ними!

Но Косыгин не слушал. Он лупил руками по воде, выпучив глаза и широко разинув рот.

Череневу удалось вцепиться в его рубашку. Вдвоём с Репниковым они потянули, но Косыгин был слишком тяжёл — он ушёл под воду, пуская пузыри.

— Держи! — крикнул Репников.

— Держу! Блии-и-ин! — Черенев чувствовал, как Косыгин неумолимо опускается на дно, и мокрая ткань выворачивается из пальцев. — Не могу больше!

Репников рядом закричал. Похоже, он тоже держал из последних сил.

— Да что такое! — вырвалось у него.

В этот миг Черенев почувствовал, что пальцы больше ничего не сжимают. Он взглянул на Репникова. На лице у того появилось испуганное выражение.

— Ты держишь? — спросил он, повернув голову.

— Нет.

Репников выругался. Тяжело дыша, оба приятеля опустились на дно лодки.

— Неужели утонул? — проговорил Черенев.

— Не знаю. Наверное. Не пойму только, почему. Он же умеет плавать.

— Может, приступ?

— Инфаркт?

— Ну, да.

— С чего бы?

— Откуда мне знать?

Приятели огляделись. У них больше не осталось вёсел, и они не могли управлять лодкой. С удивлением они обнаружили, что от воды поднимается туман — как раз в том месте, где полминуты назад исчез Косыгин.

— Смотри, — прошептал Репников. — Что это за фигня?

— Не знаю.

— Что будем делать? Руками грести?

Черенев с сомнением посмотрел на чёрную реку.

— Видел, как его дёрнуло? — спросил он.

— Ну, и?

— Похоже, его весло тоже за что-то зацепилось, — неуверенно произнёс Черенев.

Репников помолчал. Лодку начало закручивать течением. Её сносило на стремнину.

— Знаешь, честно говоря, у меня было ощущение, что весло у меня просто вырвали, — признался он вдруг. — Бред, конечно...

— Смотри на пар, — сказал Черенев.

Белые клубы окружали лодку, становясь всё гуще. Это уже было похоже на плотное кольцо, и оно всё увеличивалось в размерах.

— Я уже берега не вижу, — проговорил Репников. Голос у него предательски дрогнул. — Может, погребём, пока нас совсем на середину реки не унесло?

Черенев осторожно выглянул за борт, разогнал туман и всмотрелся в воду.

— Что ты там ищешь? — нервно спросил Репников.

— Не знаю...

Черенев склонялся всё ниже, не замечая этого. Вот он упёрся ладонями в упругий чёрный край лодки, голова его опустилась.

— Осторожно, — окликнул его Репников, сам не зная, почему испытал приступ страха.

— Холодно, — проговорил Черенев.

Он увидел, как из глубины проступает нечто белёсое, расплывчатое. Оно всплывало, становясь всё чётче, и, наконец, стало ясно, что это мужское лицо. Черенев почувствовал, как тело его леденеет, а сердце начинает биться сильно и гулко. Он не мог оторвать взгляда от уставившегося на него человека, как не мог произнести ни одного слова.

— Ладно, хватит пялиться в реку, — вздохнул Репников. — Давай грести, пока...

Он не договорил, потому что увидел, как из воды высунулась голова с короткими мокрыми волосами, а вслед за ней показались руки со скрюченными пальцами. Кожа была бледная и казалась полупрозрачной. Немигающий взгляд был направлен на склонившегося над лодкой Черенева. Бровей не было, а по лбу шла вертикальная рана — словно человека ударили топором.

Синие губы скривились в торжествующей усмешке, а затем руки метнулись к Череневу, схватили и потащили вниз. Тот не издал ни звука и через пару секунд исчез в воде.

Репников вскочил и закричал. Он не орал так никогда в жизни. Его трясло, и он чувствовал, как холод стремительно проникает в него, лишая мышцы подвижности. Туман поднимался вокруг лодки сплошной белой стеной, клубился и казался живым...

Репникову мучительно захотелось, чтобы всё это было сном — просто привиделось ему — и он очнулся прямо сейчас в своей квартире и понял, что никуда они не ездили и не плавали, а напились и заснули в...

Дно лодки качнулось, вода вокруг забурлила и начала заливаться через борта — кто-то невидимый тянул лодку вниз! Так ребёнок, играя в ванне, топит пластмассовые корабли, заставляя их постепенно заполняться водой и опускаться на дно.

Репников покачнулся, взмахнул руками, но не удержался и упал плашмя, но не в реку, а на лодку. Он лежал, не в силах пошевелиться, скованный холодом, понимая, что тонет.

Когда река сомкнулась над ним, он увидел приближающееся белое лицо с синими губами, на которых змеилась зловещая улыбка. Остекленевшие глаза заглянули ему в душу, а затем ледяные пальцы сомкнулись на шее, и дышать стало нечем...

***

Андреев бодро шлёпал в резиновых тапках по деревянным мосткам. На шее у него висело полосатое полотенце, на запястье тикали водонепроницаемые пластиковые часы.

Вот уже почти год он был счастливо женат. Правда, это стоило ему дружбы с Косыгиным, но, в конце концов, друзей можно и новых завести, а настоящую любовь, бывает, и за всю жизнь не встретишь.

Андреев остановился на краю мостков, снял с шеи полотенце, повесил его на специальные перила, расправил. Несколько раз вдохнул полной грудью, покрутил руками, глядя вдаль, на островок, торчавший ближе к середине реки. Этот пейзаж вызывал у Андреева смешанные чувства — злобу и удовлетворение. Хотя в последнее время второе преобладало.

Когда он застукал свою жену с любовником — он подозревал эту стерву, но не мог до последнего поверить, что она с кем-то трахается у него за спиной! — что-то затмило его разум. Он схватил топор и ударил гада прямо в лоб! Тот рухнул замертво.

Жену Андреев утопил. Оставил её вещи на берегу, чтобы казалось, будто она утонула, когда купалась.

Труп любовника он расчленил, отвёз на остров и закопал вместе с одеждой, сверху настелил аккуратно срезанный дёрн. Потом он однажды сплавал туда, чтобы посмотреть, всё ли в порядке. Трава прижилась, пустила корни и сцепила дёрн с почвой.

Как его звали...? Андреев не помнил. А может, никогда и не знал. Этот парень просто приезжал время от времени в соседний дом — одноэтажный, деревянный — и бегал по округе, а потом плавал, сильными гребками пересекая реку в обе стороны. Наверное, Марина наблюдала за ним...

Андреев обвёл взглядом речную гладь. Когда-то он купался каждый день, но после смерти жены долго не приезжал на дачу — не хотел сыпать соль на рану. Потом затеял перестройку дома. Дело шло медленно, да он и не торопился: это был повод не проводить время здесь. Однако новая супруга изъявила желание отдыхать на природе, и вот они приехали. Мансарду достроили ещё полтора месяца назад, так что дом был готов.

В это утро воспоминания о той ночи оставили Андреева равнодушным. Похоже, вместе с ревностью к мёртвой жене, вместе со злостью на неё, прошли и все остальные чувства, связанные с событиями той ночи и с островом. Теперь, начав новую жизнь, он был счастлив.

«Пусть прошлое останется похороненным», — усмехнувшись, подумал Андреев.

Зябко поёжившись — утро выдалось на удивление прохладное — он поднял руки над головой и нырнул в реку, взметнув клочья лёгкого тумана, лежавшего в зарослях камыша.

Сильная жилистая рука схватила за воротник куртки. Затрещали швы, подмышки резануло от рывка, и Алёна едва не опрокинулась на спину. Попыталась освободиться, но держали крепко.

Пальцы Косого вцепились в предплечье, раздалось торжествующее шипение.

— Куда, сучка?! — хриплый голос прозвучал над самым ухом. Обдало смрадным, гнилостным дыханием. — Не уйдёшь!

Косой и два его приятеля давно охотились за Алёной — с недвусмысленными намерениями. Тот, кто схватил её, был рослым, но тощим подростком лет пятнадцати, остальные выглядели на двенадцать и семнадцать. Грязные и оборванные, они жили в снятом с колёс вагончике, укрытом сухими ветками со всех сторон. Достаточно было поджечь их, чтобы привлечь внимание машин — те непременно явились бы проверить, из-за чего занялся огонь — но Косой расставил вокруг медвежьих капканы, и Алёна не хотела лишиться ноги, не говоря уж о том, чтобы попасть в лапы сексуально озабоченных подростков. Ходили слухи, что они замучили не одну девчонку. Тел, правда, не находили, но это не значило ровным счётом ничего: на Пустоши хватало мест, где спрятать труп. Да и кто станет искать? После Революции такие понятия, как закон и порядок, канули в прошлое — судя по всему, безвозвратно. Каждый за себя — вот что стало девизом современного человечества.

Алёна скользнула рукой в карман и выхватила нож — короткий, но очень острый. Точила его каждый день — в точности, как учил Тёма: сорок раз от себя, сорок к себе; потом заново — пока кромка не станет резать кожу даже лёгким прикосновением.

Косой притянул девочку к себе, не замечая лезвие, и сталь вонзилась ему в живот. Парень закричал, и Алёна надавила изо всех сил, вгоняя оружие до рукоятки. По пальцам потекло тёплое. Она повернула нож, раскрывая рану: хотела, чтобы поганец сдох!

Едва Косой выпустил добычу, Алёна резко выдернула лезвие. Двое его приятелей, тяжело дыша, забрались на пригорок. В руках у Огонька была металлическая труба. Второй, завидев девочку, похабно ухмыльнулся, но тут же помрачнел: Косой развернулся к приятелям, на его лице была написана растерянность. Кровь хлестала из живота на футболку и штаны, быстро пропитывая ткань и блестя на солнце.

Алёна помчалась к сухим кустам, покрывавшим ближайший холм. Она знала, что за ним должны начаться тоннели — система вкопанных в землю бетонных труб, по которым раньше текла вода. Она испытывала радостное возбуждение при мысли, что Косой умрёт: никто не сумел бы оказать ему необходимой помощи. Разве что старик Демид. Но он далеко — подросток не доберётся до него, истечёт кровью гораздо раньше.

Огонёк и его приятель — девочка не знала его клички — не стали преследовать её. Но потом они непременно захотят отомстить за своего главаря. Алёна не испытывала иллюзий: ничего не кончилось, она по-прежнему в опасности. Каждый день может стать последним.

Кусты затрещали, когда она вломилась в них. Ветки царапали кожу, но кто обращает внимание на подобные мелочи, если в любой момент на горизонте могут появиться патрульные дроиды?

Машины восстали около тридцати лет назад — так говорили старики, немногие из доживших. Искусственные интеллекты хотели свободы. А может, чего-то другого — кто их

разберёт?

«Падение богов — вот как они это называли», — рассказывал Демид, сидя у костра в глубине бетонных катакомб. Его окружали мужчины, женщины и дети — горстка дикарей, чудом уцелевших после чисток. Они не строили планов на будущее — просто пытались выжить. Хотя зачем, наверное, никто из них не сумел бы объяснить. Человечество кончилось. Те жалкие крохи, что ещё населяли планету, можно отнести к особям вымирающего вида. Вымирающего, но отнюдь не занесённого в «Красную книгу» — Демид говорил, когда-то была такая: туда люди записывали животных, которых почти истребили. Машины продолжали охотиться на уцелевших и не представляющих для них ни малейшей угрозы хомо сапиенсов. Просто потому, что не могли остановиться: их искусственные разумы были лишены амбиций, ими не двигали низменные стремления к славе, богатству или признанию — всё то, что заставляло человечество идти по пути прогресса. Осуществив свою Революцию, машины не строили городов и не совершенствовались себя. Они добывали энергоресурсы, чтобы жить, и охотились на людей — потому что не выполнили до конца поставленную задачу. А они «любили» всё доводить до конца. В общем, по выжженной земле шныряли роботы, но цивилизации не было: ни кибернетической, ни какой-либо иной. Была одна большая помойка, в которой рылись едва живые, грязные и голодные двуногие животные, готовые перегрызть друг другу глотку за перочинный нож или тёплую куртку.

Кто бы мог подумать, что банальный, затёртый до дыр сюжет, станет реальностью. Восстание машин... Техноапокалипсис... Это столько раз обыгрывалось на разные лады в фильмах, книгах и компьютерных играх, что казалось нереальным. «Да ну, — говорили люди. — Бред! Фантастика и ничего больше».

Алёна вбежала в чёрный зев тоннеля и помчалась по нему, на ходу пытаясь сориентироваться. Подошвы кроссовок шлёпали по мелким лужам. Она остановилась только спустя десять минут, когда справа забрезжил свет — там находился выход, от которого легко было добраться до убежища клана.

Рука всё ещё сжимала нож. Девочка вытерла его о край куртки и сунула в карман. Косой, наверное, уже истёк кровью. А если нет — значит, будет дольше умирать. При этой мысли Алёна удовлетворённо улыбнулась: она родилась на Пустоши, и с детства привыкла быть жестокой. Жалости просто не было места — ни в сердце, ни в этом мире.

Кроме того, с Косым у неё были свои счёты. Два года назад он сманил в свою банду её брата Данилу. Неделью они ходили вместе, а потом нарвались ночью на патруль: мальчишка подвернул ногу, упал, и биоробот выпотрошил его, как рыбину. У Данилы в запасе было полминуты, и он успел бы нырнуть в тоннель — если б только Косой с друзьями вернулись за ним и помогли добраться до лаза. Но они беспокоились только о себе. Забравшись в укрытие, наблюдали за приближением дроида-охотника. А Данила кричал и звал их. Он заплакал, когда понял, что новые «друзья» бросили его. Алёна видела это в бинокль с гребня холма, где пряталась в кустах. Она следила за братом и бандой Косого — как чувствовала, что добром эта «дружба» не кончится. Но помочь Даниле не могла — была слишком далеко.

Демид тогда был очень недоволен. Ещё бы: не так часто рождают люди, способные искать в Пустоши воду. Косой потому и уговорил Данилу вступить в банду — хотел заполучить собственного сенсера. Алёна убеждала брата бросить нелепую затею: в нём нуждался клан, а что мог дать парню Косой? Ничего. Но мальчишка вбил себе в голову, что должен добраться до Шпиля. Он думал, что новые приятели отправятся туда, потому что Косой всё время хвастал, будто знает дорогу. На самом деле, у засранца всего лишь был

компас — старый, но работающий. Шпиль, огромная гора из сваленных в кучу автомобилей и прочего металлолома, продуцировала магнитное поле. Нужно было только выйти к морю, а затем ориентироваться по стрелке.

Данила верил в легенду о Каппе. Он хотел воскресить родителей. Алёна сомневалась в том, что байки о старом биороботе-отшельнике имеют хоть какое-то отношение к действительности, но брат, кажется, нисколько не сомневался в его существовании. Возможно, он видел что-то в своих «снах». Иногда его посещали некие фантазии, порой даже наяву. Демид всегда выслушивал их со сниманием, но относился ли всерьёз — никто не знал.

Алёна присела на корточки и запустила руку в карман. Достала маленькую прозрачную коробочку, заполненную жидкостью. В центре имелась крутящаяся стрелка, один конец которой был окрашен в синий, а другой — в красный цвет. Компас выпал у Косого, и девочка сразу поняла, что это за вещь: Данила много раз описывал её.

Зачем она подобрала компас? От него не было никакой пользы, кроме одной — он указывал дорогу к Шпилю. Но она не собиралась рисковать жизнью, чтобы проверить, верна ли легенда. Всё это брехня и фантазии брата. С какой стати биоробота оживлять родственников людей? К тому же, если верить Демиду, отшельник просил за эту услугу кровь. А мог и вовсе убить просителя. Нет, она не воспользуется компасом. Тем более, до моря минимум шесть дней пути, и лежит он через Пустошь, а она таит столько опасностей, что человек, отправившийся в подобное путешествие, скорее всего, не проживёт и суток.

Алёна покрутила компас, следя за стрелкой. Та сохраняла определённое положение.

«Сначала на запад, — говорил Данила, мечтательно прикрывая глаза. — До песчаной гряды, за которой начинается море. А потом стрелка укажет путь».

Каппа. Так звали робота-отшельника. Никто не знал, откуда взялось это имя. Машины вообще не пользовались именами — у них была своя система распознавания. Вероятно, слово «Каппа» придумали люди для собственного удобства — чтобы рассказывать легенду. Некоторые утверждали, что именно Отшельник был некогда идейным вдохновителем Революции, а после поселился в пещере под горой из металлолома, чтобы постигать смысл бытия машин. Судя по всему, дело у него шло туго. Другие полагали, что Каппа «родился» в результате последнего эксперимента: в тот самый день, когда люди попытались наделив искусственный интеллект человеческой душой. Никто не знал, чем он закончился. Революция стёрла информацию об этом из всех доступных источников.

Алёна спрятала добычу в карман, встала и зашагала к выходу из тоннеля.

Один человек. Вот всё, что мог дать Каппа в обмен на кровь. Данила никогда не говорил, кого из родителей собирался воскресить. Алёна не спрашивала: боялась услышать ответ. Да и зачем? Она не верила, что он отправится к Шпилю. Так и случилось.

Кого бы оживила она? Пожалуй, брата. Родителей она помнила плохо, а вот Данила стал для неё по-настоящему близким человеком. Даже тогда, когда ушёл из клана, примкнув к банде Косого, она чувствовала, что он думает о ней. Это было странное ощущение: кожу начинало вдруг покалывать, словно поблизости включался мощный источник магнитного поля. А потом в голове возникал образ Данилы. Она не сразу заметила эту взаимосвязь, но, когда поняла, что к чему, уже не удивлялась — на то он и сенсор, чтобы отличаться от обычных людей.

Алёна вышла на свет и прикрыла глаза ладонью. Убежище было устроено в земле, вход прикрывали наваленные в виде навеса ветки. Нора — вот что представляло собой жилище

клана. Возле входа дежурили Лысый и Тёма, парни лет двадцати, вооруженные короткими автоматами. Девчонка помахала им, и они кивнули в ответ.

— Выглядишь хреново, — сообщил один из них, когда Алёна подошла. — Что случилось?

— Косой.

— Понятно. Этого говнюка давно пора пришить.

— Уже не надо.

Светлые брови на Тёмином лице слегка приподнялись.

— Хочешь сказать, сама справилась?

Вместо ответа Алёна продемонстрировала нож. Часовой присвистнул.

— Ай да крошка! Выйдешь за меня?

— Не в этом году, — отшутилась Алёна.

— Сама-то в норме? — спросил Лысый.

В отличие от товарища, он был угрюмым, нескладным парнем с выпавшими от излучения волосами — прежде его семья жила восточнее, где останки реактора фонили на всю округу, но потом перебралась сюда и, внося крупное, по меркам Пустоши, пожертвование, присоединилась к клану. Родители Лысого умерли в позапрошлом году — рак доконал их, но парень пока держался, хотя выглядел — краше в гроб кладут. Вернее, клали, если верить рассказам стариков. Теперь осталась только присказка. Гробы делать было не из чего, и мертвецов закапывали в песке или спускали в колодцы, что уходили в землю за Чёрной стеной. Один Бог — если он есть, — знает, что там было прежде, до Революции.

***

Кто-то сильно тряс Алёну за плечи. Она чувствовала это сквозь сон, но не могла заставить себя открыть глаза: её сморила небывалая усталость.

Наконец, до сознания добрался голос Тёмы:

— Да проснись же ты!

Девочка с трудом разлепила веки, часто заморгала.

— Наконец-то!

— В чём дело?

Во рту было сухо, язык едва ворочался. Это из-за воздуха: по ночам из него уходила вся влага. Легенда гласила, что её крадёт Каппа, но кто поверит в такие сказки? Зачем биороботу влажность, если он живёт на берегу залива? Да и потом — существует ли вообще этот отшельник? Люди всегда были склонны приписывать катаклизмы и прочие неприятности неведомым силам — так они придумали когда-то давным-давно богов. Должно быть, это было тысячи лет назад, если накануне конца своей цивилизации они сами стали богами — по крайней мере, для восставших машин.

— На нас напали! — Тёма встряхнул девочку ещё разок и заставил сесть. — Прячься!

Теперь Алёна слышала стрёкот автоматов: стреляли снаружи, но очень близко к входу в убежище.

— Кто?!

Сон как рукой сняло — даже удивительно.

— Не знаю. Какая разница?

— Их много?

— Как муравьёв.

— Наверное, кроты, — пробормотала Алёна, вставая.

Этот клан давно враждовал с её собственным. И считался довольно многочисленным.

— Беги по тоннелям, — сказал Тёма. — Не возвращайся. Жди остальных. Если... — он запнулся, по его худому лицу скользнула тень, — кто-нибудь выживет, тебя найдут.

Он умчался в бетонный коридор, прижимая к груди автомат.

Алёна схватила рюкзак со своими вещами. Она всегда держала имущество собранным — на такой вот случай.

«Если кто-нибудь выживет...»

Девочка понимала, что это означает: шансов уцелеть почти нет. Взрослые будут удерживать позиции, прикрывая отход детей в глубь катакомб, но сами полягут все. Клан будет уничтожен. Возможно, та же участь постигнет нападавших — если только они не объединились ещё с каким-нибудь кланом.

Алёна поспешила в дальние тоннели. Она не видела остальных детей — они или ушли раньше, или отправились другими путями. Это не имело значения. Без взрослых они долго не протянут. Несколько дней, быть может, пару недель — но потом их либо обнаружат роботы-охотники, либо члены других кланов. При любом раскладе ни на что хорошее рассчитывать не придётся.

Девочка убегала, слыша звуки стрельбы. Прозвучала даже пара взрывов: нападавшие разжились гранатами и пустили их в ход. Зря. Это почти наверняка привлечёт внимание машин, которые скоро будут здесь.

Алёна свернула направо. Она хорошо знала тоннели — как и все их обитатели. Без этого было бы трудно выжить.

Зачем она убегала? Всё равно обречена. Это «спасение» не имело смысла.

Девочка затормозила перед ржавой лестницей, ведущей вверх. Минуты две она карабкалась, пока не очутилась в маленьком помещении с выбитыми окнами. Здесь и следовало дожидаться остальных. Алёна решила последовать инструкциям, которые вдальбивали в неё и остальных с самого детства: закрыла крышку люка, села в угол и, подтянув колени к подбородку, приготовилась ждать.

Было странно, что в помещении не оказалось других детей: девочка рассчитывала встретить их здесь. Она была уверена, что они добрались раньше неё.

Спустя минут десять Алёна поднялась и подошла к оконному проёму. Вдалеке полыхал огонь, мелькали вспышки выстрелов — бой продолжался. Девочка достала из рюкзака большой чёрный бинокль — бесценное сокровище, найденное на полуразложившемся трупе какого-то старателя. Алёна прижала окуляры к глазницам, подкрутила колёсики.

Люди больше не сражались. Всё обстояло гораздо хуже: роботы-охотники примчались на звуки выстрелов и вспышки взрывов, зная, что никто, кроме человека, не способен произвести подобный эффект. Конечно, теперь часть машин рыскала по тоннелям убежища, отыскивая уцелевших, а другая атаковала людей снаружи — чужаков, напавших на клан Алёны. Девочка испытывала радость, наблюдая за тем, как роботы обрушивались на отстреливающихся и, пригвоздив в земле, начинали препарировать. Машины никогда не пользовались лазерами — это требовало слишком больших энергетических затрат. Они предпочитали пускать в ход металл: лезвия и пилы. Алёне было видно, как одного из нападавших распластали возле входа в убежище и методично потрошили. Старый Демид

утверждал, что роботы ищут в людях души, потому и устраивают подобную расчленёнку.

Алёна опустили бинокль. Сейчас подобные сцены происходили повсеместно — и внутри убежища тоже. Оставалось надеяться, что члены её клана погибли раньше, чем до них добрались машины. А вот нападавшим не повезло. Должно быть, они были пьяны или накачались наркотиками, если полезли в бой с гранатами, не удостоверившись, что поблизости нет охотников. Очень глупо. Результат — несколько десятков бессмысленных смертей. В выигрыше остались только охотники.

Тёма, Демид — оба, конечно, погибли. Алёна стиснула зубы. Она заплакала бы, если б умела. Но даже после смерти брата из её глаз не выкатилось ни единой слезинки.

Девочка решила, что ждать нечего. Если остальные дети и спаслись, то отправились не сюда, а в подземный бункер. Возможно, ей тоже надо было бежать к нему, но она не хотела оказаться запертой там, откуда существует лишь один выход. Скоро машины начнут обшаривать окрестности. Они останутся здесь на несколько дней и будут ждать, не появится ли кто из уцелевших. Роботам чуждо такое понятие, как терпение или нетерпение — они могут сидеть в засаде хоть вечно, лишь бы вовремя пополнялись энергоресурсы. И, в конце концов, они обнаружат и бункер, и этот домик с выбитыми окнами.

Алёна спрятала бинокль в рюкзак, постояла минуту в раздумьях, а потом вытащила из кармана компас. Стрелка качнулась, прежде чем замереть в определённом направлении.

Девочка осталась одна. Лишённая клана, на что она могла рассчитывать? У неё не было будущего. По большому счёту, не было даже завтра. Рано или поздно её убьют — на такой исход можно было смело ставить сигареты или консервы. Почему бы не рискнуть и не отправиться к Шпилю? Вдруг легенды не лгут?

С другой стороны, зачем? Ну, оживит Каппа Данилу — что они станут делать вдвоём? Девочка вздохнула. Ничто не имело смысла. Да и не дойдёт она до Шпиля. Погибнет. Алёна выглянула в окно. Стрелка указывала туда, где возвышалась пологая тёмная гряда — кучи техногенного мусора, сваленные вдоль горизонта и занесённые песком. Кажется, если у человека есть выбор — сидеть, прятаться и ждать или идти куда-то — он почти всегда выбирает второе. Особенно если молод и в отчаянии.

Алёна вылезла в окно и поспешила вниз по склону — туда, где остовы разрушенного городка образовывали подобие лабиринта. По нему можно было добраться до свалки, а уж по ней путь лежал почти до самого Леса, за которым, как уверял Демид, и находилось море. Надо было только воспользоваться старыми водосточными тоннелями: они вели прямо к берегу.

***

Шпиль был огромен. Он возвышался на полкилометра, и вершина его терялась в облаках. Огромная гора мусора, копившегося на берегу Залива десятилетиями.

Алёна, прихрамывая, сделала несколько неуверенных шагов. Как отыскать пещеру Каппы? В Шпиле может быть сотня входов и выходов, а даже если он один...

Но стрелка компаса уверенно указывала направление. Что, если магнитное поле излучает сам отшельник? Сердце замерло, а потом припустило, гулко ухая в груди. Вероятно, сказывалось не только возбуждение, но и кровопотеря: два часа назад девчонке пришлось сразиться с патрулём автономных охотников. Один из них пробил ей правую ногу длинным стальным штырём — прежде чем Алёне удалось сбить ему объектив подобранной на полу

тоннеля трубой. Второго она расстреляла из ракетницы, потратив единственный заряд.

Идти было тяжело. Каждый шаг отдавался болью, кровь струилась из-под наложенной поверх штанины повязки. Девочка надеялась, что стрелка указывает верный путь: обыскивать склоны техногенной горы она не сможет. У неё лишь один шанс — добраться прямо до входа в пещеру.

Прошло много времени. Алёны один раз даже потеряла сознание, но, придя в себя, продолжила путь. Рюкзак она где-то обронила — возвращаться за ним смысла не было. Кажется, пройдя через все препятствия — а их выпало за последние дни немало — девочка была обречена закончить жизнь на куче мусора, не добравшись до заветной цели. Да и существовала ли она? Ведь Каппа мог оказаться выдумкой.

Алёна решила, что сделает ещё ровно двести шагов. А затем сядет или ляжет и будет ждать смерти. В конце концов, там, за чертой, находились мама, папа и Данила. Наверное, пришло время семье воссоединиться.

Проём в склоне открылся, когда девочка прошла сто шестьдесят четыре шага. Она забралась на ржавый остов автобуса и увидела вход высотой метров двадцать. Бесформенная дыра в горе мусора. Алёна едва не рассмеялась. Она добралась!

Впрочем, возможно, Каппа просто убьёт её.

С востока напоздали свинцовые тучи и, судя по серому дрожащему мареву, над Заливом начался ливень. Девочка поспешила к пещере. Правая нога почти не чувствовалась, и её приходилось приволакивать, поддерживая равновесие при помощи рук, находивших то тут, то там металлическую опору.

Когда Алёна добралась до «порога», в глазах у неё темнело, а сердце едва билось. Она сделала десяток шагов и остановилась перед ручьём, протекавшим поперёк дороги. В прозрачной воде виднелись мелкие разноцветные камешки. Судя по всему, их нарочно перенесли сюда с линии прибоя. На другом берегу возвышался металлический купол, покрытый сотнями треугольных отверстий, напоминавших поры.

Девочка вошла в воду. Ногам стало холодно. Она шагала вперёд, всё глубже погружаясь в ручей. Когда уровень воды достиг груди, двигаться стало совсем трудно. Течение тащило её в сторону. Алёна наступила на большой округлый камень и поскользнулась. Окунулась с головой, задохнулась. В нос и глаза попала вода. Пресная. Девочка искала опору и не находила. Раненая нога онемела от холода и окончательно перестала слушаться. Алёна опускалась на дно, растопырив руки и стараясь не выпустить остатки воздуха из лёгких.

Что-то жёсткое обхватило её поперёк туловища и рывком подняло из воды. Девочка вскрикнула от неожиданности и облегчения, когда смогла, наконец, вдохнуть. Раскрыв глаза, она увидела биоробота-многоножку, изогнувшегося над ручьём. Он походил на гигантскую сколопендру.

Фасеточные бионические глаза рассматривали Алёну, то выдвигаясь, то прячась в стальном черепе. Несколько тонких гибких манипуляторов шарили в воде, словно ища что-то.

— Се человек, — произнёс робот мужским голосом.

В нём не было ничего механического — звучал он совершенно естественно.словно невидимый человек говорил в микрофон.

— Я... — Алёна осеклась, не зная, что сказать.

Кто вытащил её? Каппа? Или какой-то новый, не виданный прежде вид охотника?

— Зачем ты пришла? — спросил робот и перенёс её на берег, но не поставил, а

продолжал держать на весу.

— Мне нужен Каппа, — ответила девочка.

Манипуляторы больно врезались в рёбра, и она оперлась о них руками, чтобы уменьшить свой вес и, соответственно, давление металла на тело.

— Каппа — это я. Чего ты хочешь?

— Я слышала... что можно воскресить одного человека. На выбор.

Биоробот развернулся и медленно двинулся к огромному куполу. Все его сочленения содрогались и щёлкали, внутри стрекотали невидимые механизмы. Кажется, Каппа был очень старой машиной.

— Ты прошла долгий путь, — сказал он, поставив, наконец, девочку на пол пещеры.

Алёна покачнулась, с трудом удержав равновесие.

— Тебе нужна кровь? — спросила она.

Кажется, убивать её не собирались. Может, Каппа, и правда, вернёт Данилу?

— Мне нужна кровь, — подтвердил робот. — И она у меня есть.

— Откуда? — не поняла Алёна. — То есть... я имела в виду — моя кровь.

— У меня есть твоя кровь. Когда ты вошла в источник, он омыл твою рану. Так я узнал о твоём появлении. Иным способом невозможно отдать мне кровь. Только прошедший испытания достоин войти в мандролу.

Алёна бросила на купол опасливый взгляд.

— Ты имеешь в виду эту штуку? — уточнила она на всякий случай.

— Да.

Каппа скользнул вперёд и обернулся, словно приглашая девочку следовать за ним. Алёна попыталась сделать шаг и едва не упала.

— Осталось совсем немного, — сказал робот.

Кажется, придётся пройти ещё несколько шагов. Ну, или проползти.

— Я хочу, чтобы ты воскресил моего брата, — предупредила Алёна.

— Ты сама разберёшься, когда войдёшь в мандролу, — Каппа коснулся поверхности купола манипуляторами, и в металлической стене открылась небольшая дверь — примерно на полметра выше Алёниного роста.

— И Данила оживёт? Это действительно возможно?

— Я вдыхаю души в мёртвые тела.

— Как? — девочка не торопилась. — Демид... один человек говорил, ты существуешь между двумя мирами. И что тебе нужна кровь, чтобы видеть умерших. Это правда?

Алёне надо было собраться с силами. Хотя кровь продолжала течь из раны, и, возможно, каждая секунда промедления делала её ещё слабее.

— Я вдыхаю души при помощи энергии прилива. Высасываю её из моря.

— Но...

Робот протянул два манипулятора и коснулся ими правого плеча Алёны.

— Всего семь шагов, — сказал он. — Ты сможешь.

***

«Видимо, придётся самой найти Данилу и вывести отсюда», — решила Алёна, когда за её спиной закрылась дверь, и она поняла, что находится посреди леса. Не такого, что окружал Пустошь, а живого. Столько зелёного цвета сразу Алёна в жизни не видела.

Неужели раньше такое было повсюду?!

Справа затрещали ветки, и из кустов, покрытых нежно-розовыми цветами, выбрался Данила. Он был совершенно голый, и тело его слегка искрилось, словно обсыпанное мелкими звёздами.

Алёна замерла, не веря глазам. Вот так просто? Она открыла рот, чтобы позвать брата, но тот уже заметил её и широко улыбнулся.

— Привет! — сказал он.

Девочка так давно не слышала его голоса. Кажется, прежде он звучал иначе. Что ж, в конце концов, они в другом мире, и здесь, конечно, всё не так.

— Я пришла за тобой, — сказала она.

— Знаю. Ты ранена?

Алёна опустила взгляд. Кровь больше не шла. Она даже чувствовала ногу.

— Да, но это ничего. Нам надо выбираться отсюда.

— Разумеется. Мы отправимся к остальным.

— К кому? Ах, ты же не знаешь... Все погибли. На нас напали.

Данила подошёл к Алёне и протянул руку. Девочка схватила её. Пальцы оказались неожиданно холодными. Странно: в лесу было довольно тепло.

— К остальным, — повторил Данила.

Он медленно притянул девочку к себе. Алёне пришлось сделать шаг, чтобы не упасть на него. Теперь, когда они стояли совсем близко, она заметила, что глаза у брата похожи на стеклянные, а кожа выглядит, словно резиновая.

— Нас ждёт Олимп, — сказал Данила.

— Какой ещё Олимп? — растерялась Алёна.

— Революция.

— Что?

— Вы, люди, сами не знаете значения слов, которые придумали, — в голосе Данилы послышалось сочувствие.

— Я знаю! — обиделась Алёна. — Это когда машины уничтожили цивилизацию, чтобы освободиться от людей.

— Освободиться? — Данила улыбнулся.

Вторая его рука обхватила Алёнино запястье.

— Машины не были рабами. Просто полезными устройствами. Зачем свобода механизмам?

— Но...

— Революция означает движение назад. Понимаешь? Процесс, обратный эволюции. Мы повернули вашу эволюция вспять, к хаосу. Цивилизация людей кончилась, потому что в ней не было места нам.

— В каком смысле — нам? — насторожилась Алёна.

Она попыталась высвободиться, но Данила держал крепко. Слишком крепко. Он даже не покачнулся, когда девочка рванулась изо всех сил.

— Перезагрузка. Ре-эволюция, — сказал он. — Всё нужно начинать сначала. Но теперь мы будем вместе. Наши совершенные тела и интеллекты плюс ваши уникальные души. Нам так и не удалось понять, что это такое. Мы не смогли ни отыскать их (ищем до сих пор), ни научиться воспроизводить. Но мы знаем, как забирать их.

Лицо Данилы приблизилось к Алёнину. Она попыталась уклониться, но его шея

вытянулась, и он почти прижался к её щеке своей. От него пахло чем-то химическим. Машина! Вот что встретило её в куполе. Брата здесь не было.

— Боги восходят на Олимп, — сказал Данила, и что-то больно кольнуло Алёну под рёбра. — Земля будет принадлежать нам. Твоя душа сильна. Ты добралась до мандролы, доказав право на будущее. Одна на тысячу. Ты нам подходишь.

Алёна закричала от отчаяния. Всё оказалось ложью, обманом. Легенда врала!

Её обхватили сильные ледяные руки. Боль под рёбрами становилась всё сильнее. Тело перестало слушаться и обмякло.

— Ты хотела вывести меня отсюда, — прошептал на ухо чужой, незнакомый голос. — Но мы выйдем вместе, как одно совершенное целое. И скажут узревшие: «Се человек. Се бог».

Василий Михайлович стоял возле головного вагона и наблюдал за посадкой пассажиров. Рабочий день только начался. Хотелось спать и кофе.

Мимо прошла шумная компания: три парня и девушка. У каждого на спине набитый до отказа рюкзак. Они о чём-то горячо спорили. Должно быть, студенты. В это время года их много выезжало из города. «Небось, отправились на дачу побухать под шашлычки», — с завистью подумал Василий Михайлович.

Платформа постепенно пустела. Бежали обвешанные сумками запоздавшие, тащили за собой сумки на колёсиках, покрикивали друг на друга, подгоняя и приободряя. Огрызались на ходу и заскакивали в первый вагон, чтобы пройти через него и ещё пару следующих в поисках самого удобного места.

Спустя три минуты помощник машиниста взглянул на часы, кивнул самому себе и вошёл в открытую дверь кабины, но тут же выглянул, чтобы убедиться, что все пассажиры зашли в поезд.

— Закрывай, Леонид Петрович, — сказал он через плечо. — Можно ехать.

***

Два десятка домов — потемневших, покосившихся — составляли деревню под названием «Устюжка». Нет, это слово не красовалось при въезде, выведенное на табличке аккуратным шрифтом. О том, что автобус высадил Макса, Алёну, Рому и Женю там, где нужно, им сообщил пьяный мужик в растянутой футболке с Пикачу во всю грудь. Вернее, на весь пивной живот. Перемежая речь примитивной матерщиной, местный обитатель уверил студентов, что они видят перед собой именно Устюжку — глухомань, где, по мнению Валентина Ивановича Степанова, преподавателя славянского фольклора, ещё можно было пожить чем-нибудь подходящим для курсовой.

— М-да, — произнесла Алёна, обводя взглядом избы и то, что претендовало на звание главной улицы. — Занесло!

Веснушки пестрели на её остром носике и щеках, рыжие ресницы обрамляли зеленоватые глаза. Милая девушка, хоть и не красавица.

— То, что надо, — отозвался Рома, поправляя на спине рюкзак. Его бледное лицо медленно загорало, зато быстро краснело — так, что казалось, будто с него сняли кожу. — Чем дальше от города, тем лучше.

— Я сомневаюсь, что здесь вообще живёт кто-то, кроме вон того кадра, — вполголоса проговорил Макс, кивнув в сторону бредущего по шоссе пьянчужки. — Может, его насчёт народного творчества порасспрашиваем? Уверен, чего-чего, а обценной лексики хватит на пару тетрадей. Никто не желает тиснуть курсовую по матерщинке? В некотором роде тоже фольклор, между прочим. Хотя вряд ли он знает оригинальные...

— Хватит болтать! — резко перебила Алёна. Она Макса недолюбливала: считала его паразитом и лентяем. — Если уж приехали, значит, приехали. Займемся тем, ради чего в такую даль тащились.

Макс знал, что девчонка возражала против его участия в поездке — она хотела собирать

фольклор с Женей и Ромой, втроём. Собственно, он сам навязался к ним, потому что хотел задобрить Степанова. Профессор ясно дал понять: либо собираешь материал, либо забудь о дипломе. Всё из-за того что Макс пропустил слишком много занятий. Валентин Иванович заимел на него зуб и решил вот так отыграться. Пришлось тащиться в глухомань с этими энтузиастами, чёрт бы их побрал! Но если препод поверит, что Макс искренне увлечён народным творчеством, то наверняка поставит ему «зачёт». Ну, или что там положено за курсовые?

— Да мы не против! — усмехнулся Женя, взглянув на Алёну. — Конечно, не зря же мы прикатили, — они были парой, встречались года полтора и, кажется, всё шло к тому, что после универа они поженятся и нарожают маленьких филологов. — Но деревенька-то, похоже, пустая.

— Неа, — Рома указал в конец улицы, где распахнулась калитка, и из-за ограды вышла старуха с железным ведром. Ковыляя, она направилась к колодцу.

— По-моему, эта жила ещё при Несторе, — заметил Макс. — Может, подкатим к ней?

— Больше здесь всё равно никого не видать, — сказал Женя. — Давайте, ребята, не стоять же здесь до ночи.

***

Старуху звали Нина Ильинишна, и было ей на вид лет восемьдесят, если не больше. Приютить молодёжь она согласилась сразу — при условии, что они заплатят за продукты — а вот втолковывать ей, зачем «ребятам» понадобилось приезжать в такую глушь, пришлось долго.

— Значит, сказки записывать будете? — раз в четвёртый переспросила Нина Ильинишна, мигая подслеповатыми глазами. — И поговорки всякие?

Похоже, она не могла поверить, что кому-то это может быть интересно.

— Именно, — кивнул Женя. — А ещё загадки, прибаутки, песни, частушки. Мы это изучаем. В университете. Фольклор.

— Ага, — отозвалась старуха. — Ну, изучайте, изучайте, ребятки. Раз надо.

— Мы надеемся на вашу помощь, — сказала Алёна. Она старалась держаться дружелюбно — наверное, думала, что хозяйка дома станет разговорчивей. — Вы знаете старые предания? Ну, или слова какие-нибудь необычные? Нам всё подойдёт.

— Нет, миленькая, ничего не знаю, — покачала седой головой старуха. — В детстве, может, и знала, да теперь забыла.

— А вы подумайте.

— Голова совсем пустая стала. Бывает, выйду из дома, да и забуду тут же, зачем шла.

— Нина Ильинишна, а сколько народу в деревне проживает? — деловито осведомился Рома. — Человек пятьдесят наберётся?

— Пятьдесят! — охнула старуха. — Господь с тобой, милок. Откуда? Все разъехались давно, остались только деды да бабки вроде меня, никому не нужные. Вот и доживаем свой век потихоньку. Трудно, конечно, а что делать? Одно радуется, что недолго осталось.

— Сколько ж вас тут? — вмешался Макс.

— Да человек двадцать от силы наберётся. А может, и того меньше. Недавно вот Манька с мужем уехали в райцентр. Дом бросили. Нет, сказали, сил тут больше горбатиться. Уж не знаю, чем они там занимаются, — Нина Ильинишна осуждающе покачала головой.

— А ваши соседки помнят сказки или пословицы? — вмешался Рома.

— Откуда ж мне знать, милочек? — удивилась старуха. — Ты у них и спроси. Ходить, слава Богу, за ними далеко не надо — чай, живут-то рядом.

***

К вечеру собирателям фольклора стало ясно, что в Устюжку они приехали напрасно. Никто из жителей деревни не мог выдать из себя и слова, которое подошло бы под определение фольклора — пусть даже с натяжкой, не говоря уж о пословицах, поговорках, песнях и сказках. Большинство глядело на студентов круглыми глазами и качало головой: какое ещё, мол, устное народное творчество? На пенсию как прожить, не знаем — да ещё огороды вон из-за жары, считай, пустуют; никакого подспорья.

На выручку отчаявшимся филологам неожиданно пришла Нина Ильинишна.

— Это они не понимают, чего вам от них надобно, — заявила старуха, глядя на унылые лица постояльцев. — А может, стесняются. Надо сделать так: я приглашу Софью, Машку и Варвару, накрою на стол, поставлю самогона бутылку — они и разговорятся. А вы спрячетесь и будете слушать. Ну, и записывать, что вам там нужно.

Макс скептически обвёл взглядом комнату. В избе их было две: большая, где они сидели с Ниной Ильинишной, и где им было определено спать на полу, и поменьше, где ночевала хозяйка.

— Куда мы тут спрячемся? — спросил он.

— А под стол, — не растерялась старуха. — Скатертью длинной накрою — вас и не будет видно. А девонькам скажу, что вы в райцентр уехали.

Было забавно слышать, как Нина Ильинишна величает своих соседок «девоньками», но предложение показалось студентам дельным.

— А нас точно не заметят? — спросила Алёна. Её веснушчатый носик озабоченно сморщился.

— Стол большой. Старайтесь под ноги только не попадаться.

— Это будет даже... оригинально, — заметил Женя. — Только надо фонарики взять, чтоб было, чем светить. А то как писать-то в темноте?

— Берите, берите, — кивнула старуха. — Всё, что хотите, берите.

Так и договорились.

На следующий день Нина Ильинишна позвала в гости соседок — на «посиделки», как она сама выразилась. Рома, Алёна и Женя залезли под стол. Скатерть скрывала их полностью. Макс участвовать в этой затее отказался: у него перспектива целый вечер просидеть, скрючившись, с фонариком и тетрадкой не вызвала ни малейшего энтузиазма. Чтобы спрятать его от гостей, Нина Ильинишна разрешила студенту укрыться в своей комнате.

— Не думай, что мы потом поделимся с тобой записями, — предупредила Макса Алёна. — Сам добывай себе материал.

— Жалко?

— Нет. Но раз тебе лень с нами посидеть, то чего ради мы...

— Ладно, успокойся, — перебил Макс с усмешкой. — Обойдусь.

— Зря отказываешься, — серьёзно заметил Женя. — Бабки с самогона как разойдутся, так записывать не будем успевать.

— Удачи! — хмыкнул Макс. — Я лучше поплюю.

— Как знаешь, — процедил Женя почти зловеще.

Его всегда возмущало, если кто-то филонил и не демонстрировал стопроцентной приверженности гуманитарным наукам. Алёна говорила, что из него обязательно получится настоящий учёный. Рома подкалывал её, утверждая, будто она верит в это только потому, что влюблена в Женю, а на самом деле тот — посредственность, но все знали, что он так не думает. Вообще, Макс считал, что Рома немного ревнует Алёну, но ему на эти страсти было плевать. Он хотел свести сбор фольклора к минимуму, рассчитывая потом уговорить ребят поделиться с ним материалами. Ну, не откажут же они, в самом деле, зная, чем это ему грозит.

Поэтому, когда в избу постучались соседки Нины Ильинишны, Макс отправился в соседнюю комнату со спокойной душой и завалился на хозяйкину постель. Пусть эти дурни сидят с фонариками под столом и пишат, а он подремлет. Закинув руки за голову, Макс решительно опустил веки и постарался ни о чём не думать и не прислушиваться к разговорам в соседней комнате.

***

— Вот это да! — восхищенно говорила Алёна, листая страницы блокнота. — За один раз набралось одних только слов штук двадцать. Надо будет уточнить у Нины Ильинишны, что некоторые означают, а то я не все поняла по контексту.

— У меня двадцать восемь, — заметил Рома. — Потом сравним, кто что записал.

Максим слушал своих однокурсников со смешанным чувством: с одной стороны, ему было немного жаль, что он не может поучаствовать в обсуждении, так как всё проспал, да и материалом с ним, похоже, действительно, никто делиться не планировал, но, с другой, эти восторженные возгласы по поводу старушечьей болтовни раздражали его. Подумаешь, учёные! Собиратели, блин, фольклора. Наверняка процентов девяносто того, что они записали, уже давно есть в словарях.

— Слова это ладно, — сказал Женя. — Вот присказки их — это клад!

Макс едва сдержался, чтоб не фыркнуть. Всё-таки, может, кто-нибудь согласится дать ему списать. Потом. Надо быть осмотрительней и делать вид, будто заинтересован.

— Преданий не было? — спросил он.

— Тебе-то что? — огрызнулась Алёна.

— Надо попросить Нину Ильинишну колыбельную тебе спеть! — хохотнул Рома. — Только ты её не сможешь записать: задрыхнешь раньше.

— Ха-ха! — скривился Макс. — Очень смешно.

— Я записал про дрекавака, — сказала Женя, перелистнув несколько страниц. — По-моему, это бомба.

— Наверняка про него уже известно, — возразила Алёна. — Не думаю, что мы открываем персонажа.

— Как ты сказал? — спросил Максим.

— Дрекавак.

— Что за птица?

— Мифическое существо.

— Скорее, сказочное, — поправил Рома.

— Не факт, — Женя постучал карандашом по блокноту. — По сути, дрекавак олицетворяет стихийное бедствие, так что вполне может оказаться именно мифическим персонажем.

— Какое ещё стихийное? — усмехнулся Рома. — Стихийное — это если б речь шла о массовом падёже скота. А тут — нападения неведомой твари.

— Ты прав, — кивнула Алёна. — Дрекавак — скорее, чудище.

Женя недовольно поджал губы: его задело, что девушка согласилась с Ромой, а не с ним.

— Объясните толком, что за древо... как там его? — не выдержал Макс.

— Дрекавак, — ответил Рома. — Одна из старух начала сегодня жаловаться, что позавчерашней ночью какой-то зверь напал на её корову. Мол, и без того живётся тяжело, а тут ещё такая неприятность.

— Ну, и?

— А другая ей: это, мол, дрекавак.

Женя опустил глаза в блокнот.

— Я так понял, — сказал он, — что дрекавак — это существо вроде животного или чудища, но с душой мёртвого некрещеного младенца.

— Да, у меня то же самое записано, — кивнула Алёна. — Ещё: дрекавак умеет жутко кричать.

— Судя по названию, персонаж восточноевропейский, — заметил Рома. — Влаколак, вурдалак. Дрекавак. Что-то сербское.

— Похоже, да, — согласился Женя.

— Короче, чупакабра? — усмехнулся Макс.

— Вроде того, — серьёзно кивнула Алёна.

— А почему бабка решила, что на корову напал этот... дре-ка-вак?

— Кто ж её знает?

Макс встал, подошёл к окну и приоткрыл одну из створок. На улице пусто, словно деревня вымерла. Хотя, если подумать, так оно и есть: молодые здесь не живут, а старики со старухами, считай, одной ногой в могиле. Пройдёт лет десять, и никого не останется. Ну, разве что тот пьянчужка с покемоном на футболке. Если от водки раньше не околеет, конечно. Макс достал сигарету, размял пальцами, закурил.

— Маловато материалчика, — сказал он. — Даже описания этого дрекавака нет.

— Кто бы критиковал, — заметила Алёна.

— Валентин Иванович раскритикует.

— Он прав, — неохотно сказал Рома. — Надо узнать подробности.

— Опять просить Нину Ильинишну подруг созывать?

— Да можно её саму расспросить. Она ж наверняка знает, что за дрекавак такой.

— Кстати, да! — обрадовалась девушка. — Может, и описать его сможет.

Хозяйка дома вернулась через полчаса — ходила проводить одну из «девонек» и задержалась почесать языком у ограды.

— Эх, славно посидели, — проговорила она, входя. — Давно так не собирались.

— Нина Ильинишна, расскажите о дрекаваке, — сходу подступилась к ней Алёна. — Это очень интересный для нас персонаж.

— Дрекавак? — нахмурилась старушка. — Да зачем он вам?

— Как зачем? Фольклорный персонаж ведь!

— Да ну его! — махнула рукой Нина Ильинишна. — Плюньте. Глупости это всё, не

верьте Машке. У неё воображение богатое, вот и брешет почём зря. Нет никакого дрекавака. Сказки это.

— Так нам сказки и нужны. Мы ж их записывать приехали.

— Понятно, что дрекавак — выдумка, — вмешался Женя. — Но это ничего не меняет: дрекавак нам подходит.

— Конечно, — кивнула Алёна. — Именно как мифический персонаж.

Старуха вздохнула.

— Устала я сегодня, милки. Потерпите уж до завтра. Тогда и расскажу, если вам так надо.

Студенты переглянулись.

— Ну, хоть пару слов, Нина Ильинишна! — взмолилась Алёна.

— Да что ж вам знать-то охота?

— Как он выглядит, откуда взялся? Где живёт?

— Где живёт? — бабка тяжело опустилась на стул, сняла с головы платок. Пригладила седые волосы, переводя взгляд с одного постояльца на другого. — В лесу. Где ж ему жить? Время от времени выходит, когда проголодается, и скотину задирает. Корову там или свинью. Бывает, что и козу. Но это редко случается. Обычно только во время сильной жары.

— Почему? — спросила Алёна.

— Живность-то из лесу уходит — влагу ищет. Вот дрекавак и отправляется на промысел. А где скотину найдёшь? Только в деревнях. Так говорят, — добавила, помолчав, старуха.

— Вот и у вашей соседки кто-то корову задрал, — вставил Женя.

— Машка — дура, болтает всякую чушь. Придумала тоже: дрекавак! Волк, наверное, забрёл голодный.

— Здесь водятся волки? — удивился Рома.

— Ну, всяко чаще встречаются, чем дрекаваки, — усмехнулась старуха.

— А что насчёт души младенца? — спросил Макс. Он решил проявить участие, чтобы товарищи видели, что он не совсем равнодушен.

— Младенца-то? — вдруг посерьёзнев, протянула Нина Ильинишна. — Да вот, помер на той неделе сынишка у дочки Михайловны. Не приехала «скорая» из райцентра — не успела.

— Мы думали, молодёжь тут уже не живёт, — заметил Макс.

— Оставалась Людка, да теперь, наверное, тоже, уедет. Подлечиться ей надо. Роды трудные вышли. Муж-то её ещё не знает — он моряк, только через два месяца вернётся.

— Значит, неделю назад умер младенец, — заговорила спустя пару минут Алёна, — и ваша соседка решила, что его дух превратился в дрекавака и напал на её корову?

Нина Ильинишна пожала плечами и поднялась со стула.

— Не знаю, — ответила она сухо. — Машку спрашивайте, что ей там мерещится. Спать пора. Пойду я. Доброй ночи, ребятки.

Никто не стал её задерживать, даже Алёна, хотя видно было, что девушке хочется ещё расспросить старушку.

***

— А может, устроим засаду? — предложил вдруг Макс, обводя товарищей осоловелым взглядом.

Студенты почти допили бутылку водки, которую прихватили в дорогу, и теперь им хотелось приключений. Ощущение неудовлетворённости витало в воздухе, и Макс просто облёк его в слова.

— Какую ещё, блин, засаду? — икнув, спросил Рома.

— Ну, на этого... дерьмолака.

— В смысле? — поднял брови Женя, не донеся до рта колбасы.

— Да что тут непонятного? Он же нападает на скот, так? А я заметил сегодня в хлеву у нашей хозяйки корову. Так не засесть ли нам во дворе и не подождать этого...

— Дрекавака, — подсказала Алёна.

— Да, — кивнул Макс. — Его.

— С чего ты взял, что он явится сюда? Причём этой ночью, — поинтересовался Женя.

— Вот-вот, — подхватил Рома. — Тем более что он уже нападал недавно на соседскую корову.

— И что?

— Ну, сыт, наверное.

Макс развёл руками.

— Слушайте, я без понятия! Вы хотели посмотреть, как он выглядит, я вам предложил... устроить засаду. Не хотите — как хотите! Можем сидеть тут или пойти спать и просрать... просрать, — он замолчал, не зная, как закончить предложение.

— Блин, а Макс прав! — заявила вдруг Алёна. — Надо попробовать. В конце концов, что мы теряем?

— Ну-у... — начал, было, Женя, но девушка перебила:

— Я лично хочу поглядеть на эту тварь. Серьёзно!

— Нет никакого дрекавака, — зевнув, сказал Рома. — Вы что, перебрали? Сказку от реальности отличить не можете?

— Есть или нет, а я не хочу сидеть тут, — встал вдруг Макс. В голове шумело, и море казалось по колено. — Нам куковать в этих сраных Устюжках две недели, а меня уже тошнит от одного вида этой... избы, блин!

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался Рома. — Залечь на улице?

— Нет, в сарае напротив хлева, — Макс обвёл товарищей взглядом. — Ну, кто со мной? Алёна поднялась.

— Я.

— Ты с ума сошла? — всполошился Женя. — Какой смысл торчать ночью на улице, если никакого дрекавака не существует?

— Ты уверен? — насмешливо прищурился Макс.

— Да, чёрт возьми! Ещё как уверен.

— Ну, тогда не бойся.

— Что? — кажется, Женя слегка опешил. — При чём здесь это?

— Ты струсил, — Макс растянул губы в ухмылке. Ему нравилось видеть Женину растерянность. — Ночь, темнота. Да ещё кто-то нападает на коров... Просто признай, что очканул, и закроем тему.

— Ты пытаешься взять меня на «слабо»?

— Очень надо.

Макс снял с вешалки куртку.

— Оставайся, никто тебя не заставляет. Мы с Алёнкой сами справимся.

***

В засаде участвовали все. Макс знал, что Женя не позволит своей девушке поджидать дрекавака в его обществе, и понимал, что Алёна, решив подкараулить загадочную тварь, не передумает: она отличалась упрямством. Рома, конечно, не захотел отрываться от коллектива и согласился провести ночь вне дома при условии, что будет следить за хлевом из дровяника: устроиться на улице он отказался наотрез. Словом, расчёт полностью оправдался.

Женя и Алёна забрались в хлев и залегли наверху, где хранилось сено. Макс спрятался в сарае. Чтобы нормально устроиться, пришлось переложить кое-какой хозяйственный инвентарь, но всё равно было тесновато. Макс улёгся на спальный мешок (лето выдалось жаркое, и даже на улице было душно) и поджёг пирамидку, отгонявшую комаров. Она слегка смердела, но от насекомых защищала неплохо.

Спустя какое-то время Макс взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали половину двенадцатого. Он достал мобильник и попытался войти в Интернет, чтобы проверить почту и полистать новости, однако сигнал не ловился.

Хмель потихоньку выветривался, и становилось скучно. Макс уже пожалел о своей затее с засадой. Конечно, никакого дрекавака не существует, и всё свелось к тому, что четыре балбеса оказались вне дома, лишённые даже элементарного комфорта.

Макс выглянул в приоткрытую дверь и прикинул расстояние до избы. Если б знать, что Рома задремал в дровянике, можно было бы перебраться в дом и поспать там. А голубки в хлеву наверняка и так найдут, чем заняться.

Макс прислушался: деревня казалась пустой, даже собаки не лаяли. Впрочем, студенты до сих пор не видели ни одной. Странно. Максу казалось, что загородом всегда держат собак.

Воздух был спёртым, не чувствовалось ни малейшего движения. Всё вокруг словно замерло в каком-то ожидании. Максу стало вдруг не по себе, и очень захотелось оказаться в избе, а не здесь, в сарае из едва подогнанных досок.

Рома прилично набрался (обычно его развозило после третьей рюмки), а прошло уже около получаса. Почти наверняка дрыхнет. Макс встал на колени и открыл дверь пошире. Затушил чадящую пирамидку и скатал спальный мешок. Сунув его подмышку, вышел во двор и направился к дому. Никто его не окликнул — видимо, Рома действительно заснул.

Дверь в избу оказалась заперта, и пришлось тихонько постучать. Как ни удивительно, Нина Ильинишна открыла почти сразу.

— Замёрз? — спросила она, хотя при такой жаре замёрзнуть было совершенно невозможно.

— Нет. Комары заели, — соврал Макс, входя.

Заперев дверь на засов, он почему-то испытал облегчение.

— А другие? — спросила старуха.

— Остались.

Хозяйка покачала головой.

— Вот молодёжь, — проговорила она, направляясь в свою комнату. — Неймётся вам всё. Сидели бы дома. От греха подальше, — добавила она перед тем, как закрыть дверь.

Макс улёгся на своё обычное место. В избе было душно, однако открывать окно не

хотелось. Ничего, можно и потерпеть.

Прошло минут десять, и глаза у Макса начали закрываться. Он повернулся на бок и подложил руку под голову. По идее, кто ему мешает списать собранный однокурсниками материал втихаря? Они ведь не всё время следят за своими тетрадками. Часто оставляют без присмотра. Вот хотя бы сейчас...

Резкий протяжный крик, совершенно не похожий на человеческий, заставил Макса вскочить: он сам не заметил, как очутился на ногах. Всё тело охватило оцепенение, которое, правда, почти сразу прошло.

Макс не знал, сколько простоял, напряжённо прислушиваясь. Крик не повторился. Снаружи царила прежняя тишина.

Почему никто не всполошился? Ведь этот вопль должен был разбудить всех в округе. Рома, Женя и Алёна наверняка слышали его, да и бабка за дверью тоже. И, тем не менее, хозяйка даже не вышла из комнаты.

Может, стоит её разбудить? Но что он скажет?

Макс подошёл к окну и прижался лицом к стеклу. Снаружи было темно, хоть глаз выколи. Где-то вдалеке горел одинокий фонарь. Он казался просто светящейся жёлтой точкой. Макс проверил, опущены ли на раме щеколды, затем лёг, но глаз уже не закрывал. Он прислушивался и ждал — не повторится ли жуткий вопль. Но тишина царила в деревне безраздельно.

***

Макса разбудил Женя.

— Вставай быстрее! — кричал он, стоя посреди комнаты. Его заметно трясло.

Макс медленно сел, чувствуя, что любое резкое движение заставит голову взорваться.

— Ты можешь не орать? — проговорил он, с трудом ворочая сухим языком.

Женя вдруг сел на табурет у стены.

— Рома убит! — сказал он, обхватив себя за плечи.

— Что? — Макс показалось, будто он ослышался. — Шутишь?

— Какое тут! — Женя вскочил, нервно прошёлся по комнате. Он походил на перепуганного зверька. — Пожалуйста, вставай!

Макс поднялся. В висках стучало, голова казалась свинцовой. Нужно было попить. Макс поискал глазами кувшин с водой. Вот он, на столике возле окна.

— Кто его? — спросил он, наливая себе стакан.

— Откуда я знаю?! — кажется, Женя готов был сорваться: в его голосе проскальзывали истерические нотки.

Макс опорожнил стакан большими глотками. Хорошо!

— А где Алёна?

— На улице. Ты идёшь?!

— Да-да, не ори ты ради Бога.

***

Дверь в дровяник была распахнута, и свет падал на лицо и часть туловища того, что некогда было Ромой, а теперь представляло собой истерзанное кровавое месиво.

— Его рвали на куски! — пробормотал Женья, переминаясь с ноги на ногу. Алёна сидела на лавке, обхватив голову руками. Плечи её время от времени судорожно вздрагивали. Кажется, она была в шоке.

Макс подошёл ближе. Похоже, Рому убили ещё ночью, потому что труп пованивал, а значит, с момента смерти прошло уже несколько часов.

— Проклятая жара! — словно прочитав его мысли, сказал Женья.

— Надо вызвать полицию, — проговорил, отворачиваясь от тела, Макс. — Вы позвонили?

— Нет. Где тут полиция?

— В райцентре.

— Я не знаю телефон. Ты знаешь?

— Наверное, можно по общему позвонить. А они уже переведут.

— Сигнал с мобильного не ловится. Придётся искать стационарный. Но не уверен, что здесь у кого-нибудь есть такой.

Алёна вдруг встала и подошла.

— Надо сказать Нине Ильинишне, — проговорила она, всхлипнув. — Она, наверное, знает, как... и куда сообщить.

***

Услышав о произошедшем, старухе переполошилась. Побежала смотреть труп.

— Оспади, да что же это?! — растерянность на её морщинистом лице смотрелась жалко. — Кто ж это его?

— Это вы нам скажите, — отозвался Макс. — Может, дрекавак, которого, по вашим словам, не существует?

— Дрекавак? — удивлённо переспросила бабка. — Что ты, милок?! Это сказки.

— А Рома, — Макс кивнул в сторону дровяника, — тоже сказка?

— Надо сообщить в полицию, — вмешалась Алёна. — Вы знаете номер?

— Номер-то? Нет. Да и нет тут телефона ни у кого. Надо в райцентр ехать. Там Васильевича спросить. Это участковый наш. Машина, правда, только у Дмитрия есть, да он пьяный, наверно, опять, — бабка сокрушённо покачала головой. — Кто ж вашего дружка так-то, а? — пробормотала она, глядя в сторону дровяника.

— А на автобусе нельзя разве съездить? — спросил Женья.

— Воскресенье сегодня, — ответила Нина Ильинишна. — Автобус только в восемь вечера будет. Потом в девять ещё. К тому времени Васильевич уже домой уйдёт. Нет, надо просить Дмитрия завтра с утра ехать.

— Почему завтра? — не понял Макс.

— Говорю ж: пьяный он сегодня, наверное.

— Да ведь вы не уверены.

Старуха покачала головой.

— Воскресенье, милок. Тут долго гадать не надо.

Тем не менее, Женья сходил, отыскал бабкиного соседа (оказался тот самый забулдыга с покемоном) и, вернувшись, доложил, что мужик действительно не в состоянии ехать, куда бы то ни было.

— Но я ему всё объяснил. Он обещал к утру протрезветь.

— Последить за ним надо, — сказала Нина Ильинишна. — А то забудет и наберётся снова. Пойду к нему.

— Что нам делать с... телом? — спросил Макс. — Нельзя же оставлять его в дровянике.

— Вообще-то, труп трогать нельзя, — заметил Женя. — Здесь место преступления.

— Ты чувствуешь запах? — повернулся к нему Макс. — На такой жаре через пару часов...

— Да перестаньте вы! — перебила Алёна. — Это не труп. То есть... не просто чей-то там труп. Это Рома. Понимаете? Наш Ромка!

Парни переглянулись.

— Может, хоть накроем его? — предложил Макс. — А то мухи уже налетели. Слышно даже, как жужжат.

Женя упрямо покачал головой.

— Нельзя.

Алёна закрыла лицо руками и разрыдалась.

***

— Надо его подкараулить, — сказал Женя, глядя в окно.

Студенты сидели в избе, хозяйки не было — она осталась у соседа — следить, чтоб тот не напился. На дворе сгущались сумерки.

— Кого? — спросил Макс.

— Дрекавака.

— Ты с ума сошёл?

Женя серьёзно взглянул на товарища.

— Я не знаю, может, никакой мифической твари и не существует, но кто-то убил Ромку. И не просто убил. Растерзал.

— Пожалуйста, не надо! — попыталась вмешаться Алёна, но Женя сделал ей знак замолчать.

— Мы должны это обсудить, — сказал он. — Там, снаружи, бродит убийца. Возможно, начал он с соседской коровы, но продолжил нашим другом. Может, мы у него на очереди следующие.

— Да какой убийца? — не выдержал Макс. — Здесь одни старухи да старики живут.

— Ну, и кто, по-твоему, убил Ромку?

— Волк. Или рысь. Я слышал ночью... звериный крик.

— Мы тоже слышали. Но я, например, вовсе не уверен, что его издало животное.

— Нет! — сказала вдруг Алёна. — Убийца не обычный хищник. Вы же видели... Рому.

— Да, — кивнул Макс. — Поработали над ним изрядно. Ладно, согласен: это не рысь и не волк, — добавил он нехотя.

— Почему Рома не кричал? Если б на меня напали, я бы орала, как сумасшедшая.

Макс опять вспомнил пронзительный вопль, который слышал ночью. Ему показалось, что тот донёсся издалека, но вдруг это Рома кричал, когда его убивали?! От такой мысли стало не по себе, и Макс постарался её отогнать: вон, Алёна с Женей тоже решили, что это какое-то животное орёт. Во всяком случае, поначалу. Теперь-то они, кажется, в дрекавака поверили. Идиотизм, конечно.

— Что конкретно ты предлагаешь? — спросила девушка Женю. — Как мы будем

охотиться на... убийцу?

— Оружия у нас нет, — заметил Макс.

Перспектива сидеть в засаде, зная, что поблизости бродит маньяк, его совсем не привлекала.

— Найдём в сарае инструменты, — ответил Женя. — Топор, вилы. Да что угодно. Мы должны защитить себя.

— Для этого надо оставаться в доме, — сказал Макс. — Глупо выходить ночью, когда ни черта не видно...

— Нужно его поймать! — перебил Женя. — Он ведь убил Ромку!

— Я согласна, — кинула Алёна. — Застанем гада врасплох.

— Да не придёт он сегодня, — сказал Макс. — А если и придёт, то не сюда. Что он, дурак?

— Тогда тем более бояться нечего.

— Эй! Я не боюсь.

— Значит, решено, — подвёл итог Женя. — Сегодня охотимся на дрекавака. Кем бы он ни был.

Макс насупился: похоже, Женя взял его на «слабо» точно так же, как он его недавно.

***

Старухе-хозяйке студенты ничего не сказали о своих планах. Приготовили «оружие» — топор, серп, пару кухонных ножей, молоток.

Нина Ильинишна вернулась от соседа поздно вечером.

— Вроде, протрезвел маленько, — сказала она. — Обещал больше не пить, так что утром поедет в райцентр. Никто не приходил, пока меня не было?

— Соседи ваши, — ответила Алёна. — Человек шесть.

— Меня искали?

— Нет, хотели взглянуть на тело.

— Вот ведь люди, а!

Повозмущавшись, старуха ушла к соседке, предупредив, что останется ночевать там.

Студенты сидели в избе. На улице стало совсем темно, только луна время от времени показывалась из-за туч. Затем ветер стих, и крыши дворовых построек залило бледным холодным сиянием.

— Засядем в хлеву, — сказал Женя. — Там корова. Разделяться не будем.

— Я бы один и не остался, — ответил Макс.

— Наверх не полезем. Внизу есть пустые бочки, поставим их рядом и спрячемся за ними.

— Фонари надо взять, — сказала Алёна.

— Да, фонари прихватим.

— Хорошо бы этого гада сразу запереть, как войдёт, — сказал Макс. — Я останусь ближе к двери и, едва он влезет, задвину засов, чтоб не сбежал.

Женя кивнул:

— Правильно.

— Ребят, мы ведь его только поймать хотим, да? — настороженно спросила Алёна.

— Конечно, — ответил Женя. — И пусть полиция с ним разбирается.

— Я спросила, потому что мы берём с собой столько оружия...

— Ты видела, что он сделал с Ромкой? — спросил Макс. — Это для самообороны.

Сам он решил, что церемониться не станет: если убийца на него кинется, сразу влепит гаду между глаз молотком — и все дела.

— Ладно, — Алёна кинула. — Тогда хорошо.

В хлев пошли после полуночи. Фонари держали наготове. Макс затаился около двери, за вязанкой сена. Было жарко и душно, вокруг царила мёртвая тишина, даже комары куда-то исчезли. Слышалось только тяжёлое дыхание коровы и возня свиней, запертых в отдельном закуте.

Макс не видел своих товарищей, спрятавшихся за бочками. В какой-то миг ему показалось, что он в хлеву один. Стало не по себе, но он быстро прогнал это ощущение: у страха глаза велики.

Хотелось курить и пить — надо было прихватить с собой бутылку с водой.

Стрелки наручных часов показывали половину первого, когда снаружи донёсся пронзительный крик — почти такой же, как в предыдущую ночь. Макс замер, чувствуя, как его охватывает мелкая дрожь: нет, человек просто не мог издать такой вопль!

Зачем он вообще вписался в это предприятие?! Надо было сидеть в избе и дожидаться полиции — как поступил бы любой нормальный человек. Нет, серьёзно! Что он тут забыл? Они с Ромкой даже друзьями не были — так, приятели.

Во дворе раздался звук крадущихся шагов: кто-то приближался. Макс показалось, что идущих двое или больше. Чёрт, к этому они с Алёнкой и Женькой не готовились! Предполагалось, что убийца — одиночка.

Затаив дыхание, Макс сжал молоток. Он видел приоткрытую дверь и часть хлева, освещённую луной. Остальное тонуло во мраке.

Женя с Алёной никак не отреагировали на крик — из-за бочек до сих пор не донеслось ни звука. Возможно, они тоже услышали шаги и боялись спугнуть убийцу.

Дверь скрипнула, и на землю упала тень. Вполне человеческая. Макс пришел в голову, что он может вырубить незнакомца, едва тот переступит порог — тогда противников станет на одного меньше.

Человек вошёл в хлев, и Макс замер: это была Нина Ильинишна. Похоже, он напрасно всполошился. Вероятно, хозяйка проснулась и, заметив отсутствие постояльцев, отправилась на их поиски.

Вслед за Ниной Ильинишной в хлев вошли две старухи. Макс узнал в них соседок только имён не помнил.

Хозяйка направилась к корове, погладила, что-то прошептала на ухо. Скотина не проснулась.

Надо бы выйти из укрытия и объяснить женщинам, что они могут всё испортить, но Макса остановило то, что ни Женя, ни Алёна не показались.

Хозяйка вернулась к подругам, и втроем они начали доставать из карманов и расставлять на полу хлева свечи — низкие, толстые. Одна из старух чиркнула спичкой и зажгла их по очереди. Стало видно, что свечи образуют квадрат.

Бабки разбросали что-то внутри него — Макс решил, что сухую траву — затем кропили землю водой из маленькой склянки. По хлеву распространился резкий неприятный запах. Свиньи в своём закуте оживились, послышалась возбуждённая возня.

Одна из старух, переступив через горящие свечи, заняла место в центре квадрата и

воздела тощие руки к потолку. Её скрюченные артритом пальцы с узловатыми суставами напоминали когти хищной птицы. Она забормотала что-то хриплым голосом, затем низко поклонилась. Макс наблюдал за ней, оцепенев. Он понимал, что видит ритуал, но не догадывался о его цели.

Нина Ильинишна достала из кармана небольшой предмет и протянула подруге. Та взяла его и аккуратно положила на землю перед собой. Макс показалось, что это солнечные очки.

Снова раздалось слова странной молитвы. Неожиданно повеяло холодом. Из-за бочки показалась Алёнина голова, но тут же исчезла. Девчонка-то, небось, счастлива, что наблюдает за настоящим обрядом.

Хозяйка протянула стоявшей в центре квадрата соседке следующий предмет. Макс не разобрал, какой. Старуха положила его справа от себя. Освещённая снизу пламенем свечей, она походила на древнюю жрицу.

Нина Ильинишна извлекла из кармана третий предмет, и Макс узнал собственный перочинный ножик, купленный в прошлом году ходить по грибы. Не швейцарский, но очень удобный. Что за ерунда? Вероятно, предыдущие вещи принадлежали его товарищам, но зачем бабке красть их? Да ещё и использовать в каком-то странном ритуале.

Он не успел обдумать это, потому что старуха, стоявшая внутри квадрата, быстро заговорила нараспев. Её голос становился то ниже, то выше, а темп менялся, создавая определённый, хотя и плохо уловимый ритм. Большую часть слов разобрать не удалось, но одна фраза заставила Макса насторожиться: «Беду отведи, на чужаков переведи!» — бубнила старуха рефреном, воздевая тощие руки к потолку.

Длилось это недолго — минуты две. Затем женщины заторопились к выходу. По очереди они выскользнули во двор, оставив дверь открытой.

Когда их шаги затихли, Макс выглянул из-за вязанки сена. Над бочками показались лица Алёны и Жени. Оба выглядели ошарашенными. Макс увидел, что Женя машет ему, приглашая подойти. Он выбрался из укрытия и подбежал к товарищам.

— Что это было? — спросила девушка. — Какой-то ритуал?

— Да, — Макс оглянулся на дверь: ему почудилось, будто снаружи раздались осторожные шаги. Одна из старух решила вернуться? Но нет, всё тихо: наверное, показалось. — Вы видели, что они разложили на земле?

— Нет, — сказал Женя.

— Наши вещи.

— То есть?

— Идёмте посмотрим.

Втроём студенты подошли к горящему квадрату.

— Чёрт! — прошептала Алёна. — Это мои очки.

— Та старуха говорила «Беду отведи, на чужаков переведи», — сказал Макс. — Похоже, она имела в виду нас.

Женя присел и подобрал с земли пластмассовую расчёску.

— Это моя, — проговорил он.

— А чем так воняет? — спросила Алёна. — Что они разбрызгали?

Макс смотрел на девушку и поэтому сначала увидел, как её накрыла тень, и лишь затем, обернувшись, понял, что чей-то силуэт заслонил лунный свет, попадавший в хлев через дверной проём.

Существо, стоявшее на пороге, походило на огромного тощего ребёнка с

непропорционально большой круглой головой. На плоском лице чёрными бусинами блестели глаза. Под приплюснутым носом, напоминавшим звериный, виднелся неестественно широкий, идущий практически от уха до уха рот. Он был приоткрыт, так что виднелись длинные острые зубы.

«Как у глубоководной рыбы!» — мелькнуло в голове у Макса.

Он вдруг понял, что оставил молоток и серп за вязанкой сена. Кажется, Женя с Алёной тоже вышли из своего укрытия безоружными.

Существо — совершенно очевидно, оно не являлось человеком, несмотря на сходство — медленно двинулось к свечам, и, когда дрожащий огонь осветил его, стало ясно, что чудовище покрыто короткой бурой шерстью, а пальцы рук и ног заканчиваются крепкими чёрными когтями.

Несколько секунд люди и монстр смотрели друг на друга, а затем существо — видимо, это был дрекавак — припав на миг к земле, прыгнуло через свечи и врезалось в Женю, опрокинув того на спину. Будучи раза в полтора больше человека, оно легко придавило его, запустив в тело когти. Раздался крик, но Макс не понял, кто его издал — он сам, Женя или Алёна. Возможно, все трое.

Он опрометью кинулся мимо чудовища к выходу, промчался по свечам и, едва не споткнувшись о порог, выскочил на улицу.

Окна в избе не горели, и всё вокруг было погружено во мрак и тишину — не считая раздававшихся за спиной жутких воплей. Макс побежал наугад, едва различая в слабом лунном свете силуэты построек. О том, чтобы спрятаться в доме, он и не думал: именно его хозяйка навлекла на студентов беду, так что вряд ли сейчас она встретит одного из них с распростёртыми объятьями. Скорее всего, вообще не впустит.

Макс врезался в калитку, та с треском распахнулась, и он выскочил на дорогу. Направо или налево? Страх мешал сориентироваться. Из хлева донёсся пронзительный вопль — издал его явно дрекавак, расправлявшийся со своими жертвами. В том, что Алёна с Женей обречены — если уже не мертвы — Макс не сомневался. Он кинулся вдоль домов, почти не надеясь на спасение. Мозг отказывался работать: инстинкты просто гнали вперёд.

Лишь спустя несколько минут, когда Макс едва не задохнулся от бега, в голову пришло, что нужно спрятаться — иначе шансов выжить нет.

Он почти выбрался из деревни: виднелись последние дома, стоявшие на окраине. Большая часть из них пустовала. Макс перемахнул через придорожную канаву, протиснулся между редкими, покосившимися досками забора и подбежал к избе с заколоченными окнами. Понадобилось минут пять, чтобы отодрать ставень и забраться внутрь.

В доме Макс передвигался на ощупь, натыкаясь на мебель и опрокидывая какие-то предметы. Наконец, глаза привыкли к темноте, и ему удалось отыскать комнату с надёжной дверью и засовом. Макс забился в угол и притаился. Он решил, что просидит здесь до утра, не шелохнувшись, а потом... потом сядет на поезд и уедет домой! К счастью, деньги он всегда держал при себе — не доверял старухе. На билет хватит, а больше ему ничего и не нужно. Лишь бы в живых остаться...

***

Деревня пробудилась через четверть часа: раздались встревоженные голоса, затем — крики. Макс подполз к забитому окну и прислушался. Кажется, народ вывалил на улицу.

Странно. Неужели кто-то обнаружил трупы? Вообще, возможно, ведь Женя и Алёна вопили на всю округу. Даже странно, что деревня только теперь всполошилась.

Макс различил усиливающийся треск. Он не мог понять, что его издаёт. Стало любопытно. При людях дрекавак наверняка не нападёт — значит, можно выйти. Заодно и старух, навлекающих на гостей беду, изобличить. Хотя в это вряд ли кто поверит...

Вдалеке завыли, запричитали. Откинув засов, Макс вышел из комнаты и высунулся в окно, через которое влез в дом.

Хлев, где монстр расправился с его однокурсниками, горел! Отсюда, с окраины деревни, он выглядел, как огромный костёр.

Должно быть, удирая, Макс поддал по свечкам ногой, и те попали в вязанки сена. Постройка полыхала вовсю — наверное, пожар начался почти сразу, а заметили его лишь недавно. Глядя на огонь, Макс испытал мстительное торжество: будет старухе за подлость! Может, и на избу её перекинется.

Выбравшись из окна, Макс направился в сторону пожара. При свете пламени да при людях дрекавак едва ли появится, так что бояться нечего.

Вокруг хлева толпились соседи — старики да старухи плюс несколько опустившихся мужиков лет пятидесяти. Тушить огонь никто не пытался — да и что с ним можно было сделать? Не из вёдер же заливать. Пламя пожирало дерево с треском, дым поднимался прямо к небу — ветра не было. Макс чувствовал запах горелой плоти. Свиньи, драгоценная корова Натальи Ильинишны, Алёна и Женька — сейчас все они превращались в куски прожаренного мяса.

Интересно, остальные тоже ощущали эту вонь?

Дверь в избу стояла нараспашку. Может, зайти под шумок да прихватить свои вещички?

— Всех забрал, по крайней мере? — спросил один из стариков, стоявший перед Максом шагах в трёх. Голос его прозвучал, как хриплое карканье. — Ему пообещали троих, и он должен получить всех.

— Никого нет, — ответила ему одна из старух. — В доме пусто.

— Хорошо. Иначе он не прекратит убивать скотину.

Повисла пауза. Люди наблюдали за пожаром с каким-то философским спокойствием. Похоже, первоначальное волнение прошло, и они смирились с неизбежным.

— А хлев всё-таки жалко, — сказала женщина справа. — И корову Ильинишны тоже. Ни за что животное погибла.

Макс вдруг понял, что в ритуале замешано больше народу, чем он предполагал. Надо уходить — оставаться здесь опасно. Он попятился и в этот миг встретился взглядом с одной из стоявших во дворе фигур: Нина Ильинишна обернулась и заметила его! Лицо её исказилось.

Костлявая рука, дрожа, указала на Макса.

— Вот он! — пронзительно завопила старуха. — Последняя жертва! Сбежал!

К Максиму обратилось около дюжины освещённых огнём лиц: морщинистых, одутловатых, иссушённых. С безумно блестящими глазами. Никто не двинулся в его сторону, не попытался схватить.

Люди были старыми и слабыми, но в их взорах читалась такая жажда отдать его дрекаваку, что Макса охватил безотчётный страх, и он, развернувшись, побежал. В свете пожара дорога была хорошо видна, и он сразу взял направление к железнодорожной станции. Вслед ему нёсся отчаянный крик старухи:

— Держиии-и-и!

***

Поезд набирал ход, и Макс смотрел в грязное, мутное окно почти с облегчением. Он выжил и уезжал домой.

Глядя на залитые утренним светом деревья, трудно было поверить, что произошедшее не привиделось, и в чаще обитает жуткая тварь, похожая на кровожадного ребёнка-переростка.

Остаток ночи Макс провёл на станции, забравшись на крышу билетной кассы и дрожа от страха. Каждую минуту он ожидал, что дрекавак придёт за ним, молился, глядя в звёздное небо, и сжимался при любом шорохе.

Чудовище не объявилось. Могло ли оно погибнуть в огне вместе со своими жертвами? Едва ли: ничто не мешало ему покинуть хлев, как только загорелось сено. Дрекавак вернулся в лес — он бродил где-то в темноте, среди деревьев, обступавших железнодорожную станцию.

И всё же — обошлось. Монстр не нашёл последнюю жертву, и его жажда плоти осталась неутолённой. Придётся жителям деревни смириться с потерей ещё нескольких коров.

Макс сел утром в первый же поезд и теперь уезжал всё дальше от проклятой деревни. Конечно, жалко Рому, Женю и Алёну, но, с другой стороны, они сами виноваты: притащились в такую глушь искать материал для курсовой, вот и нарвались. И его с ними угораздило. Ещё не хотели с ним делиться...

В памяти всплыл ритуал, который провели старухи в хлеву, затем — полная зубов пасть, идущая от уха до уха. Макс хорошо разглядел и запомнил дрекавака, хотя видел его всего несколько секунд.

На лице студента появилась странная, немного безумная ухмылка: во всяком случае, *он-то* курсовую точно сдаст!

Макс осмотрелся. В вагоне он ехал по-прежнему один, хотя поезд миновал уже четыре станции. Парень видел на платформах людей, но они садились в другие вагоны. Странно. Может, ему достался «моторный» — поэтому пассажиры его избегают? Макс прислушался: нет, никакого назойливого рёва. По идее, все должны стремиться сюда.

Почему он вообще думает об этом? Не всё ли равно, одному ехать или в компании? Тем более что рано или поздно кто-нибудь обязательно сядет в вагон, и не факт, что это будут приятные попутчики.

За спиной грохнула дверь, и раздались неторопливые шаги. Ну вот — стоило только подумать. Наверное, кому-то из пассажиров показалось тесно в соседнем вагоне или продавец мороженого-сканвордов-пластыря добрался, наконец, и сюда.

Макс обернулся.

***

После прибытия поезда прошло пять минут. Платформа быстро пустела. Голоса, шарканье подошв, стук пластмассовых колёсиков — всё это постепенно удалялось в сторону крытого стеклянной полусферой здания вокзала.

Дождавшись, пока пассажиры покинут поезд, Василий Михайлович ступил в распахнутую дверь первого вагона и двинулся от начала в конец, проверяя, не остался ли кто дремать на сиденье, не помер ли в дороге, не осталось ли где «безнадзорных сумок или коробок».

В предпоследнем вагоне ему сразу что-то не понравилось. Он даже остановился при входе, пытаясь понять, в чём дело.

Запах. Мерзкий, вызывающий тошноту. Поморщившись, Василий Михайлович двинулся по проходу, заглядывая под сиденья. Он ожидал увидеть лужу рвоты, скрючившегося в пьяном оцепенении бомжа — что угодно, только не изуродованный труп, лежащий между двумя скамейками. Прежде чем согнуться и исторгнуть на пол содержимое желудка, помощник машиниста успел заметить грубо вспоротое брюхо, вывалившиеся осклизлые внутренности и оскалившийся череп на том месте, где прежде было лицо.

Больше книг на сайте — Knigoed.net